ний

ргин

ора

ucs

ЕН171
П721

Л. ТРОЦКИЙ

ПОКОЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
ЦК РКСМ
1924

ИМЭ

Р.С.Ф.С.Р. ИНСТИТУТ К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА В. Ц. И. К.

Л. ТРОЦКИЙ

Е4171
П721

ПОКОЛЕНИЕ ОКТЯБРЯ

РЕЧИ и СТАТЬИ

„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
ПЕТРОГРАД 1924 МОСКВА

2-экз

К
К

ЕН171
П721

ВОЕН. ТИПОГРАФИЯ
ШТАБА Р.-К. К. А.
(Площ. Урицкого, 10).
ПЕТРООБЛИТ № 8416.
ТИРАЖ 15.500.

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ
К. Маркса и Ф. Энгельса
Ц. И. К.
(201/34)
12181
1062955

Л. Троцкий

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

В предлагаемую книгу включены статьи, речи и другие материалы, напечатанные или произнесенные в 1918—1923 г. г. Как видно из книги, Лев Давыдович за эти годы уделил немало внимания поколению, разбуженному к сознательной жизни и борьбе Октябрем. Издательство поставило себе целью собрать все, что было написано или сказано Л. Д. о молодежи. Составителю пришлось для этого не ограничиться вещами, целиком посвященными этой теме, а извлечь из разных статей и докладов выдержки, относящиеся к молодежи.

Составитель счел целесообразным включить целиком в книгу речи и доклады, произнесенные Л. Д. на комсомольских с'ездах. Эти доклады посвящены, главным образом, общеполитическим вопросам; тем не менее, они являются неот'емлемой частью книги. Из года в год эти доклады учили авангард поколения Октября разбираться в сложной обстановке борьбы; они были обращены ко всему Союзу и ко всей рабоче-крестьянской Молодежи; их лозунги определяли на долгие месяцы содержание всей комсомольской работы.

В отдел „За новый быт" составителем сознательно введен ряд статей и выдержек, не связанных непосредственно с молодежью, но обращенных в первую голову к ней. В огромной и кропотливой работе „действительного преобразования быта до самых глубоких его основ", кому, как не молодежи—это неоднократно подчеркивается Л. Д.—„честь и место".

Мы отдаем себе отчет в том, что книга в отдельных местах представит значительные трудности для массового читателя. Книге не хватает комментария и указателей. Эти недочёты, как и ряд других, будут восполнены составителем в подготовляемом к печати втором издании „Поколения Октября“.

Вся работа по составлению книги и по подбору и группировке материалов принадлежит тов. М. Зоркому-Мунни.

1 октября 1923 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга, составленная из статей и речей, печатавшихся и произносившихся в разное время, выходит в момент, когда весь мир с напряженным вниманием следит за развитием драмы германского народа. Незачем говорить, что как великие события, развивающиеся в самой Германии, так и те величайшие события, которые могут вырасти из германской революции, самым прямым и непосредственным образом задевают интересы Советского Союза. Как же быть с нашими текущими повседневными задачами: не отходят ли они на задний план? не исчезают ли вовсе? Нет, не исчезают и не отходят. Наоборот: в новой перспективе они получают новое, чрезвычайно возрастающее значение.

Партии, как и отдельные люди, познаются настоящим образом только в больших испытаниях. И если прав толстовский офицер, который считал храбрым того, кто поступает, как надо, то тем более это относится к партии: та партия подлинно революционна, которая из каждой ситуации методами, отвечающими этой ситуации, извлекает максимум в интересах мировой революции.

Мы сейчас, несомненно, подходим вплотную к одному из тех исторических узлов, которые определяют дальнейшее развитие на ряд лет, а, по всей вероятности, и десятилетий. Центром европейских и мировых проблем является Германия. Наша заинтересованность в судьбах Германии, имеет в одно и то же время и самый глубокий и самый непосредственный характер. Если бы хищникам французского империализма, самым реакционным, жадным и подлым из всех, каких когда-либо знала история, удалось надолго сломить волю германского народа

к жизни и независимости, Советский Союз стал бы неизмеримо слабее. Вопрос о судьбе Германии решается сейчас, в первую очередь, внутренней борьбой ее классов,—и незачем говорить, что все, что есть сознательного у нас, стремится проникнуть мыслью во внутренний ход развития германского народа, предугадать ближайшие этапы борьбы германского пролетариата. Все другие идейные интересы естественно отступают у этого авангарда на задний план. Однако, дело ведь не ограничивается авангардом. Подавляющее большинство населения страны не могло научиться мыслить о явлениях в международном масштабе. Но если даже ограничиться одним авангардом, то и здесь совершенно недостаточно идейного интереса и сочувствия к борьбе германских рабочих и к судьбе немецкого народа. Мы ведь не наблюдатели, а участники исторического процесса. И здесь нужно себя спросить со всей отчетливостью: нет ли противоречия между нынешней повседневной работой в условиях нэп'а, между нашим хозяйственным строительством и „культурничеством", с одной стороны, и размахом надвигающихся событий, с другой? Без ответа на этот вопрос, в сознании каждого мыслящего работника будет неизбежно двойственность, а нет ничего хуже двойственности, парализующей волю.

Попробуем войти в суть дела простым примером. На вопрос, обращенный к молодому студенту о том, как идут занятия, я получил полушутливый, полусерьезный ответ: „какие теперь занятия, — в Германии надвигается революция!" Не только молодые студенты, но и очень многие зрелые работники как бы чувствуют себя выбитыми из колеи. Повседневная наша работа, которую тов. Ленин в статье о кооперации условно назвал „культурнической", как бы теряет свой смысл и вес перед лицом надвигающихся больших событий.

Так, например, в одной провинциальной партийной газете я прочитал пространнейшую статью, в которой доказывается, что нам неуместно заниматься вопросами быта, поелику германская революция стучится уже в ворота истории. В противовес этому рекомендуется брать пример „на старших глядя: мы, например, или покойник дядя"... Смысл „примера" состоит в спартанском закале, способности к самоотвержению и пр. Многим из нас не раз приходилось говорить и писать о необходимости младшему поколению воспринять лучшие элементы революционного прошлого. Но превращать идею преемственности в нраво-

учительную притчу о спартанцах, которые жили единой мыслью, не заботясь о „быте“ и других житейских вещах, значит искажать историю, делать из живой революционной традиции условный канон и толкать рабочую молодежь за ответами к источникам, нам чуждым. Старые, дореволюционные поколения интеллигенции, а затем и передовых рабочих формировались, интересуясь всем, в том числе и личным и семейным бытом. Будущий революционер начинал нередко с размышлений о личном самоусовершенствовании, проводил молодые бессонные ночи в горячих спорах о брачных отношениях героев Чернышевского и пр. и пр. Тем более нынешняя молодежь, формирующаяся в обстановке величайшего перелома всех общественных и бытовых отношений—вне условий развернутой классовой борьбы не может сложиться в подлинно революционный тип, не продумавши со всех сторон условия своей личной жизни, семейно-бытовых отношений, в их неразрывной связи с отношениями общественными, то-есть с условиями и перспективами социально-революционной эпохи. Без такого продумывания и прорабатывания, с целью практического воздействия и преобразования, мы в лучшем случае получили бы школьных марксистов-книжников, а вернее, и их не получили бы, так как толчки жизни заставляли бы молодежь искать ответов на непосредственные вопросы жизни в не-марксистских теориях. Противопоставлять близкие перспективы германской революции нашим текущим практическим задачам значило бы быть фразером, а не революционером. Заявление, что ныне, когда в судьбах Европы близится крутой перелом, нет охоты заниматься алгеброй, можно понять, только как шутку или, в крайнем случае, как выражение скоропреходящего настроения молодого товарища, выбитого из колеи первыми сведениями о надвигающихся событиях. Но партия, а тем более рабочий класс не могут, разумеется, противопоставлять свою повседневную практическую работу тем новым грандиозным задачам, которые должны встать перед нами в более или менее близком будущем.

Тот слой рабочих и, в частности, рабочей молодежи, который уже научился переживать события международного масштаба, идейно откликается на германские события сразу. Но повторяем: этот слой тонок. Наша „культурническая“ работа состоит в том, что мы привлекаем ныне к идеям коммунизма не только путем общей пропаганды и агитации, но и путем практической работы

в хозяйственных и бытовых областях, связанных с жизнью трудящихся масс. Той работнице, которая не научилась критически думать о своей собственной жизни и о жизни близких, мы напрасно будем говорить о германской революции. Если же мы захватили или захватим ее нашей культурно-бытовой работой, то мы создадим для нее духовный мост от личного к общему, и немецкая революция станет для нее близким и родным делом.

Еще больше это относится к молодежи. Вот где поистине применимы евангельские слова: верный в малом—и во многом будет верен. Где бы ни развернулись крупные события, и в какой бы форме они ни наступили, они потребуют от нас на этот раз несравненно более высокой подготовки, более специальной квалификации во всех областях, чем все те задачи, которые нам приходилось разрешать до сих пор. Ребячески наивно было бы поэтому представлять себе дело так, будто надвигающиеся события требуют, чтобы мы выпрыгнули из нашей нынешней работы: учебы, хозяйственной, специально-культурной деятельности и проч. и проч. Единственно, чего новая обстановка требует, это—чтобы мы во всех областях работали по меньшей мере вдвое энергичнее и вдвое лучше прежнего.

Большие события—испытание не только для партий и людей, но и для общественного режима в целом. В этом смысле практические выводы из предвидения крупных событий представляют собой величайший экзамен режима, его руководящей партии и, в частности, его сознательной молодежи. Вопрос ставится историей так: в какой мере мы окажемся способными предвидение событий завтрашнего дня превратить в напряженнейшую подготовку сегодняшнего дня? В этой „подготовке“ на девять десятых нет ничего специфического, из ряда вон выходящего. Дело идет о продолжении той же работы, того же упорядочения, той же учебы,—только темп должен стать иным. Мы должны сейчас заработать с таким напряжением, какое наблюдается, скажем, у поотставшего, но во-время спохватившегося рабфаковца за несколько недель до экзаменов. В этом напряжении работы, в ее большей точности, отчетливости, в повышенном сознании ответственности и должна прежде всего выразиться — для данного периода—наша внутренняя связь с теми событиями, очагом которых является сейчас центральная Европа.

„Как ни важно и жизненно необходимо наше „культурничество“,—писали мы в статье по поводу пролетарской культуры,—оно целиком стоит еще под знаком европейской и мировой революции. Мы попрежнему солдаты на походе. У нас дневка. Надо выстирать рубаху, подстричь и причесать волосы и первым делом прочистить и смазать винтовку. Вся наша нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди—и, может быть, не так уже далеко“.

Что важнее: бой или чистка и смазка винтовки, или уход за обозной лошадью, или раз'яснение крестьянке, для чего существует Красная Армия, или изучение географии и истории Германии, или выделка портянок и пр. и пр.? Смешно и прямо-таки нелепо так ставить вопрос. Именно потому, что впереди возможны большие испытания, нужно как можно лучше и дешевле строить крестьянский плуг, ткать портянки, прилежно изучать географию и историю Германии и всех других стран, привлекать внимание самого отсталого рабочего и отсталой работницы к условиям их быта, тем самым открывая их мысли выход на широкую революционную дорогу. Каждая новая общественная столовая есть превосходный материальный аргумент в пользу международной революции.

Это правильное понимание связи малого с большим я нашел в „Песне о червонце“ комсомольского поэта Александра Жарова. Тем, кто склонен противопоставлять великие потрясения вопросам быта и заботам о валюте, молодой поэт отвечает:

Гей!
На бой против грязи и вони
И не с пулями острых слов!
Крышка, брат:
Даешь червонец!
И—никаких богов!..

Ну, а если застонет визгливо
Вражий взмах над головой,—
Я сумею быть терпеливым
И пойти
В знакомый бой!

Великие события формируют новые поколения. Мы часто говорили о подготовке смены. В повседневной учебе и работе смена подготовляется медленно и незаметно. В больших событиях она поднимается и обнаруживается сразу. Теоретические накопления, сочетаясь с опытом, дают необходимый закал и уверенность в себе. Мальчики становятся юношами, юноши—мужами.

* * *

Настоящий сборник появляется в свет по инициативе издательства „Молодая Гвардия". Подбор материала, группировка его и выправка стенограмм принадлежат полностью и целиком издательству. Самое заглавие сборника предложено моими молодыми издателями; я охотно согласился на это заглавие, так как оно правильно охватывает содержание собранных здесь статей и речей.

16 октября 1923 г.

Л. Троцкий

I. ПАРТИЯ И СМЕНА

ПАРТИЯ И СМЕНА

... Наша революция дала нам, отсталой стране, возможность передачи власти в руки рабочего класса, непосредственно связанного с крестьянскими массами. Роль партии слишком ясна для нас, и сейчас уже ясна, к счастью, для западно-европейских коммунистических партий. Не учитывать роли партии— значит впасть в лжемарксистский „об'ективизм", который предполагает какую-то чисто об'ективную автоматическую революцию, которая, конечно, при этом отодвигается в неизвестное будущее. Этот автоматизм, это меньшевистское миросозерцание нам чужды. Мы знаем, на практике мы научились и учим других понимать огромную роль того суб'ективного сознательного фактора, каким является революционная партия рабочего класса.

Без нашей партии переворота в 1917 г., разумеется, не произошло бы, и вся судьба нашей страны была бы другой. Она была бы отброшена в колониальное прозябание, была бы расхищена империалистскими странами мира. Если этого нет, то потому, что рабочий класс России был вооружен тем несравненным лезвием, каким является наша коммунистическая партия.

... Этой партии суждено еще в течение долгого периода, может быть, в течение многих лет, оставаться авангардом мировой революции. Это очень большая честь, но и очень большая ноша, очень большая тягота. Мы предпочли бы, конечно, иметь рядом с нами советские республики в Германии, Польше и других странах. Наша ответственность была бы меньше, а трудности нашего положения были бы не так велики.

Наша партия состоит из старых кадров с дореволюционным подпольным закалом, но это меньшинство. Затем в ней есть сотни тысяч, которые ничем не хуже стариков в смысле человеческого классового материала, сотни тысяч влившихся после революции, у которых преимущество—большая молодость, но недостаток—малый опыт.

Товарищ Ленин говорил мне (сам я этого не читал), что один не то чешский, не то немецкий врач писал: „коммунистическая партия в России это—несколько тысяч стариков, а дальше—молодежь. Условия нэп'а будут ее перерабатывать, и если старые поколения—эти тысячи—выйдут из работы, то партия окажется незаметным образом переделанной стихией нэп'а, стихией капитализма". Тут сквозит тонкий политическо-психологический расчет. Разумеется, расчет в корне ложный, но вместе с тем требующий от нашей партии, чтобы она, отдавая себе отчет в затяжном характере революционного развития и в трудностях нашего положения, приложила удвоенные и утроенные усилия к воспитанию молодых поколений нашей партии, к повышению квалификаци партийной массы.

Завтра час европейской революции, может быть, еще и не пробьет. Пройдут месяцы и, может быть, годы, а мы будем все еще единственным рабоче-крестьянским государством в мире. Муссолини победил в Италии. Застрахованы ли мы от победы немецких Муссолини в Германии? Нет. И вполне возможно, что во Франции встанет у власти более реакционное министерство, чем Пуанкарэ. Буржуазия, прежде чем сесть на задние лапы и выдвинуть своего Керенского, еще может попробовать выдвинуть своих последних Столыпиных, Плеве, Сипягиных. Это будет преддверием к европейской революции, но при одном условии: если мы удержимся, если удержится советское государство, а, значит, прежде всего, если удержится наша партия до конца. Нам нужно будет пройти, может быть, еще не год этой подготовительной хозяйственной, политической и всякой иной работы. Поэтому—плотнее к массовым резервам! Больше молодежи вокруг нашей партии и в партии, максимальное повышение ее квалификации!

При этом условии полной сплоченности, при условии передачи опыта старшего поколения младшему, какие бы бури—предвестники последней пролетарской победы—ни разразились

над нашей головой, мы будем твердо знать, что советская граница есть тот окоп, дальше которого контр-революция пойти не может. В этом окопе сидим мы—авангард Советской России—коммунистическая партия, и мы этот окоп нерушимо и незыблемо сохраним до того дня, когда подоспеет европейская революция и над всей Европой взовьется знамя Союзной Советской Европейской Республики, как преддверие Республики всего мира.

Из доклада на заседании коммунистической фракции X с'езда Советов.

ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ

... Поскольку идет длительная работа по восстановлению хозяйства республики, постольку переход к планомерной работе играет колоссальную роль, и выдвигается огромной важности вопрос о воспроизводстве нашей собственной партии, о возрождении ее рядов, о пополнении убыли за счет молодого поколения.

Это новое поколение, уже выросшее при устойчивой советской власти, не мыслит себя иначе, чем советским. Оно ищет руководства, оно группируется вокруг комсомольского клуба, оно тяготеет к культуре. Это поколение партия может и должна целиком взять в свои руки.

Я утверждаю, что вопрос о воспитании молодежи является сейчас вопросом жизни и смерти для нашей партии, и говорю это отнюдь не для красного словца.

Мы на своих ногах устояли и устоим, во-первых, потому, что мы научились владеть государственной властью и маневрировать, а во-вторых, потому, что мы научились и научаемся овладевать основным капиталом нашей партии.

В ближайшие годы наша работа будет, повидимому, протекать в лучшей обстановке, чем за прошлые пять лет. Но все же мы не застрахованы от новых рецидивов капиталистического неистовства против нас, вплоть до восстановления фронтов.

Практика возникновения пролетарской власти в Германии,— а история все-таки, очевидно, будет разворачиваться из этого клубка,—от России через Германию на запад—поставила перед нами задачи, далеко выходящие за пределы нашего внутреннего строительства. Для этого нам необходимо обновление наших партийных кадров, создание могущественного резерва

молодежи. И если мы повторяем коммунистическим партиям: „Вы, европейские коммунисты, прежде, чем перед вами встанет ребром задача завоевания власти, уйдите в массы, учитесь исправлять свои ошибки, учитесь овладеть массами“, то мы нашей собственной партии говорим: „перед нами молодежь, которой мы должны овладеть для удержания в своих руках советской цитадели до тех пор, пока пролетарская революция овладеет Европой, а затем и всем миром“.

Из речи на совещании активных работников московской организации Р. К. П. 20 октября 1922 г. „Пр.“ № 219.

12184 1062955

БИБЛИОТЕКА
Ин-та марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

ПЕРЕДАЧА ОПЫТА РЕЗЕРВАМ

... Передача политического опыта партийной молодежи сложнейшая задача, которую можно было бы в значительной мере разрешить педагогическим путем. Того опыта классовой борьбы, который создал и закалил нас в предшествующий период, при буржуазном режиме, теперь у молодежи нет. Она пробуждается, она живет в обстановке сутолоки, неуклюжей постройки будущего социалистического хозяйства, да еще с такими осложнениями, как нэп.

Как формируется сознание у нашей партийной молодежи? Это—труднейший и сложнейший вопрос. Здесь нет ничего точного, прочного и отчетливого.

Вот молодой рабочий до завоевания нами власти. Перед ним мастер, капиталист, пристав. Он сталкивается с ними грудью, борется. Эта борьба была основой, на которой старшее поколение революционных рабочих создавалось и поднималось.

А нынешний молодой рабочий? Если он испытывает недовольство, он не знает, где искать причин и виновников. Ему об'ясняют, что так нужно, что это—наш строй, политика рабочей власти. У него не закладывается фундамента классового опыта борьбы.

Как это возместить? Искусственными рецептами здесь не помочь. Это можно возместить только повышением теоретического уровня рабочей молодежи в духе марксизма. Вот—важнейшая задача партии, которая выполняется далеко не в полной степени.

А работа впереди еще огромная. Нет уверенности, что подмога с запада может притти через полгода, через год. Поэтому теперь у партии, по моему глубочайшему убеждению, нет другой, более важной задачи (разумеется,

кроме задачи сохранения строя и общего политического направления), как воспитание молодого поколения рабочих и крестьян.

Конечно, если наша обстановка затрудняет воспитание молодого рабочего, то воспитание молодого крестьянина она до известной степени облегчает, потому что он деклассируется как крестьянин. Он становится более восприимчивым к новым словам, и при хорошей настоящей постановке воспитания мы извлечем из крестьянства громадное количество элементов, которые нам необходимы. Мы извлечем их, если мы поставим дело коммунистического воспитания на почву детальной подготовки, точности, отчетливости, добросовестности и ответственности.

Из доклада на XI с'езде РКП
27 марта 1922 г.

МЫСЛИ О ПАРТИИ

1. МОЛОДЕЖЬ И ПОЛОСА „МАЛЫХ ДЕЛ".

25 лет прошли как-то очень уж скоро. А между тем, четверть столетия—срок не малый... Инициаторы 1-го с'езда партии, насколько знаю, собирались пригласить на него и нашу николаевскую организацию, но колебались: очень мы, николаевцы, были молоды. Но вопрос разрешился сам собою: в январе 1897 года николаевская организация была разгромлена почти начисто, а с'езд собрался в марте. Мы о нем узнали уже в одесской тюрьме в мае: новость передавали криком из окошка в окошко. И вот, прошло 25 лет, да каких! Войны, революции, потрясения, каких не бывало еще в человеческой истории. И хотя кажется, что 1897-й год был вчера, но как трудно в то же время охватить это 25-летнее прошлое, более богатое содержанием, чем предшествующие тысячелетия. Не лучше ли поразмыслить о будущем?

Первая мысль—о молодежи, ибо она и есть будущее. Ныне руководящее в партии поколение воплощает в себе неоценимый опыт истекшего 25-летия, а наша революционная молодежь есть вулканический продукт октябрьского извержения. Ни европейская, ни тем более мировая революция, как бы скоро она ни началась, не завершится на глазах старшего поколения. Тем серьезнее, тем глубже вопрос о воспитании смены, которой предстоит доводить работу до конца.

В Европе молодое поколение пролетариата, пробужденное русской революцией, продолжает жить в условиях капиталистического режима. Сочетание этих условий: революционный пример России и могущественный гнет империализма придают

молодому поколению европейского пролетариата революционный закал, которого так не хватало в эпоху империалистской войны.

Условия развития нашей молодежи глубоко отличны. Она выросла или выростает в обстановке победоносной революции, которой не удалось сломить и не удастся. Для нашей молодежи революция уже не цель, а быт. Нет ли в этом новых опасностей? В своем практическом осуществлении революция как бы „разменялась“ на частные задачи: надо починять мосты, учить грамоте, понижать себестоимость сапога на советской фабрике, бороться с грязью, ловить мошенников, проводить электрические провода в деревню и пр., и пр. Некоторые интеллигентские пошляки, из тех, у которых мозги набекрень (они считают себя по сей причине поэтами или философами), уже заговорили о революции тоном великолепнейшего снисхождения: учиться, мол, торговать (хи-хи) и пришивать пуговицы (хе-хе). Но представим пустобрехам брехать в пустоте. Сами же поставим вопрос критически: нет ли действительной опасности того, что молодежь наша незаметно сложится и окостенеет в атмосфере советских „малых дел“,— без революционных перспектив, без широкого исторического горизонта—и в один злосчастный день обнаружится, что мы с ней говорим на разных языках? Отрицать эту опасность начисто не приходится. Но тем условиям, которые порождают ее, противостоят другие, никак не менее могущественные условия, и прежде всего, международное положение нашей страны, а следовательно, и нашей партии. От разрешенной нами большой задачи, завоевания власти, мы перешли к „малым“ задачам не сразу, а через долгую гражданскую войну, и не навсегда, а только на известный период, который мы привыкли называть передышкой. Об этом свидетельствует, прежде всего, самый факт существования Красной армии. Не мы одни живем на свете. Мы всего лишь крайний левый фланг очень большого и извилистого фронта, проходящего по всем пяти частям света. Тот отряд неприятельских сил, который непосредственно противостоял нам, мы за эти годы основательно сокрушили: „всерьез и надолго“. Но во всем мире еще идет борьба. И она в любой момент может перекинуться на нашу территорию, или наша прямая помощь может потребоваться—во имя нашего же самосохранения—на других участках. Понимание этого международного характера наших задач

должно составлять стержень воспитания нашей молодежи. Если мы переживаем внутри как бы полосу малых дел, то Красная Армия есть наиболее зримое звено, соединяющее нас с еще неразрешенными революционными задачами мирового масштаба. Поэтому отношение молодежи к Красной Армии по существу выражает ее практическое отношение к революции, как к героическому подвигу. Мы видели вчера это отношение на примере Красного флота, завтра увидим на примере авиации. С другой стороны, то, что иногда называют демобилизационным настроением, есть по существу ликвидаторское настроение. Практическую революционную школу, какую давало подполье,— школу высокого самоотвержения, боевого братства — в наших условиях может заменить в первую голову Красная Армия.

* * *

Для этого нужно, повторяем, чтобы понимание связи нашей внутренней работы с борьбой мирового рабочего класса вошло в кровь нашей молодежи. Достигнуть этого можно, только приблизив к нам мировое рабочее движение в гораздо большей степени, чем до сих пор. Как? Путем правильно поставленной, серьезной, добросовестно продуманной информации. Время суммарных лозунгов насчет призрака коммунизма, который бродит по Европе, уже прошло—и еще не наступило. Нужно, чтобы наша передовая молодежь изо-дня в день через газеты, журналы, лекции следила за ходом революционного движения во всей его конкретности; чтобы она знала его силу и слабость, трудности и ошибки, успехи и поражения, его организацию, его вождей. Благодаря тюрьмам, ссылке и эмиграции старшее поколение нашей партии получило эти интернациональные знания, воспитывалось на них, впитало их в себя. В этом его сила, которая и позволяет ему играть ныне руководящую роль в Коммунистическом Интернационале. Младшему поколению нет надобности для этого ни в тюрьме, ни в эмиграции. Задача может и должна быть разрешена в порядке плана партийным и государственным путем. Прежде всего, наша пресса должна научиться давать систематическую, конкретную, живую, непрерывную информацию о борьбе рабочего класса во всем мире. Довольно бессвязных, эпизодических, отрывочных, тараторящих и пустозвонящих сведений! Нужно, чтобы сегодняшний

день рабочего движения органически вытекал для читателя из вчерашнего дня. Нужны правильно поставленные корреспонденции из-за границы. Нужно тщательно следить за европейской печатью и выжимки из нее давать нашему читателю. Дело не в том, чтобы поучать, призывать, наставлять: этого слишком много и это утомляет; молодежь, выросшая в атмосфере лозунгов, призывов, восклицаний, плакатов, рискует перестать реагировать на них. Нужно дать ей фактические сведения в правильных пропорциях и в правильной перспективе. Нужно дать ей материальные элементы и методы самостоятельной ориентировки в ходе мировой революции. Как военный по призванию передвигает на своей карте флажки, напряженно вдумываясь в условия и шансы боев, происходящих от него за тридевять земель, так наша молодежь должна учиться на политической карте мира передвигать самостоятельно флажки классового фронта, взвешивать силы и средства борьбы, оценивать методы ее и проверять вождей. Нет более могущественного идейно-воспитательного средства — и против крохоборческого принижения, и против нэповского разложения, и против всех других опасностей.

* * *

Но и чисто практическая повседневная работа на почве советского культурно-хозяйственного строительства — даже и советская торговля в розницу! — вовсе не является практикой „малых дел“ и не несет в себе необходимо психологии крохоборчества. Малых дел — без больших — в человеческой жизни сколько угодно. А больших дел без малых в истории не бывает вовсе. Точнее сказать: малые дела в большую эпоху, то-есть, как составная часть большой задачи, перестают быть „малыми делами“. После разгрома „Народной Воли“, впавшая в дряблость и прострацию, русская интеллигенция пыталась встать на путь „малых дел“ культурнического и филантропического характера. Так вырос тип восьмидесятника — проповедника артелей и вегетарианства. После поражения революции 1905 г. русский меньшевизм окончательно стал на путь отказа от революционной программы во имя „злободневных потребностей“, т.-е. малых дел. Так сложился тип ликвидатора, проросший насквозь буржуазностью и обернувшийся вскоре патриотом. В Европе за время между франко-прусской войной (1871 г.) и великой

империалистической свалкой (1914 г.) социал-демократическая и профессионалистская бюрократия все больше и больше уходила в повседневную чисто-реформистскую, детальную работу, практически отказываясь от революционной борьбы с капитализмом, склоняясь ниц перед его могуществом. Так сложился оппортунист, националист, шейдемановец. Во всех этих случаях дело шло о политической и моральной капитуляции перед врагом. „Малые дела" открыто или молчаливо противопоставлялись большой исторической задаче. Творились они в целях режима, установленного враждебным классом.

Совершенно очевидно, что совсем много рода те злободневные потребности и частные задачи, которые требуют нашего внимания ныне. У нас дело идет о строительстве рабочего класса, который впервые строит для себя и по своему плану. Этот исторический план, хотя бы еще крайне несовершенный и сбивчивый, должен об'единить все части и частицы работы, все углы и закоулки ее, единством большого творческого замысла. Крохоборчество реформистов не в заботе о частичных реформах, а в том, что эти реформы заранее уложены в тесные рамки, какие отводит им враждебная воля. Если наши советские реформы имеют тесные границы, то это—границы нашего собственного хозяйственного могущества или нашей слабости. От нашей воли и настойчивости зависит расширить их. Все наши отдельные и малые задачи—вплоть до советской торговли в розницу—входят, как части, в план господствующего рабочего класса, направленный им на преодоление своей хозяйственной и культурной слабости. В конце концов, и самый героический баррикадный бой распадается на детали: доставка бревен, опрокидывание телег, установка заграждений и пр., и пр. Но все это связывается высшим революционным напряжением борцов во имя большой политической цели. Единство большой цели и вырывает человека из мещанского крохоборчества, из обывательской тины, поднимает его над уровнем одних только мелких повседневных забот, окрыляет его жизнь даже при самой скромной доле его личного участия в общей работе.

Социалистическое строительство есть плановое строительство величайших масштабов. И через все приливы и отливы, ошибки и повороты, через все извилины нэп'а партия преследует свой большой план, в духе этого плана воспитывает молодежь, учит

каждого связывать свою частичную функцию с общей задачей, которая требует сегодня тщательно пришивать советскую пуговицу, а завтра—бесстрашно умирать под знаменем коммунизма.

Советская техника поднимается на уровень революционной политики. Слесарь, ткач, мастер, инженер,—сознательные участники общего хозяйственного плана,—должны стать таковыми. Техническое обучение молодежи не только специализация, но и подготовка к участию в плановом строительстве, в социалистическом зодчестве, в революционном подвиге. Для техники Советская Россия—необ'ятное поле. И пролетарское студенчество—при правильной постановке дела—будет с таким же энтузиазмом изучать агрономию, термодинамику или электротехнику—уже изучает,—с каким наше поколение училось организации стачек, кружков и подпольных типографий. Специализация необходима, плодотворна, спасительна, как элементарная предпосылка всякого успеха. Но специализация в рабочем государстве вовсе не должна вести к сплющению личности, к замкнутой односторонности. От нашей молодежи мы должны и будем требовать серьезной и глубокой специализации, а стало быть, и освобождения от основного греха нашего поколения—всезнайства и всеумейства,—но специализации на службе общего, каждым в отдельности воспринятого и продуманного плана. Партия должна будет в ближайшие годы воспитать могущественные научно-технические кадры. Советская техника должна будет подняться на высоты коммунистической партийности.

Вопрос, однако, этими общими историческими соображениями не исчерпывается, ибо они являются решающими только в так называемом „последнем историческом счете". Практически же соотношение между специализацией и партийностью стоит (для сегодняшнего дня) сложнее и острее.

Конечно, и до октября большевики были не только большевиками, но и выполняли известную служебную, профессиональную работу. Разница, однако, с дореволюционным временем огромная. Во-первых, штабы партии были тогда заняты почти исключительно партийной работой: это так называемые профессиональные революционеры, и число их было довольно значительно. Во-вторых, члены партии, оставшиеся у станков, в конторах и пр., отдавали своей заводской и конторской работе только физические силы, только время, но не душу. Ак-

тивной сознательной жизнью они жили вне своей профессиональной работы. А теперь? Штабы партии, и центральный и местные, состоят, за небольшими исключениями, из товарищей, выполняющих наиболее ответственную государственную работу, почти всегда специализованного типа. То же самое относится и к очень значительному числу членов партии, не принадлежащих формально к ее штабам, но составляющих ее основные кадры. В свою административную, хозяйственную, военную, дипломатическую и всякую иную работу коммунисты вкладывают теперь свою личность целиком, ибо дело идет не о службе, а о социалистическом строительстве, и чем дальше, тем больше члены партии специализуются, тем больше они входят во вкус специализации—и так должно быть, ибо без специализации нельзя достигнуть ничего серьезного и дельного в таком колоссальном „предприятии", как построение нового государства и нового хозяйства. Но и опасность, отсюда вытекающая, велика—из-за пристального разглядывания деревьев можно разучиться видеть лес.

Года три тому назад мне как-то пришлось сказать, что будет большим для партии завоеванием, когда вместо внутрипартийных течений и фракций старого типа у нас создадутся группировки электрофикаторов, торфистов, сланцистов и пр. В общем эта мысль остается правильной и сейчас. Но замедленное в мировом масштабе развитие революции означает для нас замедленное хозяйственное развитие, а это, в свою очередь, означает, что чисто политические вопросы: взаимоотношение между рабочими и крестьянами, партией и массами, сохранят для нас еще долго свое решающее значение, и если бы раздробленная и поглощенная специализованной работой партия утратила способность быстрой ориентировки в этих вопросах и чуткость ко всяким изменениям в политической области, это грозило бы величайшими опасностями. Пытаться противодействовать этому, таща партию назад, к примитивным способам решения всех и всяких советских вопросов „партийным путем", на глаз, было бы, разумеется, реакционнейшим дон-кихотством. Мы только измотали бы на этом пути партию, заставляя ее голыми руками выполнить работу, для которой у нас уже существуют, хотя и не очень тонкие, но все же инструменты. Противодействовать ведомственному (и всякому иному) перерождению партии можно только сочетанием ряда методов, способных

усиливать и сплачивать партию, расширять ее базу, улучшать советские „инструменты“ и научать партию—то-есть себя самих—лучше владеть ими.

Нужно прежде всего систематически увеличивать в партии число членов, работающих у станка. Промышленность получила сейчас большую устойчивость, чем в первые годы революции, и мы надеемся, что устойчивость ее будет расти. Вербовка членов партии на заводах может и должна принять строго систематический и при том индивидуализированный характер. Мы должны завоевывать в отдельности каждого рабочего, который заслуживает завоевания. Рабочая молодежь должна стать поголовно нашей. Это задача всех задач, ключ ко всем замкам. Кристаллизация в верхних слоях партии по линиям специальностей и ведомств будет тем менее угрожать партии бюрократическим окостенением, чем обильнее будут питающие партию почвенные родники.

Дальше следует повышение политической и теоретической квалификации партии и, как важнейшее к этому средство, улучшение партийной печати, которая должна лучше информировать, больше заинтересовывать, глубже захватывать, в частности—освобождение партийной печати от ведомственной вермишели и от однообразных прокламаций, которые не учат, не побуждают, а утомляют. Но об этом надо говорить особо—конкретно и настойчиво.

Наконец, очень важным и наиболее неотложным средством является усиление и улучшение партийного контроля не только в партийной, но и в советской работе. Ведомственность, бюрократизм, рыночная перелицовка человеческих отношений—все это развивает очень большую силу втягивания, обволакивания, разложения. Наша партия знает это гораздо лучше, чем ее критики со стороны. Но она не пасует перед этими тенденциями, а сознательно, планомерно, бдительно и непримиримо противодействует им. И не только своей общей работой, но и через специальные органы контроля, приноровленные к конкретным формам нынешней партийной и советской работы. Члену партии, который так „специализовался“ на своей ведомственной работе, что утратил нравственную связь с партией, незачем оставаться в партии. Он может быть полезным советским работником, но ему нельзя давать голоса в определении общей политики партии. Коммуниста, которому грозит такое

перерождение, должно во-время остановить. Это очень важная задача, которая автоматическим действием советского аппарата не может быть решена. Партия, как партия, организована у нас очень солидно. Но в состав советского аппарата члены партии входят совсем на других началах—с иными взаимоотношениями и иной иерархией. Между партийной и советской организацией существует очень сложное взаимопроникновение, недостаточно, однако, организованное со стороны партии. Отсюда потребность в самостоятельном контрольном органе, имеющем задачей обеспечить партийную линию не только в партийной, но и в советской работе,—авторитетном, гибком, товарищеском, но и беспощадном, когда нужно. Вопрос этот, как все, разумеется, помнят, составляет главную часть темы двух последних статей т. Ленина.

2. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС И ВОСПИТАНИЕ ПАРТИЙНОЙ МОЛОДЕЖИ.

Еще Гете сказал, что старые истины приходится снова и снова завоевывать. Это относится к отдельным людям, к партиям, к целым классам. Партии нашей надо снова завоевывать для себя, т.-е. заново продумать и сознательно проверить на опыте свою национальную программу.

И внутренняя и международная политика нашей партии определяется двумя основными линиями: революционно-классовым движением западного пролетариата и национально-революционным движением Востока. Мы уже говорили, как важно для нас связать крепкими живыми узами воспитание нашей молодежи, да и всей партии (воспитание партии, как и отдельного человека, никогда не заканчивается: век живи, век учись) с фактическим ходом пролетарского движения во всем мире. Здесь мы должны сказать, что не меньшее политическое движение для ориентировки и самовоспитания партии имеет ясное понимание ею национального вопроса. Мы говорим: не меньшее, рискуя вызвать недоумение: ведь, на Западе дело идет о борьбе пролетариата за власть, а на Востоке—„всего на всего“ об освобождении крестьянских, преимущественно, наций от чужеземного ига. Разумеется, отвлеченно рассуждая, эти два движения относятся к разным эпохам общественного развития, но исторически-то они связаны воедино, направляясь с двух

сторон против одного и того же могущественного врага: империализма. И если бы мы не поняли колоссального значения национально-революционного фактора, его неизмеримой взрывчатой силы, мы рисковали бы безнадежно скомпрометировать революционное движение Запада—и себя вместе с ним—на многие годы, если не навсегда [1]).

Мы достаточно твердо усвоили из опыта нашей революции значение правильных взаимоотношений между пролетариатом и крестьянством, — т.-е. взаимоотношений, соответствующих их классовым силам и ходу развития революционного движения во всем мире. Мы склоняем, и не случайно, слово „смычка" во всех падежах—нечего греха таить—иногда довольно-таки невпопад! Но основа вопроса нами твердо усвоена. Наше правительство не зря называется рабоче-крестьянским. Если успех нашей революции зависит от правильного сотрудничества пролетариата и крестьянства, то успех мировой революции зависит, в первую голову, от правильного сотрудничества западноевропейского пролетариата с крестьянским национально-революционным Востоком. Россия—гигантский стык пролетарского Запада и крестьянского Востока, стык и вместе—показательное поле.

В самой России, однако, вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством вовсе не однороден. Одно дело—взаимоотношения великорусского пролетариата и великорусского крестьянства. Здесь вопрос стоит в своем чистом классовом содержании. Это обнажает и упрощает задачу, облегчая тем самым ее разрешение. Другое дело—взаимоотношения великорусского пролетариата, играющего первую скрипку в нашем союзном государстве, и азербейджанского, туркестанского, грузинского или украинского крестьянства. Там, в угнетавшихся ранее „окраинах", все социальные, классовые, экономические, административные и культурные вопросы получают большой угол отклонения, преломляясь чорез национальную призму. Недоразумения между пролетариатом и крестьянством (а мы их видели за эти годы не мало) приобретают там неизбежно национальную окраску. Это относится в значительной мере и

[1]) И на европейском Западе национальный вопрос будет играть еще огромную роль в революции. Достаточно вспомнить Польшу, Румынию, Балканы, всю центральную Европу. Но мы говорим в тексте об основных линиях революции. *Л. Т.*

к пролетариату угнетавшихся ранее наций. То, что в Москве или Петрограде будет понято, как простой практический конфликт между центром и местами, городом и деревней, текстильщиками и металлистами, то в Грузии, в Азербейджане и даже на Украине легко может принять форму конфликта „великодержавной“ Москвы с потребностями малых и слабых наций. В известных случаях это так и есть. В других случаях это может так представиться. Наша задача состоит в том, во-первых, чтобы этого не было, во-вторых, чтобы это не могло и казаться. И это очень большая задача, которую мы должны разрешить во что бы то ни стало: и конституционными и административными, а прежде всего—партийными методами.

В чем состоит опасность неправильной политики в отношении к крестьянству? В том, что крестьянство может выйти из-под руководства пролетариата и подпасть под руководство буржуазии. Но эта опасность удесятеряется, как только речь заходит о крестьянских массах, а в значительной мере и о молодом и немногочисленном пролетариате малых и отсталых наций, угнетавшихся царизмом. Национальная связь классов есть тоже „смычка“, которая не раз себя обнаруживала в истории, как очень крепкий и очень вязкий цемент. Грузинские меньшевики, украинские петлюровцы, армянские дашнакцаканы, азербейджанские муссаватисты и пр. и пр. обречены на ничтожество при правильном, то-есть внимательном и предупредительном отношении нашем к национальным потребностям тех народов, старые исторические обиды которых эксплоатируются названными партиями: и, наоборот, непонимание или недостаточное понимание нами огромной исторической важности завоевания полного и безусловного доверия угнетавшихся ранее наций неизбежно придает всем и всяким требованиям, всякой обиде, всякому недовольству туземных трудящихся масс оппозиционно-национальную окраску, а на этой основе националистическая идеология создаст или, вернее, воссоздаст между буржуазией и трудящимися крепкую „смычку“, направленную целиком против революции.

Диктатура рабочего класса впервые в истории открыла возможность правильного разрешения национального вопроса. Советский строй создаст для этого вполне пригодные государственные рамки, эластичные, упругие и в то же время всегда способные дать выражение как центро-стремительным тенден-

циям революции, окруженной неисчислимыми и непримиримыми врагами, так и плановым потребностям социалистического хозяйства. Но мы впали бы в грубое самообольщение, если бы возомнили, будто национальный вопрос уже решен нами. Фактически под таким самодовольством (а оно попадается даже и в рядах нашей партии) скрывается нередко великодержавный национализм, не агрессивный, а дремлющий, и не любящий, чтобы его тревожили. „Разрешить" национальный вопрос можно только обеспечив за всеми нациями возможность ничем не стесненного приобщения к мировой культуре—на том языке, который данная нация считает своим родным языком. Это предполагает большой материальный и культурный под'ем всего нашего Союза—и до этого еще далеко. Произвольно сократить срок такого под'ема мы не властны. Но мы властны в одном: показать и доказать, не в программных заявлениях, а в повседневной нашей государственной работе,—всем малым, слабым и отсталым нациям и народностям, угнетавшимся ранее царизмом, что если очень важные и значительные потребности их неудовлетворены, то тому причиной являются об'ективные условия, общие для всего Союза, а никак не невнимание, никак не великодержавное пристрастие. И эта задача—завоевание полного и безусловного, всем опытом проверенного доверия малых и слабых наций,—является первостепенной партийной задачей.

Наиболее глубокую и яркую борозду в сознании многомиллионных масс Советского Союза провела гражданская война. В мотивах и целях этой войны не было на стороне нашей партии ни атоманационализма или „империализма". Война имела, по самой сути своей, революционно-классовый характер и в этом своем виде охватила всю территорию старой царской империи, переливаясь моментами за старые рубежи. Гражданская война пересекалась по разным направлениям и под разными углами с национальными группировками и нередко тяжело ударяла по отдельным частям нынешнего Союза. Во время жесточайшей войны за спасение революции законы войны ставились над всеми другими законами. Мосты разрушались независимо от того, какой ущерб будет от этого хозяйственной жизни. Под штабы и воинские части занимались здания, из которых вытеснялись школьники и учителя. Суровый военный режим не мог не ударять тяжко по культурной жизни вообще, нацио-

нальной—в частности. К этому присоединялось еще, что в отдельных случаях отсталость красноармейской части, злая воля отдельных элементов комсостава, недостаточная энергия политработников порождали игнорирование и даже грубое попрание национальных чувств и настроений. Но это были все же изолированные явления и преходящие. В общем же, гражданская война, спаивая кровью трудящихся всех национальностей в борьбе против классовых угнетателей, по самому существу своему, не могла быть школой повседневного сожительства и сотрудничества на началах не формального, „конституционного", а фактического, материального и нравственного равноправия граждан малых и отсталых народностей с гражданами державной ранее народности в пользовании всеми теми весомыми и невесомыми благами, которые может и должна обеспечить принадлежность к Советскому Союзу. Чувство национальной обиды у малых и угнетенных ранее наций накоплялось десятилетиями и столетиями. И с этим наследством, как и с угнетенным положением женщины, скажем, нельзя покончить одними только декларациями, хотя бы и вполне искренними, хотя бы и законодательного характера. Нужно, чтобы женщина в жизни, в быту, в повседневном опыте своем почувствовала, что на пути ее нет никаких внешних ограничений и стеснений и нет к ней пренебрежительного или снисходительного тона, наоборот, есть не только „права", но и братское участие, направленное на то, чтобы помочь ей подняться на более высокую ступень. Нужно, чтобы малая нация почувствовала, что в сознании „державной" ранее нации произошел радикальный и безвозвратный перелом и что все отступления своих членов от практического и морального равенства, от фактического, жизненного национального братства „державная" нация, то-есть ее правящий класс сам карает, как штрейкбрехерство и измену. Именно теперь, с наступлением более органической работы как хозяйственной, так и культурной, малые нации будут с настороженным вниманием относиться к тому, как на них отражаются общие хозяйственные, политические, юридические, культурные мероприятия советской власти Союза, то-есть, в первую голову, какую линию ведет в этих вопросах наша партия.

В этой сфере ищут и будут искать поживы наши враги. Какую бешенную международную кампанию вела и ведет со-

циал-демократия на почве грузинского вопроса, изображая изгнание из Грузии меньшевиков, как подавление грузинской нации! Мы доказывали, и с полным основанием, что очищение Грузии от меньшевистской агентуры империализма было вопросом жизни и смерти для всей нашей революции. Для нас несомненно, что пролетарская революция по своим целям и последствиям целиком совпадает с интересами малых и угнетенных народов. Но живая, борющаяся, еще не завершенная революция ходом своим может наносить и, не желая того, наносит удары национальным интересам и чувствам. Что вступление Красной Армии в пределы Грузии, на помощь грузинским повстанцам, не только истолковывается шарлатанами международного меньшевизма, как „захватническая" политика Советской власти, но могло быть так понято и действительно было так понято известной частью грузинского крестьянства и даже грузинских рабочих,—это бесспорно. В борьбе с этим настроением и с этими взглядами совершенно недостаточно доказать, хотя бы и с документами в руках, что грузинские меньшевики сознательно открывали мировому империализму наиболее опасные для революции пути, ибо та, более отсталая часть трудящихся грузин, которая была охвачена национальным недоверием к Красной Армии, тем и отличается, что ей еще недоступно понимание революционных событий в их европейской и мировой связи. Единственно убедительной может быть здесь лишь такая наша политика, которая на деле показывает грузинскому крестьянину, что его национально-культурные интересы, его национальные чувства, его столь часто оскорблявшееся в прошлом национальное самолюбие находят сейчас все то удовлетворение, какое только возможно по об'ективным условиям.

Очень возможно, что мы стоим еще перед известным обострением национальной чувствительности и даже национальной мнительности у тех народностей, которые раньше угнетались и которые, конечно, требуют—и в праве требовать—от революции, чтобы она обеспечила их от каких бы то ни было рецидивов национального неравенства в будущем. На этой почве вполне возможно проникновение или усиление националистических тенденций (преимущественно оборонительно-националистических) даже в среду коммунистов малых наций. Но такие явления, по общему правилу, имеют не самостоятельный, а отраженный, симптоматический характер. Как анархо-авантю-

ристские тенденции в рабочих кругах являются обычно признаком и результатом опортунистического характера руководящих рабочих организаций, так националистические тенденции среди коммунистов малых наций являются признаком еще не везде вытравленных грехов великодержавности в общегосударственном аппарате и даже в иных уголках самой правящей партии.

Опасность по этой линии тем больше, что молодое поколение партии совершенно, в сущности, не сталкивалось политически с национальным вопросом. В царской России вопрос этот неотступно стоял пред революционной партией в виде национального угнетения и в повседневной агитации нашей играл виднейшую роль. Партийная теория отводила национальному вопросу большое место. „Старики" через все это прошли (хотя и здесь рецидивы нередки). Молодежь же политически родилась в стране без национального гнета. Она знала вопросы военной обороны республики, подошла к вопросам хозяйства. Национальный вопрос перед ней по настоящему почти не вставал. Ей поэтому иной раз кажется, что она с ним уже разделалась, примерно, как с религией. Есть ли, мол, тут о чем разговаривать или думать?

В составе самых малых или отсталых наций наблюдается нередко недостаточное внимание к национальному вопросу со стороны наиболее революционных, в том числе и пролетарских элементов. Примкнув к Российской Коммунистической Партии и сразу раздвинув свой горизонт, молодые, искренние, горячие революционеры склонны иногда глядеть на национальный вопрос у себя под ногами не как на задачу, которую нужно разрешить, а как на простую помеху, через которую нужно перескочить. Несомненно, что борьба со своим домашним национализмом, хотя бы и выросшим из былого угнетения, представляет важную задачу передовых революционных элементов везде и всюду. Но на почве, насыщенной старым угнетением, эта борьба должна иметь терпеливо-пропагандистский характер и опираться не на игнорирование национальных потребностей, а на заботливое их удовлетворение.

Отмахивание от национального вопроса совершается иногда и товарищами постарше—с такой мотивировкой, что это, мол, временная „уступка"—вроде нашей „народнической" аграрной программы или нэп'а. Ну, что ж, это сопоставление можно

условно принять. Разумеется, было бы легче строить социализм, если б не было надобности в национальных „уступках“, то-есть, если б не было в прошлом национального угнетения, а в настоящем—различия языка и национальных культур. Точно так же, как легче было бы устроить социализм, если бы не было у нас многомиллионного крестьянства. Можно пойти еще дальше и сказать: для пролетарской революции было бы лучше, если бы Азия представляла такую же капиталистическую арену классовой борьбы, как и Европа. Но такая постановка вопроса совершенно безжизненна. По существу дела невнимание или небрежительное отношение к национальному вопросу скрывает под собою нередко именно такого рода безжизненное сумбурно-рационалистическое отношение к истории. Между тем могущественный революционный реализм нашей партии в том и состоит, чтобы брать факты такими, как они есть, и их практически комбинировать в интересах революции.

Если бы мы накануне Октября закрывали глаза на крестьянство, мы, разумеется, были бы сейчас не ближе к социализму, а не дошли бы и до советской власти. Значение крестьянства наша партия вполне поняла только за эти годы после Октября: „старики“ поняли практически то, что раньше знали теоретически, а молодежь, сразу столкнувшаяся с вопросом практически, осмысливает ныне свой опыт теоретически. В области национального вопроса партия в целом нуждается, несомненно, в повторительном курсе, а молодежь—и в первоначальном. И этот курс нужно пройти своевременно и по очень твердой программе: ибо кто игнорирует национальный вопрос, рискует захлебнуться в нем.

Внимательное отношение к национальным потребностям вовсе не означает, разумеется, культивирования хозяйственного сепаратизма, который может быть на руку только местной („национальной“) бюрократии, но никак не народным массам. Совершенно очевидно, что централизованное управление железными дорогами во всем Союзе совершенно не исключает пользования национальным языком на железных дорогах. И при оценке автономных требований и программ надлежит строжайшим и внимательнейшим образом различать между чисто бюрократическими „местническими“ притязаниями административных верхушек, иногда чрезвычайно обрусительных по отношению

к местному населению и в то же время сепаратистских по отношению к центру,—и между действительными, бытовыми, жизненными интересами и потребностями народной массы.

Самая широкая самостоятельность в национально-культурной области в принципе вполне совместима с хозяйственной централизацией, поскольку эта последняя вызывается природными и производственно-техническими условиями. Но государственное согласование хозяйственной централизации с национально-культурной децентрализацией—в жизни, на практике,—большая и сложная задача, разрешение которой требует осторожности, вдумчивости и выдержки. Несомненно, что национальности, терпевшие ранее угнетение и несущие сейчас на себе его следы, могут оказаться склонными отстаивать свою автономию и в таких областях, которые по существу своему—без всякого ущерба для национальной самостоятельности и с большими административными или хозяйственными выгодами для всех—могли бы быть централизованы. Но и в таких спорных вопросах надо предварительно сделать все для того, чтобы по крайней мере руководящие слои малой или отсталой нации поняли выгоды и преимущества централизации и помогли бы народным массам понять эту меру не как идущее из центра насилие, а как меру, обеспечивающую общие интересы и проводимую в жизнь путем соглашения. В политике нельзя мыслить рационалистически, а в национальной политике—меньше, чем где бы то ни было.

* * *

В заключение еще только два слова. Не так давно пришлось мне услышать от одного совсем не молодого коммуниста, будто выдвигание важности национального момента в революции, есть...—неловко признаться, но грех утаить—меньшевизм и либерализм. Вот уж подлинно, что значит опрокинуть вещи и понятия вверх тормашками! Позиция меньшевизма в национальном вопросе такова: пока меньшевизм в оппозиции, он национально сентиментален и демократически-широковещателен, не смея никогда поставить вопрос ребром, то-есть в плоскость призыва угнетенных к восстанию; когда же национальная буржуазия в опасности или когда сам меньшевизм у власти, он проникается до пят сознанием важности и ответственности порученной ему буржуазией великодержавной миссии и про-

должает централистически угнетательскую политику, приправляя ее обличением национализма... угнетенных наций. Именно большевизм проявил свою революционную дальнозоркость тем, что сумел под классовым углом зрения понять огромную революционную важность национального фактора. И в этом именно духе и направлении большевизм поведет и дальше воспитание молодежи.

3. ЕЩЕ РАЗ: ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС.

(Истолкование резолюций XII с'езда в форме диалога).

А—комсомолец, способный и преданный молодой революционер. Добровольцем сражался в Красной армии; по части марксистского воспитания и политического опыта ему, однако, кое-чего не хватает.

Б—товарищ посерьезнее.

А. Конечно, против резолюции XII с'езда по национальному вопросу возражать нельзя. Но все-таки вопрос этот был искусственно выдвинут. Для нас, коммунистов, национальный вопрос не имеет такой остроты.

Б. Как так? Вы ведь только что сказали, что согласны с резолюцией XII с'езда? А, между тем, главный смысл этой резолюции состоит в том, что не национальный вопрос для коммунистов, а коммунисты—для разрешения национального вопроса, как составной части более общего вопроса об устроении человека на земле. Если вы в кружке самообразования при помощи методов марксизма освободились от тех или других национальных предрассудков, то это, конечно, очень хорошо, и это очень большой шаг в вашем личном развитии. Задача правящей партии в этой области, однако, пошире: нужно дать возможность многомиллионым разноплеменным массам, через посредство руководимых партией государственных и иных учреждений, найти фактическое жизненное удовлетворение своим национальным интересам и потребностям и тем самым дать им возможность освободиться от национальных антагонизмов и предрассудков—не в масштабе марксистского кружка, а в масштабе исторического опыта народов. Есть поэтому непримиримое противоречие между вашим формальным признанием резолюции и вашим

заявлением, что для нас, коммунистов, национальный вопрос не имеет большого значения: этим самым вы свидетельствуете, что не признаете резолюции, т.-е. откровенно сказать, чисто по-товарищески, без намерения сказать что-либо обидное,—не понимаете ее политического смысла.

А. Вы меня не так поняли...

Б. Гм... гм...

А. Я хотел лишь сказать, что классовый вопрос имеет для нас, коммунистов, несравненно большее значение, чем национальный. Надо, следовательно, сохранять пропорции. Между тем, я опасаюсь, что национальный вопрос оказался у нас за последнее время чрезмерно выпячен в ущерб классовому.

Б. Может быть, я вас опять не так понял, но этим новым заявлением вы делаете, на мой взгляд, новую, еще большую, принципиальную ошибку. Вся наша политика: в хозяйственной области, в государственном строительстве, в национальном вопросе, в дипломатической сфере есть классовая политика. Она продиктована историческими интересами пролетариата, борющегося за полное освобождение человечества от всех форм гнета. Наше отношение к национальному вопросу, принимаемые нами меры по разрешению национального вопроса представляют собою составную часть нашей классовой позиции, а не нечто побочное или противостоящее ей. Вы говорите, что верховным для нас является классовый критерий. Совершенно верно, но лишь постольку, поскольку это действительно классовый критерий, то-есть поскольку он включает в себя ответы на все основные вопросы исторического развития, в том числе и на национальный вопрос. Классовый критерий минус национальный вопрос не есть классовый критерий, а обрубок его, приближающийся неизбежно к цеховщине, к трэд-юнионизму и пр.

А. Тогда, по-вашему, выходит так, что забота о разрешении национального вопроса, т.-е. о формах сожительства национальных групп и национальных меньшинств друг с другом, есть для нас такой же важный вопрос, как и сохранение власти рабочего класса или диктатуры коммунистической партии? Отсюда недалеко скатиться до полного опортунизма, т.-е. до подчинения революционных задач интересам междунационального соглашательства.

Б. Чувствую, предчувствую, что быть мне сегодня в „уклонистах“... Но попробую все-таки, молодой мой друг, отстоять

свою точку зрения. Весь ведь вопрос, как он перед нами ныне стоит, если его формулировать политически, означает для нас: как, т.-е. какими мерами, какими методами действий, каким подходом удержать и укрепить власть рабочего класса на территории, где бок-о-бок живут многочисленные национальности, при чем центральное великорусское ядро, игравшее ранее великодержавную роль, составляет менее половины всего населения Союза? Ведь именно в процессе развития пролетарской диктатуры, ходом всего нашего государственного строительства и нашей повседневной борьбы за сохранение и упрочение рабочей власти мы в данный момент плотнее, чем когда бы то ни было, оказались придвинуты к национальному вопросу во всей его жизненной реальности, повседневной государственной, хозяйственной, культурной и бытовой конкретности. И вот, когда партия в целом начинает так ставить вопрос,—а иначе его и нельзя поставить,—вы (и не вы один, к сожалению) с наивным доктринерством заявляете: вопрос о диктатуре пролетариата важнее национального вопроса. Но ведь именно во имя диктатуры пролетариата мы и углубляемся сейчас практически—и еще долго будем углубляться—в национальный вопрос. Какой же смысл имеет ваше противопоставление? Так могут ставить вопрос только те, которые не понимают значения „национальных моментов в государственном и партийном строительстве". И уж, во всяком случае, за такую формулировку охотно ухватятся все нигилисты и наплевисты в национальном вопросе. Повернуться спиной к потребностям и интересам угнетавшихся раньше малых народов, особенно отсталых, крестьянских есть очень простое, нимало не беспокойное дело,—особенно, если такого рода ленивое безразличие можно прикрыть общими фразами об интернационализме, о том, что диктатура коммунистической партии важнее всех и всяких национальных вопросов...

А. Как вам угодно; но такой постановкой вопроса вы, на мой взгляд, непозволительно перегибаете палку в сторону отсталых крестьянских окраин и тем самым рискуете нанести величайший ущерб пролетарским центрам, на которые опираются наша партия и Советская власть. Или я ничего не понимаю, или вы и впрямь уклоняетесь в сторону отсталых, преимущественно крестьянских, национальностей.

Б. Вот, вот, вот, мы с вами и договорились, наконец, до моего крестьянофильского уклона, и этого именно я ожидал, ибо все явления на свете, в том числе и политические ошибки, имеют свою логику... „Уклон в сторону отсталых крестьянских масс“,—а вы слышали, что по этому поводу сказал XII с'езд?

А. По какому поводу?

Б. По поводу взаимоотношения между пролетариатом и крестьянством: насчет смычки.

А. Смычка? При чем тут смычка? Я целиком согласен с XII с'ездом. Смычка между пролетариатом и крестьянством—основа всего. Вопрос о смычке есть основной вопрос нашей революции. Кто против смычки, тот...

Б. Так, так. А не думаете ли вы, что диктатура рабочего класса и нашей партии для нас выше крестьянского вопроса и, стало-быть, вопроса о смычке?

А. Т.-е. как?

Б. Да, очень просто. Мы, коммунистическая партия, авангард пролетариата, не можем подчинять наших социально-революционных целей не только предрассудкам, но и интересам крестьянства, как мелкобуржуазного по своим тенденциям класса Ведь, так, мой левый друг?

А. Но, позвольте, это софизм, это совсем другое дело и не относится к вопросу. Смычка есть основа, смычка есть фундамент. Тов. Ленин писал, что без смычки с крестьянством мы не придем к социализму; больше того, без достижения экономической и обеспечения политической смычки неизбежно опрокинется Советская власть.

Б. Вот то-то и оно-то. Поэтому—согласитесь пожалуйста—нелепо, политически безграмотно противопоставлять диктатуре пролетариата смычку с крестьянством. Конечно, диктатура пролетариата есть основная идея нашей программы, основной критерий нашего государственного и хозяйственного строительства. Но вся суть в том, что именно эта-то диктатура немыслима без определенных взаимоотношений с крестьянством. Если выделить смычку с крестьянством из вопроса о диктатуре пролетариата, то получится для данного исторического периода голая форма, пустопорожняя абстракция.

А. Не возражаю, но какое же это имеет отношение?...

Б. Самое прямое, самое непосредственное. В нашем Советском Союзе смычка с крестьянством предполагает, разумеется,

смычку не только с великорусским крестьянством. Невеликорусского крестьянства у нас больше, и оно распадается на многочисленные национальные группы. Для этих национальных групп каждый государственный, политический, хозяйственный вопрос преломляется через призму их родного языка, их национально-хозяйственных и бытовых особенностей, их обоснованного прошлым национального недоверия. Язык, речь есть самое основное, наиболее широко захватывающее, наиболее глубоко проникающее орудие смычки между человеком и человеком, а, стало быть, между классом. Если в наших условиях вопрос о пролетарской революции есть, как вы признаете, прежде всего вопрос о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, то этот последний вопрос более чем наполовину сводится к взаимоотношению между наиболее передовым и влиятельным великорусским пролетариатом и крестьянскими массами других национальностей, нещадно угнетавшихся ранее и еще крепко помнящих все обиды. Беда ваша в том, дружище, что все наши мниморадикальные, а, по существу, недодуманные до конца, нигилистические аргументы бьют не только по национальному вопросу, но и по основному вопросу о смычке между рабочим и мужиком.

А. Но, позвольте, были же моменты, когда наши войска входили в Грузию, изгоняя оттуда империалистских агентов-меньшевиков без предварительного опроса населения, стало-быть, с явным нарушением принципа самоопределения. И был момент, когда наши войска шли к Варшаве...

Б. Конечно, эти моменты были, я их очень твердо помню и нимало от них не отрекаюсь. Но были также—не моменты, а целый период, когда мы у крестьян отбирали все излишки, а иногда и необходимое, при помощи вооруженной силы, не останавливаясь перед самыми крайними средствами.

А. Что вы хотите этим сказать?

Б. То самое, что сказал. Революция не только отбирала с оружием в руках излишки у крестьян, но и вводила военный режим на фабриках и заводах. Если бы мы этого в известный, наиболее острый и тяжкий период не сделали, мы бы погибли. Но если бы мы эти меры захотели применять в условиях, когда они не вызываются железной, неотвратимой необходимостью, мы погибли бы еще вернее. Это относится, разумеется, и к нашей политике в национальном вопросе. Революционное само-

сохранение требовало в известный момент удара на Тифлис и похода на Варшаву. Мы были бы жалкими трусами и изменниками революции (которая включает в себя и крестьянский вопрос и национальный вопрос), если бы остановились перед пустопорожним фетишем национального „принципа", ибо совершенно очевидно, что никакого реального национального самоопределения в Грузии при меньшевиках не было: там неограниченно господствовал англо-французский империализм, постепенно подчинявший себе Кавказ и угрожавший нам с юга. В национальном вопросе, как и во всех других, дело для нас не в юридических абстракциях, а в реальных интересах и отношениях. Наше военное вторжение в Закавказье может быть оправдано и оправдывается в глазах трудящихся постольку, поскольку оно нанесло удар империализму и создало условия действительного, реального самоопределения кавказских национальностей. Если б по нашей вине народные массы Закавказья оценили наше военное вмешательство, как захват, то тем самым оно превратилось бы в величайшее преступление—не против отвлеченного национального „принципа", а против интересов революции. Здесь полная аналогия с нашей крестьянской политикой. Разверстка была очень жестока. Но крестьянство оправдывает ее, хотя бы задним числом, постольку, поскольку убеждается, что как только условия позволяют, Советская власть переходит к своей основной задаче: всемерному облегчению жизни трудящихся, в том числе и крестьян.

А. Но все-таки вы не можете же отрицать, что классовый принцип для нас выше принципа национального самоопределения? Ведь это же азбука.

Б. Царство отвлеченных „принципов" всегда является, милый мой друг, последним убежищем для тех, кто запутался на земле. Я уже говорил вам, что классовый принцип, если его понимать не идеалистически, а по марксистски, не исключает, а, наоборот, об'емлет национальное самоопределение. Но это последнее мы понимаем опять-таки не как сверхисторический принцип (по образцу кантовского категорического императива), а как совокупность реальных, материальных жизненных условий, дающих возможность массам угнетенных национальностей расправлять спину, подниматься вверх, учиться, развиваться, приобщаться к мировой культуре. Для нас, как для марксистов, должно быть бесспорным, что только последовательное, т.-е. революцион-

ное, проведение классового „принципа“ может обеспечить максимальное осуществление „принципа“ национального самоопределения.

А. Но вам самому не приходилось разве говорить в об'яснение нашей закавказской интервенции, что революционная оборона стоит для нас выше национального принципа?

Б. Вероятно, приходилось, даже наверное. Но в каких условиях и в каком смысле? В борьбе с империалистами и меньшевиками, которые национальное самоопределение превращают в метафизический абсолют,—постольку, поскольку он направляется против революции (сами они, конечно, топчут национальное самоопределение ногами). Мы отвечали горе-героям II Интернационала, что интересы обороны революции для нас выше юридических фетишей; реальные же интересы угнетенных и слабых национальностей нам ближе, чем кому бы то ни было.

А. Но содержание красных войск в Закавказье, в Туркестане, на Украине?.. Разве это не есть нарушение национального самоопределения? Разве это не противоречие? И разве оно не об'ясняется тем, что революция для нас выше национального вопроса?

Б. Когда туземные трудящиеся массы понимают (и когда мы всеми силами облегчаем им такое понимание), что эти войска находятся на их территории только для того, чтобы обеспечить их неприкосновенность от империализма, то тут противоречия нет. Когда эти войска не допускают никакого оскорбления национальных чувств туземных масс, наоборот, проявляют чисто братское внимание к ним, то тут противоречия нет. Наконец, когда великорусский пролетариат делает все, что может, для того, чтобы помочь более отсталым национальным элементам Союза принять сознательное и самостоятельное участие в строительстве Красной Армии,—дабы они могли защищать себя прежде всего собственными силами, — то тем самым должна исчезнуть и тень противоречия между нашей национальной программой и нашей практикой. Все эти вопросы разрешаются в зависимости не только ведь от нашей доброй воли, но нужно, чтоб мы проявили максимум доброй воли для их действительного разрешения по-пролетарски... Вспоминаю, что я читал года два тому назад доклады одного бывшего генерала, состоявшего на службе Советской власти, о том, какие грузины—ужасаю-

щие шовинисты, как мало они понимают московский интернационализм и сколь много нужно красных полков для противодействия грузинскому, азербейджанскому и всякому иному закавказскому национализму. Совершенно очевидно, что старое насильническое великодержавничество только чуть-чуть маскировалось у этого генерала новой терминологией. И незачем греха таить: этот генерал не исключение. В советском аппарате, в том числе и в военном, такие тенденции сильны до последней степени — и не только у бывших генералов. И если бы они взяли верх, то противоречие между нашей программой и политикой неизбежно привело бы к катастрофе. Потому-то мы и поставили ребром национальный вопрос, чтобы напряжением всех сил партии устранить такую опасность.

А. Допустим. Но чем же вы все-таки об'ясняете, что те самые товарищи, которые вполне прониклись значением смычки с крестьянством, в то же время по национальному вопросу занимают, как и я, гораздо более сдержанную позицию, признавая этот вопрос раздутым и чреватым опасностью перегибания палки в сторону отсталых окраин?

Б. Чем я об'ясняю такое противоречие? Логически оно об'ясняется тем, что не все люди вообще сводят концы с концами. Но логического об'яснения для нас недостаточно. Политическое же об'яснение состоит в том, что руководящую роль у нас в партии играет (и в ближайшую эпоху не может не играть) великорусское ядро, которое на опыте этих пяти лет вполне прочувствовало и продумало вопрос о взаимоотношениях великорусского пролетариата и великорусского крестьянства. Методом простой аналогии мы эти отношения распространяем на весь наш Советский Союз, забывая или недостаточно учитывая, что на периферии живут другие национальные группы с другой историей, с другим уровнем развития и, главное, с накопленными обидами. Великорусское ядро партии в массе своей еще недостаточно прониклось национальной стороной вопроса о смычке, а тем более национальным вопросом во всем его об'еме. Отсюда-то и проистекают противоречия, о которых вы говорите,—иногда наивные, иногда нелепые, иногда вопиющие. И вот почему в решениях XII с'езда по национальному вопросу нет преувеличения. Наоборот, они отвечают глубочайшей жизненной необходимости. И нам придется их не только применять, но и дальше развивать.

А. Если коммунисты великорусского центра ведут правильную политику в Великороссии, то ведь в других частях нашего Союза имеются свои коммунисты, которые ведут ту же работу в другой национальной обстановке. Здесь только естественное и неизбежное разделение труда. При этом великорусские коммунисты должны и будут бороться с великодержавным шовинизмом, а коммунисты других национальностей—со своим местным национализмом, направленным, главным образом, против русских.

Б. В ваших словах есть только часть правды, а часть правды ведет иногда к совершенно ложным выводам. Партия наша вовсе не есть федерация национальных коммунистических групп с разделением труда по национальному признаку. Такая перестройка партии была бы в высокой степени опасна.

А. Я ее вовсе не предлагаю...

Б. Конечно, не предлагаете. Но развитие вашей мысли может повести к такому выводу. Вы настаиваете на том, что коммунисты-великороссы должны бороться с великодержавным национализмом, украинские коммунисты—с украинским национализмом. Это напоминает формулу спартаковцев в начале войны: „главный враг — в собственной стране". Но там дело шло о борьбе пролетарского авангарда против своей империалистской буржуазии, своего милитаристского государства. Там этот лозунг имел глубокое революционное содержание. Конечно, немецкие революционеры должны были бороться с гогенцоллернским империализмом, а не обличать французский милитаризм и пр. Было бы, однако, полным искажением перспектив переносить этот принцип на составные части советского союзного государства, ибо у нас армия одна, дипломатия одна и, что важнее всего, одна централизованная партия. Совершенно правильно, что бороться против грузинского национализма могут лучше всего коммунисты-грузины. Но это—вопрос такта, а не принципа. Основа же дела состоит в том, чтобы ясно понимать исторические корни великодержавного наступательного национализма великороссов и оборонительного национализма малых народов. Нужно уяснить себе реальные пропорции между этими историческими факторами, и это уяснение должно быть одинаковым в голове и у великоросса, и у грузина, и у украинца, ибо самые пропорции эти зависят не от суб'ективного местного или национального подхода, а отве-

чают—должны отвечать—действительному соотношению исторических сил. Азербейджанский коммунист, работающий в Баку или в мусульманской деревне, великорусский коммунист, работающий в Иваново-Вознесенске, должны иметь одинаковую концепцию в национальном вопросе.

И эта одинаковая концепция должна состоять в неодинаковом отношении к великорусскому и мусульманскому национализму: по отношению к первому—беспощадная борьба, суровый отпор, особенно во всех тех случаях, когда он проявляется административно-правительственно; по отношению ко второму—терпеливая, внимательная, кропотливая, воспитательная работа. Если коммунист-национал будет у себя на месте закрывать глаза на национальный вопрос в его полном об'еме и станет бороться против национализма (или нередко против того, что ему кажется национализмом) сокращенными и упрощенными методами, нетерпеливым отрицанием, травлей, клеймением и пр., то он может быть, соберет вокруг себя активные, революционные, суб'ективно преданные интернационализму „левые" молодые элементы, но никогда не даст нам прочной и серьезной смычки с туземной крестьянской массой.

А. Но как раз „левые" настаивают в окраинных республиках на более революционном, более энергичном разрешении аграрного вопроса. А ведь это же главный мост к нашему крестьянству?

Б. Бесспорно, аграрный вопрос, прежде всего, в смысле ликвидации всяких остатков феодальных отношений, должен быть разрешен везде и всюду. Имея сейчас уже устойчивое союзное государство, мы это разрешение земельного вопроса можем проводить со всей необходимой решительностью; конечно, разрешение земельного вопроса есть капитальнейшая задача революции... Но ликвидация помещичьего землевладения есть единовременный акт. А то, что мы называем национальным вопросом, есть очень длительный процесс. После земельной революции национальный вопрос не исчезает. Наоборот, он тогда только и выдвигается на передний план. И за всякие нехватки, недостатки, несправедливости, невнимание, грубости по отношению к туземным массам ответственность—и не случайно—будет в их головах связываться с Москвой. Нужно по-

этому, чтобы Москва, как средоточие нашего государственного Союза, была неизменным инициатором и двигателем активной политики, насквозь пропитанной братским вниманием ко всем национальностям, входящим в состав Советского Союза. Говорить по этому поводу о преувеличениях значит поистине ничего не понимать.

А. В том, что вы говорите, много верного, но...

Б. Знаете что? Перечитайте-ка после нашей беседы резолюцию XII с'езда. А потом при случае, может быть, поговорим еще раз.

~~1922 г.~~

1923 г.

ПАРТИЯ И МОЛОДЕЖЬ ОТСТАЛЫХ НАРОДОВ

...Отсутствие промышленности или слабое развитие ее по необходимости передвигает партийную работу в отсталых частях Союза [1]) в сторону медленной, систематической, терпеливой идейно-воспитательной работы среди лучших элементов местного крестьянства и кустарей.

Мы, марксисты, знаем, что бытие определяет сознание. Некоторые понимают это, однако, слишком механически. „Бытие определяет сознание",—да, но это не значит, что каждый квадратный аршин „бытия" под нашими ногами определяет наше „сознание". Когда Плеханов или когда Владимир Ильич стал марксистом, то он стал им не на основе того квадратного аршина бытия, который был у него под ногами, а на основе всего мирового хозяйственного и идейного опыта. Мы теперь имеем возможность, опираясь на наш государственный аппарат, руководимый нашей партией, создавать школы, в которых преподаются для разных народностей переведенные с разных языков книги, резюмирующие мировой опыт человечества. Для воспитания молодых представителей подрастающего поколения бурят, башкир, киргизов и т. д., мы используем последнее слово мирового теоретического „сознания". Что же: это нарушает принцип, что бытие определяет сознание? Нисколько. Создавая новые учреждения, расширяя сферу нашего влияния на людей, которые родились в отсталых формах бытия, мы сознательно создаем для них—по крайней мере частично—новые формы бытия и помогаем их сознанию перепрыгивать через ряд промежуточных ступеней. Это—громаднейший исторический фактор.

Возьмем для пояснения пример с другого конца. Вспомните миссионерство, иезуитизм — они врывались к дикарям и наса-

---

[1]) С. С. С. Р.

ждали там свои школы, воспитывая молодых дикарей и искусственной среде, т.-е. в обстановке, сознательно и преднамеренно построенной. Конечно, им приходилось при этом создавать среду в своем роде „противоестественную“. Нам этого не нужно, потому что мы имеем дело не с дикарями, а с представителями хотя и отсталых народностей, но таких, которые тяготеют к культуре, которые ее через нас получают, — не религиозно-эксплоататорскую, а освободительную культуру. Использовать эту возможность планомерного идейно-воспитательного воздействия в возможно широких размерах—колоссальнейшая задача.

Таким путем мы сможем воспитать из нового поколения отсталых народностей молодых марксистов, сотни и сотни их, прежде, может быть, чем поднимем у них промышленность. В условиях тяжко разрушенного хозяйства в центре, при возможности будущих блокад—которые не исключены—поднимать промышленность, а особенно создавать ее вновь—очень трудное дело, и подниматься промышленность будет медленным, может быть, даже черепашьим шагом. Далеко не все факторы зависят от нас. Через пять лет, по данным нашего ориентировочного промышленного плана, мы будем иметь на душу в два-три раза меньше железа, чем имели до войны. И это в том случае, если наш ориентировочный план будет выполнен! Вот каковы пока-что условия и перспективы работы в области поднятия промышленности в целом, тем более в отсталых областях. Стало быть, вопрос о самостоятельной идейно-воспитательной работе, не дожидаясь „расслоения“,—вопрос колоссальной важности.

Он сводится прежде всего к вопросу о молодежи. Конечно, если взять киргиза или башкира зрелого возраста, то его перевоспитать трудно. Но если начать работу через школы, через союз молодежи,—это открывает полную возможность создать кадры коммунистической молодежи в среде отсталых народов. Отсюда видна огромная важность работы здесь Комсомола и необходимость выработки приноровленных к обстановке приемов и методов работы.

Из речи на четвертом
совещании ЦКРКП.
12 июня 1923 г.

К ПЯТИЛЕТИЮ СВЕРДЛОВИИ

1. НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И РЕВОЛЮЦИЯ.

Товарищи! У нас сейчас во всем Советском Союзе,—а мы должны твердо помнить, что наше государство есть Союз,—полоса пятилетних юбилеев. Должен за себя признаться, что когда изрядно перевалишь за свой собственный 40-летний юбилей, то несколько теряешь вкус к юбилеям вообще. Но если какой-либо из наших 5-летних юбилеев заслуживает внимания и способен вызвать действительно радостный душевный под'ем, то это—юбилей коммунистического университета, в просторечии—Свердловии, поставщицы партийного молодняка...

Товарищи, иной раз говорят, что задачей коммунистического просвещения является воспитание нового человека. Это немного слишком обще, чересчур патетично. Правда, на юбилеях патетические выражения не только допускаются, но и поощряются. Однако, нам и на юбилеях не нужно допускать бесформенно-гуманитарного истолкования понятия „нового человека" и задач коммунистического воспитания. Нет никакого сомнения в том, что человек будущего, гражданин коммуны, будет очень интересным и привлекательным существом, но он будет иметь психологию... извиняюсь перед товарищами-футуристами: я думаю, что у человека будущего все-таки психология окажется (смех)... будеть иметь, говорю, психологию, глубоко отличную от нашей. Но сегодняшней задачей нашей еще не является—к сожалению, если хотите—воспитание этого человека будущего. Утопическая, гуманитарно - психологическая точка зрения считает, что надо раньше воспитать нового человека, а он уже затем создаст новые условия. Мы этому не ве-

рим; мы знаем, что человек есть продукт общественных условий и выскочить из них он не может. Но мы знаем и кое-что другое, а именно, что существует сложное, активно-действенное взаимоотношение между условиями и человеком: сам человек есть орудие исторического действия, и не последнее по счету. Так вот в этом сложном историческом переплете среды и активно действующего человека мы-то сейчас создаем, в том числе и через Свердловию, не отвлеченного гармонического и совершенного гражданина коммуны—о, нет, мы формируем конкретного человека нашей эпохи, который должен еще только бороться за создание условий, из которых вырастет гармонический гражданин коммуны. А это не одно и то же... уже по одному тому, что, если сказать откровенно, то ведь наш правнук, гражданин коммуны, будет не революционер. На первый взгляд это кажется неверным, почти обидным, но это так. В понятие „революционер" мы с вами вкладываем нашу мысль и нашу волю, всю сумму наших лучших страстей, и поэтому слово „революционер" насыщено для нас высшим идейным и моральным содержанием, какое дано нам всем предшествующим развитием культуры. Отсюда как бы невольное чувство обиды за потомков, лишаемых революционного звания. Но не забудем, что революционер есть продукт определенных исторических условий, продукт классового общества. Революционер—не психологическая абстракция. Сама революция—не отвлеченный принцип, а материальный исторический факт, вырастающий из классовых антагонизмов, из насильственного преодоления класса классом. В соответствии с этим революционер есть конкретный исторический, следовательно, временный тип. Мы с вами по справедливости гордимся принадлежностью к этому типу, но нашей работой мы подготовляем условия для такого общества, где не будет классового антагонизма, не будет революций, а, стало-быть, не будет и революционеров. Конечно, можно самое слово „революционер" расширить до таких пределов, что оно охватит всякое сознательное человеческое творчество, направленное на порабощение природы, на умножение технических и культурных завоеваний, на то, чтобы перебросить ныне для нас еще неведомые и неслыханные мосты к другим космическим мирам. Но мы-то, товарищи, на такое абстрагирование, на такое безбрежное расширение слова „революционер" не имеем никакого права, ибо еще далеко не за-

вершили нашей конкретной исторической, политической революционной задачи, которая состоит в том, чтобы ниспровергнуть классовое общество. Следовательно — и это, я думаю, нелишне подчеркнуть, да покрепче на празднике Свердловии,— воспитательная задача наша отнюдь еще не состоит в том, чтобы лабораторным путем в архи - негармоническом переходном обществе, — а наше общество сделало большой скачок от капиталистического рабства, но еще и порога коммунистической гармонии не видать!—чтобы, говорю, в этих условиях лабораторным путем создавать гармонического гражданина коммуны. Такая задача была бы жалкой ребяческой утопией. Мы хотим создавать борцов, революционеров, которые явились бы восприемниками и продолжателями еще - исторически незавершенной революционной традиции.

2. НЭП, ИМПЕРИАЛИСТСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ, ИНТЕРНАЦИОНАЛ.

И когда мы подходим к вопросу в такой правильной, конкретной, исторической постановке, тогда сами собой отпадают некоторые опасения, которые приходится слышать даже от иных товарищей-коммунистов, слишком—как бы это сказать?—гуманитарно настроенных. Дело идет об опасностях нэпа. Мыслимо ли—говорят нам—воспитание нового человека в условиях нэпа? Но позвольте: да мы-то в каких условиях воспитывались? Наше поколение, уже отпраздновавшее свой 40-летний юбилей, и вся наша партия вообще воспитывались в капиталистических условиях. И она не могла бы воспитаться, как революционная партия, с тем единственным в мире революционным закалом, который ее отличает, если бы она не развивалась в условиях буржуазного режима, помноженного на режим царизма. И если сейчас у нас есть нэп, т.-е. рыночные отношения, а, следовательно, и возможность,—да, теоретическая и историческая возможность! — реставрации капитализма (если мы, как партия, исторически сдрейфим, сплошаем), если существует эта опасность, то где же тут ставить себе задачей воспитание гармонического гражданина коммуны? Но если дело идет о воспитании борца за коммунизм, то позвольте спросить, в каком таком смысле рыночная обстановка, навязанная нам ходом борьбы, может воспрепятствовать развитию в молодом поколении психологии непримиримой борьбы? Когда-то у спартанцев пока-

зывали молодежи пьяных илотов, рабов, чтобы воспитать отвращение к пьянству. Я не думаю, что свердловцам нужны были по этой части столь наглядные методы воспитания (смех), но вот по части социальной, чтобы мы не заснули в самодовольстве, чтобы не вообразили, будто и впрямь уже переступили вполне и окончательно через порог социализма, нам иногда трезвого, а иногда и пьяного нэпмана, рыночного илота, история показывает. Сегодня это полупризрак,—говорит она нам,— а завтра он может развернуться в факт реставрации капитализма, если вы, если мы, если наша партия капитулирует перед трудностями исторического развития. В каком же смысле, спрашиваю, нэп может препятствовать развитию революционных борцов? Нет, он конкретизирует наши исторические задачи и является сейчас важнейшим методом от обратного в деле воспитания революционной рабочей и крестьянской молодежи.

Нэп, однако, не единственный момент, напоминающий нам о том, что мы еще не вошли в спокойное и счастливое царство коммуны. Есть для нашего поучения очень высокопоставленные илоты за пределами нашей страны, история опьяняет их время от времени, и они посылают нам ноты, чтобы напомнить, что буржуазия, что частная собственность, что капитал представляют еще могущественные факты и могущественные факторы. По поводу этих высокопоставленных илотов, которых я, по вполне понятным причинам международной вежливости, не буду называть по именам, есть в сегодняшнем номере „Юношеской Правды“ передовая статья с очень выразительным заглавием, которого я тоже не смею повторить (кто любопытен— приглашается заглянуть в свежий номер газеты [1]). Так вот эти неудобоназываемые джентльмены напоминают нам своими действиями о том, что классовая борьба приняла у нас форму дипломатическую и военную, потому что мы есть пролетариат, организованный, по выражению Энгельса, в государство, и мы окружены со всех сторон организованной в ряд государств буржуазией, и наши отношения с другими государствами есть не что иное, как классовая борьба, которая принимает в известные моменты открыто-революционную, т.-е. военную, а в другие моменты — реформистскую, т.-е. дипломатическую форму. Это не есть только метафора, образное выражение, но живой

[1]) В этом номере напечатана передовая под заглавием „Мерзавцы“.

и несомненный исторический факт! Мы ведем непрерывную классовую борьбу и методами дипломатии, и методами внешней торговли, и методами военной обороны, — классовую борьбу, которая развертывается по всем нашим границам, т.-е. на фронте примерно в 50 тыс. верст, значительно большем нашего земного экватора. Это тоже немаловажный фактор, который, с одной стороны, исключает возможность гуманитарной абстракции нового человека, а, с другой стороны, весьма жестко обязует к конкретности революционного борца.

Когда мы боролись на внутренних фронтах гражданской войны, мы имели за каждым фронтом друзей, рабочих и крестьян. И сейчас, в международном масштабе, за этим фронтом в 50 тыс. верст нашей сухопутной и морской границы мы имеем друзей, бьющих в тыл врага—мировое рабочее движение. Связь с ним для нашей революционной молодежи является основным условием действительно коммунистического воспитания. Разумеется—Маркс, разумеется—Энгельс, разумеется—Ленин, основа, фундамент, гранит теории. Но если только книга, то—только книжник! Революционный борец может воспитаться лишь при том условии, если он, опираясь на гранит теории, тесно неразрывно связывает себя с практикой революционной классовой борьбы во всем мире. Внимательнейшее наблюдение за нею, проникновение в ее логику, уяснение ее внутренней закономерности есть первейшее условие воспитания молодого революционера в нашу эпоху, когда вся политика, вся культура, даже в своих дьявольских кровавых противоречиях, все больше становится интернациональной.

3. РЕВОЛЮЦИОНЕР И МИСТИЦИЗМ.

Свердловский университет должен воспитывать революционеров. Но что такое революционер? Каковы его основные черты? Я уже сказал, что мы не имеем права отрывать революционера, хотя бы и мысленно, от той классовой почвы, на которой он сложился и без которой он—ничто. Но опять-таки революционер, который в нашу эпоху может быть связан только с рабочим классом, имеет свои особые психологические черты, качества ума и воли. Революционер, когда нужно и можно, сламывает исторические препятствия насилием, когда нельзя—обходит, когда нельзя—упорно и терпеливо подтачивает и дро-

бит. Он революционер, потому что не боиться взрывать, применять беспощадное насилие, знает ему историческую цену. Он всегда стремится свою разрушительную и творческую работу развернуть в полном об'еме, т.-е. из каждой данной исторической обстановки извлечь максимум того, что она может дать для движения вперед революционного класса. В своих действиях революционер ограничен только внешними препятствиями, но не внутренними. Это значит, что он должен воспитывать в себе способность оценивать обстановку, арену своего действия во всей ее материальности, конкретности, в ее плюсах и минусах и подводить ей правильный политический баланс. Если же в нем есть суб'ективные помехи для действия, недостаток понимания, или недостаток воли, если он парализован внутренними трениями, предрассудками, религиозными, национальными, узко групповыми, цеховыми, то он уже в лучшем случае полуреволюционер. В об'ективной обстановке, товарищи, и без того слишком много препон, чтобы подлинный революционер мог позволить себе роскошь помножать об'ективные препятствия и трения на препятствия и трения суб'ективные. Поэтому воспитание революционера есть, прежде всего, освобождение его от всех наследий темноты и суеверий, которые сохраняются сплошь да рядом и в очень „утонченных" сознаниях. И поэтому мы с величайшей непримиримостью относимся к каждому, кто осмеливается заикнуться, будто мистицизм, религиозные чувства и настроения совместимы с коммунизмом. Вы знаете, что не так давно один видный шведский товарищ писал о совместимости религиозности не только с принадлежностью к коммунистической партии, но даже с марксистским миросозерцанием. Мы же считаем необходимым условием теоретического воспитания революционера атеизм, как неот'емлемый элемент материализма. Кто верит в иные миры, тот не способен всю свою страсть отдать на переустройство этого мира.

4. ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ.

Отсюда огромное значение естествознания в Свердловии: без Дарвина ни до порога! Товарищи, я вспоминаю, как лет этак... сколько же это будет?—да почти, что четверть столетия тому назад, в одесской тюрьме, я впервые взял в руки Дарвина „Происхождение видов" и „Половой отбор". Живо помню то колоссальное потрясение, которое я испытал, читая

эти книги. Не помню, в „Происхождении видов“ ли, или в „Половом отборе“ Дарвин изображает развитие пера не то павлина, не то какого-то другого нарядного птичьего самца, показывая, как из первых незаметных цветовых и форменных уклонений образуется сложнейший наряд. Должен сказать, что только в тот момент прикоснувшись теоретическим восприятием к хвосту этого павлина, в дарвинском истолковании, я почувствовал себя как следует быть атеистом. Ибо если природа может такую тончайшую и великолепнейшую работу выполнить собственными „слепыми“ методами, то зачем же ей вмешательство потусторонних сил? Когда я потом, несколько месяцев спустя, прочитал автобиографию Дарвина, где—все это очень твердо врезалась в память!—есть, примерно, такая фраза: хотя я, Дарвин, и отказался от библейской теории творения, но веру в бога сохранил неизменно,—я был глубоко поражен—за Дарвина, не за себя. И сейчас я не знаю, была ли это у старика, одного из гениальнейших в истории человечества, условная ложь, дипломатическое преклонение перед лицемернейшим в мире общественным мнением английской буржуазии, или же и впрямь в его собственном мозгу остались непроработанными дарвинизмом клетки, куда в детстве, когда его готовили в священники, была вселена религиозная вера. Этот психологический вопрос я, товарищи, решать не берусь. Но не все ли равно? Если Чарльз Дарвин, по собственным его словам, сохранил веру в бога, то дарвинизм с этой верой не мирился никогда.

В этом отношении, как и в других, дарвинизм является предпосылкой марксизма. В широком материалистическом и диалектическом смысле марксизма является применением дарвинизма к человеческому обществу. Вы знаете, что были либеральные, манчестерские попытки механического перенесения дарвинизма в социологию, которые приводили только к ребяческим аналогиям, прикрывавшим злостную буржуазную апологетику: рыночная конкуренция об'являлась „вечным“ законом борьбы за существование и пр. На этих пошлостях останавливаться нет надобности. Но только внутренняя связь между марксизмом и дарвинизмом дает возможность понять живой поток бытия в его первичной связи с неорганической природой, в его дальнейшем обособлении, развитии, динамике, в дифференциации потребностей существования первых, элементарных растительных и животных видов, в их борьбе, в их измене-

ниях, в наростании и усложнении их форм, в появлении „первого“ человека или человекоподобного существа, вооружающегося первыми подобиями орудия труда, в появлении простейшей кооперации, пользующейся искусственными органами, в дальнейшем расчленении общества на основе развития средств производства, т.-е. орудий покорения природы, в классовой борьбе и, наконец, в борьбе за упразднение классов. Охватить мир с такой широкой материалистической точки зрения—это значит, товарищи, впервые освободить свое сознание от всех наследий мистицизма и обеспечить себе твердую почву под ногами. Это значит почувствовать, что у тебя нет внутренних суб'ективных препятствий к борьбе за будущее, а есть только внешние сопротивления и противодействия, которые должно в одном случае подкопать, в другом—обойти, в третьем—взорвать, в зависимости от условий борьбы.

5. ТЕОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ.

В последнем счете побеждает практика, говорим мы нередко. И это верно,—в том смысле, что коллективный опыт класса и всего человечества отметает постепенно иллюзии, ложные теории, поспешные обобщения. Но, в другом—не менее действительном смысле, можно сказать: в последнем счете побеждает теория. Нужно только, чтобы теория действительно собрала в себе весь опыт человечества. С этой точки зрения исчезает самое противопоставление теории и практики, ибо теория есть правильно учтенная и обобщенная практика. Теория побеждает не практику, а безыдейный, чисто эмпирический, кустарнический подход к ней. Да, мы имеем полное право сказать: вооружайтесь теорией, ибо в последнем счете побеждает теория. Чтобы правильно оценить условия борьбы, в том числе и состояние твоего собственного класса, нужен надежный метод политической, исторической ориентировки. Это марксизм, или в применении к новейшей эпохе—ленинизм. Маркс и Ленин—вот две величайшие вехи в области общественной мысли. Вот два имени, которые воплощают то материалистическое и диалектически-действенное миросозерцание, которое положено в основу программы коммунистического университета Свердлова. Маркс—Ленин! Это сочетание исключает самую мысль об „академизме“. Я имею в виду те прения по части академизма, которые велись

у вас в школе, затем были перенесены и на столбцы общей партийной печати. Академизм в смысле самодовлеющего значения теории—для нас, революционеров, бессмыслица вдвойне. Теория служит коллективному человеку, служит революции. Правда, в известные моменты нашего общественного развития у нас были попытки отвлечь марксизм от революционного действия. Это было время так называемого легального марксизма. В тот период воспитался особый тип легального марксиста. Это было в 90-х годах прошлого столетия. Русские марксисты делились тогда на два лагеря: марксисты легальные, из питерских и московских журнальных салонов, и подпольная братия, марксисты тюремные, таежные, эмигрантские, нелегальные. Легальные были по общему правилу куда образованнее нас, молодых тогдашних марксистов. Правда, и тогда была у нас группа широко образованных революционных марксистов, но лишь горсть, а мы, молодежь, в подавляющем большинстве своем, были, если признаться, довольно-таки невежественны, хотя вот и испытывали иногда потрясения от знакомства с Дарвином. Далеко не всем, однако, доводилось и до Дарвина добраться. Тем не менее, я могу вам сказать с уверенностью, что когда случалось этому подпольному молодому, 19-ти или 20-летнему марксисту встретиться и сшибиться лбом с марксистом легальным, то в результате у молодых всегда возникало такое чувство: а все же мы умнее. Это не было просто мальчишеское высокомерие, нет. Разгадка этого чувства в том, что марксизм нельзя по настоящему усвоить, если нет воли к революционному действию. Только в том случае, если теоретическая мысль сочетается с волей, направленной на преодоление существующих условий,—орудие марксизма буравит и сверлит. А если этой активной революционной воли нет, то марксизм является лже-марксизмом, деревянным ножом, который не колет и не режет. Таким он и был в распоряжении наших легальных марксистов, постепенно превратившихся в либералов. Воля к революционному действию есть необходимое условие овладения диалектикой марксизма. Одно без другого не живет. Марксизм не может стать академизмом, не переставая быть марксизмом, т.-е. теоретическим орудием революционного действия. Свердловия ограждена от академического перерождения уже тем, что она является учреждением партии, все еще продолжающей составлять гарнизон осажденной революционной крепости.

6. ПАМЯТИ СВЕРДЛОВА.

Не даром ведь, товарищи, ваш университет стоит под знаком Свердлова! Якова Михайловича мы любовно чтим не как теоретика,—им он не был,—а как революционера, который для нужд революционного действия в достаточной мере владел методом марксизма. Как и подавляющее большинство из нас, он не развивал самостоятельно теории марксизма, не вел ее вперед к новым научным завоеваниям, но зато он с полной уверенностью применял метод марксизма, чтобы наносить материальные удары буржуазному обществу. Таким мы его знали, и таким он сошел в могилу. То, что характеризовало его, это—действенное мужество. Без этого качества, товарищи, нет и не может быть революционера. Не в том смысле, что революционер не смеет быть трусом,—это слишком элементарно и слишком просто, если говорить о мужестве в физическом смысле. Революционер должен иметь нечто большее, именно идейное мужество, дерзание в действии, решимость на дела, которых еще не было в истории, которых опыт еще не проверил, и которые встают поэтому, как нечто невероятное. Идея Октября после Октября—это одно; но та же идея до Октября—совсем другое. Каждое большое событие в известном смысле застает людей врасплох. Идея Октября накануне Октября—разве она не казалась воплощением невозможного, неосуществимого, и разве мало было марксистов, которые в ужасе шарахались от Октября, хотя все время шли, казалось, ему навстречу. В том-то и обнаружилось значение Октября, что история на ладони своей взвесила в те дни классы, партии и отдельных людей, и отвеяла легковесных. Свердлов был не из таких. Он был подлинным борцом, из хорошего материала, и достаточно владел оружием марксизма, чтобы твердо и уверенно пройти через дни Октября. Я его видел в различных условиях: на больших массовых собраниях, на тревожных заседаниях ЦК, в комиссиях, в военно-революционном комитете и на заседаниях Всероссийских С'ездов Советов; я слышал не раз его трубный голос массового оратора и „комнатный" голос цекиста,— и я, товарищи, не могу ни на одну минуту представить себе на его лице выражение замешательства, растерянности, не говорю уж испуга. В самые грозные часы он был все тот же: в кожаном картузе на голове, с папироской в зубах, улыбающийся,

худощавый, небольшой, подвижной, нервный и в своей нервности уверенный и спокойный... Таким я видел его в июле 17 года, во время вакханалии белогвардейщины в Питере, таким он был в наиболее тревожные часы перед Октябрем, таким он оставался в дни немецкого нашествия после брест-литовских переговоров и в дни июльского восстания левых эс-эров, когда одна часть Совнаркома, лево-эс-эровское меньшинство, посылала другой части Совнаркома, большевистскому большинству, снаряды с одной из московских улиц в Кремль. Помню, как с неизменным своим кожаным картузом на голове, улыбаясь, Яков Михайлович спрашивал: „Ну, что же, придется, видно, от Совнаркома опять перейти к военно-революционному комитету?" Даже в те часы, когда чехо-словаки угрожали Нижнему, а т. Ленин лежал, подкошенный эс-эровской пулей, Свердлов не дрогнул. Спокойная и твердая уверенность не покидала его никогда. А это, товарищи, неоценимое, поистине драгоценнейшее качество настоящего революционера. Мы с вами не знаем, какие еще дни и часы нам предстоят, какие бои придется нам проделать, какие баррикады брать, а может быть, и временно сдавать. Мы уже не раз брали, сдавали и снова брали. Кривая революционного развития есть очень сложная линия. Нужно быть готовым ко всему. Мужественный дух Свердлова должен вдохновлять Свердловию—тогда мы будем спокойны за боевую преемственность нашей партии.

7. ПАРТИЯ НА ВОСТОКЕ.

Я сказал, товарищи, несколько ранее, что мистицизм и религиозность не совместимы с принадлежностью к коммунистической партии. Это выражение не точное, я хочу его поправить,— не из каких-либо отвлеченных соображений, но потому, что для нас, для коммунистической партии Союза Советских Республик, вопрос этот имеет огромное практическое значение. Москва есть бесспорный центр Союза, но у нас есть большая союзная периферия, которая населена угнетавшимися ранее национальностями, отсталыми не по своей вине народами, и вопрос о создании, о развитии там коммунистических партий есть сейчас одна из важнейших и сложнейших наших задач, разрешение которой ляжет на молодые плечи свердловцев в течение их ближайшей работы. Мы соприкасаемся с внешним

миром, и прежде всего с многомиллионным Востоком, через посредство отсталых советских республик. Мы законом и разумом революционной диктатуры не позволяем подняться в странах Союза ни одной из партий, представляющих собою прямую или замаскированную агентуру буржуазного господства. Другими словами, мы признаем только за коммунистической партией в переходный революционный период право на власть. Тем самым и в Туркестане, и в Азербейджане, и в Грузии, и в Армении, и во всех остальных частях нашего Союза мы признаем только за тамошней коммунистической партией, опирающейся на трудовые низы, право управлять в переходный период судьбами своего народа. Но там слишком слаба та социальная основа, из которой родилась в городах и закалилась в боях наша партия. Там слаб пролетариат. Там нет даже той небогатой политической дореволюционной истории, которая была у Москвы и Петрограда. Там только Октябрьская революция пробудила к сознательной или полусознательной политической жизни отсталые и тяжело придавленные в прошлом крестьянские массы, и, пробуждаясь, они тяготеют к коммунистической партии, как своей избавительнице, они стараются продвинуть в ее ряды свои лучшие элементы, — искренние, революционные, но лишенные в прошлом школы классовой борьбы, опыта стачек, восстаний, баррикадных боев, кружковой пропаганды, своей и чужой прессы и пр.—элементы, которые поднимаются непосредственно из полукочевого варварства, из ламаизма, шаманства, господства ислама и стучатся в двери коммунистической партии. Перед этими лучшими элементами отсталых народностей мы двери нашей партии открываем, и не удивительно, если мы наблюдаем такой факт, что в Туркестане и в некоторых других национальных республиках довольно высокий процент нашей партии состоит из людей верующих— в некоторых до 15 проц. Имеет ли это что-нибудь общее с той теорией, которую развивают иные „вожди“ насчет совместимости религии с марксизмом? Ничего общего. Одно дело, если просвещенный господин интеллигент, заброшенный судьбой в коммунистическую партию, но чувствующий себя неудовлетворенным или страдающий идеологической отрыжкой или изжогой от плохого теоретического пищеварения, считает, что ему необходимы время от времени приемы мистических медикаментов—против идейной изжоги или других недомоганий. Это

идейное фланерство, это мещанский снобизм, это как будто бы очень изощренный, а в самом деле—пошлейший аристократизм. Но совсем другое дело туркестанское или азербейджанское революционное сырье, первобытное, исторически не проработанное, которое к нам стучится, и которое мы должны принять и воспитать. Конечно, было бы лучше, если бы мы там имели пролетариев, которые прошли уже через стачки, сталкивались с церковью, отказались от старых предрассудков и лишь потом пришли к коммунизму. Так происходит сейчас в Европе, так, до известной степени, происходило и происходит у нас в центре. Но ведь нет там, на Востоке, всей этой предшествующей школы. Там наша партия является первой школой и долг свой она должна выполнить в соответствии с обстановкой. Мы допустим там в наши ряды и таких товарищей, которые еще не порвали с религией, но не для того, чтобы мирить марксизм с исламом, а для того, чтобы тактично, но упорно освобождать сознание этих отсталых членов партии от суеверий, смертельно враждебных коммунизму по самому своему существу. Всеми средствами нашей партии мы должны помочь им проработать свое сознание во всех его областях, подняться вверх, дойти до подлинно цельного действенного материалистического миросозерцания. И это будет одна из важнейших наших миссий, товарищи свердловцы,—расширить и укрепить связь Запада с Востоком. Помните: мы являемся источником и носителем культуры для необ'ятного азиатского материка. Нашу миссию по отношению к Востоку мы должны, прежде всего, осознать и развернуть в рамках нашего собственного Советского Союза. Если трудно перевоспитать идейно пожилого или зрелого туркмена, башкира или киргиза, то это вполне возможно по отношению к туземной молодежи. Это есть, прежде всего, задача нашего Комсомола, нашей Свердловии. Революция затягивается на годы, на ряд лет. Она развернется и завершится в течение десятилетий. Вы будете ее продолжателями. Не знаю, все ли вы будете ее завершителями. Но, товарищи, великое счастье и то, что вы будете участниками, что вы не дадите оборваться идейной революционной преемственности, что, овладев теоретическим оружием борьбы, вы будете применять его на все более широкой арене. В этом надежном вооружении представителей молодого поколения есть главная задача Свердловского университета. Будем помнить: в последнем счете побеждает теория!

8. СВЕРДЛОВИЯ И ЛЕНИН.

Не сомневаюсь, что связь между Свердловией, с одной стороны, институтом Ленина и институтом Маркса, с другой, будет в ближайшие годы крепнуть все более. Путь к Марксу для младшего поколения лежит через Ленина. Прямой путь становится все труднее потому, что все большая эпоха отделяет молодежь от гениальных основоположников научного социализма—Маркса и Энгельса. Ленинизм есть высшее сгущение марксизма для непосредственного революционного действия в эпоху империалистской агонии буржуазного общества. Институт Ленина в Москве должен стать высшей академией революционной стратегии. Связь Свердловии с этим институтом должна установиться с самого начала, чтобы далее развиваться и крепнуть.

Товарищи! На этом нашем празднике пятилетнего юбилея мы ни о чем так не скорбим, как о том, что наш почетный председатель Ильич не сидит здесь среди нас. Мысль об его долгой и тяжкой болезни не покидает нашего сознания. Но к этой скорби присоединяется, смягчая ее, чувство твердой уверенности в том, что могучим духом Ленина надежно, незыблемо проникнута наша коммунистическая партия, а с нею вместе и Свердловия,—одна из ценнейших клеточек партии. И в этом смысле можно сказать, что если наш вождь и учитель сегодня все еще не сидит здесь, среди нас, то революционный гений его с нами, он витает на этом празднике Свердловии. Нашими легкими революционеров мы вдыхаем на этом празднике атмосферу лучшей и высшей доктрины, которую создало предшествующее развитие человеческой мысли. Оттого мы так глубоко уверены в нашем завтрашнем дне. Я не могу, товарищи, иначе закончить свое приветствие от имени ЦК нашей партии, как послав наш общий братский привет и восторженную любовь учеников нашему учителю Ильичу (Аплодисменты. Играют „Интернационал“).

Речь на пятилетнем юбилее
Коммунистического Университета им. Я. Свердлова.
Июнь 1923 г.

НАДО УЧИТЬСЯ ПИСАТЬ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Наши молодые литераторы-пропагандисты далеко не все умеют писать так, чтобы их понимали. Может быть, это происходит от того, что им не приходилось пробиваться сквозь первобытную кору темноты и непонимания. Они вошли в партийно-агитационную литературу в тот период, когда в довольно широких слоях трудящихся определенный круг людей, слов и оборотов получил прочное распространение. Опасность отрыва партии от беспартийных масс в области агитации выражается в замкнутости агитационного содержания и его формы, в создании почти-что условного партийного языка, недоступного сплошь да рядом девяти десятым не только крестьян, но и рабочих. А ведь жизнь не останавливается ни на один час. Поднимаются одно за другим новые поколения. Сейчас судьбы Советской Республики решаются в значительной мере теми, кому во время империалистской войны и затем мартовской и октябрьской революций было 15—16—17 лет. Это „засилие" молодежи, идущей нам на смену, будет давать себя чувствовать чем дальше, тем сильнее.

С этой молодежью нельзя говорить теми готовыми формулами, фразами, оборотами, словами, которые для нас, „стариков", имеют значение потому, что вытекают из нашего предшествующего опыта, а для нее остаются сплошь да рядом пустым звуком. Надо учиться говорить с нею на ее языке, т.-е. на языке ее опыта.

Борьба с царизмом, революция 1905 г., империалистическая война и обе революции 1917 года для нас—личные переживания, воспоминания, живые факты нашей собственной деятельности. Мы тут говорим намеками, вспоминаем и мысленно дополняем то, чего не договариваем. А молодежь? Она этих намеков не понимает, потому что не знает фактов, не пережила их и не может с ними познакомиться из книжек, из правильно

поставленных рассказов—ибо их нет. Где старшему поколению достаточно намека, там молодежи нужен учебник. Настала пора составить серию таких учебников и пособий революционного политического воспитания для молодежи.

Особенно резко я столкнулся с этим вопросом, когда попытался создать ряд небольших пособий и учебников для наших военно-учебных заведений на тему о наших соседях. Совершенно очевидно, что красный „командир", а при его помощи и каждый красноармеец, должны в первую голову знать, каковы те государства, которые нас окружают, иначе он не будет сознательным воином.

На-днях вышла первая книжка такого рода, посвященная современной Польше [1]). Прочитав первые странички, я прямо-таки ужаснулся. Неужели же наши агитаторы-пропагандисты, наши популяризаторы так плохо чувствуют своего читателя, так мало отдают себе отчет в том, что ему нужно!

Вот как начинается книжка: „Империалистическая война возникла в то время, когда растерзанная почти 150 лет тому назад на три части Польша органически все более срасталась с тремя различными государственными организациями". Попробуйте прочитать эту фразу перед ротой и потом предложите поднять руку тем, кто понял. Боюсь, что не поднимется ни одна рука, если случайно ротным командиром не окажется бывший студент. В конце той же странички говорится мимоходом „о повстанческих идеях", которые сохранились только „в кучке деклассированной интеллигенции". Что это все значит? Для кого это предназначено? Кому это доступно?

Представим себе нашего молодого красного командира, командующего взводом. Он знает Польшу только по личным воспоминаниям и по газетам. Он знает только Польшу Пилсудского, ту самую, которая нападала на нас. О том, что Польша была разорвана на три части между Россией, Австро-Венгрией и Германией, он не знает. Да, да, товарищи агитаторы и популяризаторы, представьте себе, он этого не знает. Революция пробудила его мальчиком и все внимание его потом было поглощено внутренними событиями и борьбой с белыми. Самое имя Польши он услышал, может быть, в первый раз

---

[1]) Библиотека политпособий. Очерки современной Польши. Книга первая. Высший Военный Редакционный Совет. Москва, 1921.

в связи с нападением белополяков и петлюровцев на наши границы. Вот с этих простейших фактов, ясно и просто изложенных и нужно начать. Польша образовалась тогда-то, путем соединения воедино трех частей, которые были захвачены полтора столетия тому назад тремя хищниками. Говорить о каких-то повстанческих идеях, удержавшихся в кучке деклассированной интеллигенции—да ведь это же жаргон небольших кружков партийной интеллигенции, хотя и не деклассированной, но совершенно оторвавшейся от действительного рабочего класса.

Я этим вовсе не хочу изгнать такого рода выражения, отдельные слова, представляющие сложные намеки, из марксистского обихода. Надо только, чтобы форма изложения отвечала об'ему вопроса и была ясно предназначена для определенного читателя или слушателя. Излагать же простейшие, элементарнейшие исторические факты, неизвестные читателю, на условном языке, целиком связанном с революционными воспоминаниями партийных верхушек—это уж последнее дело.

В книжке, предназначенной в первую голову для военного читателя, я не нашел никаких данных о территории Польши, о численности населения, об его национальном составе, о числе городов и городского населения и пр. Как же можно без этих основных данных? Книжка обо всем говорит мимоходом, попутно, и ни о чем—ясно и вразумительно. Можно бы предположить, что книжка предназначена для верхов, но нет—она издана в количестве 25.000 экземпляров. Это значит, что книжка должна быть рассчитана на сотни тысяч читателей (и слушателей). А можно утвердительно сказать, что во всей Красной Армии вряд ли наберется пять—десять тысяч читателей, которые эту книжку поймут; при чем те, которые ее поймут, и без того знают все, что в книжке написано.

Можно не сомневаться, что автор книжки способен дать нечто лучшее, если предложить ему два и три, и четыре раза переработать то, что он написал. Именно так учились мы в свое время писать популярно. В нынешнем же своем виде книжка совершенно не годится. Она никому не нужна. У неискушенного читателя она может вызвать только раздражение, близкое к отчаянию, и отбить охоту к чтению.

Надо учиться писать для молодежи!

21 июля 1921 г.
„Правда," № 279.

ПОКОЛЕНИЮ ОКТЯБРЯ

1.

... На наших глазах подрастает ваше поколение, которое через несколько лет сменит нас, „стариков“, у руля рабочего государства.

Вы покажете, что являетесь детьми нашего великого героического революционного времени. Вы понимаете, что история обещает вам завтра не лучезарный день спокойствия и радости; нет,—вас ждут завтра и послезавтра дни суровой и упорной борьбы. Старое поколение уходит постепенно в прошлое. История его сметает, сбрасывает со счетов. Силы, мускулы, мозги, нервы старых работников истощаются, и вы призваны придти на смену и в области хозяйства, и в области армии, и в области культурного строительства. Я не сомневаюсь, что ваше поколение будет более сплоченным, более просвещенным и более сознательным, чем наше, которое вышло из старого буржуазно-дворянского варварства.

Из речи на общегородской беспартийной конференции рабочей молодежи.
„Правда“ № 16.
21 января 1922 года.

2.

... Мы сегодня выслушали привет от того поколения, которое будет руководить нашей страной и нашими союзными странами этак лет через десять, и нет сомнения, что у этих очень молодых граждан память о сегодняшнем вечере останется навсегда.

Растут они в условиях, в которых старое поколение не росло. Старое росло в условиях жесточайшей классовой борьбы,

а молодое растет в условиях еще нестройного, не приведенного в порядок рабочего государства. Тут есть плюсы и минусы. Закала, непосредственной борьбы с врагами у молодежи сегодня нет,—тем важней готовить ее к тем боям, которые ей предстоят. Великая тяга нашей молодежи к Красной Армии об'ясняется тем, что молодежь не имеет сейчас против себя непосредственного классового врага внутри страны. Молодежь знает, чувствует и при нашей помощи понимает, что великие бойни, великие жертвы, необходимость великого героизма еще впереди, и в этом духе революционного закала и подготовки к борьбе на общем мировом фронте мы должны будем воспитывать нашу молодежь. Так как мир обширен и враг силен, то прав был молодой товарищ, который сказал: „Когда мы, юные металлисты, подрастем, мы войдем в коммунистическую партию". Ибо еще и через десять лет коммунистической партии будет большая и большая работа, революционная борьба будет длиться еще долгие годы, пока враг не будет сломлен на всем земном шаре.

В связи с конференцией, я лично получил несколько неожиданных пожалований. Меня пожаловали в почетные кузнецы и монтеры. Если бы я был в возрасте этого молодого товарища, юного металлиста, то я по совести честно обещал бы стать хорошим кузнецом и монтером. Но, к сожалению, сейчас этого сделать не могу, ибо проклятие нашего старого общественного строя состояло в разделении физического и умственного труда.

Часть из нас, борцов коммунистической партии, вышла из буржуазной и мелко-буржуазной среды. Я не имел счастья, как некоторые другие, родиться в рабочей семье. Я вышел из мелко-буржуазной среды, где физический труд отделялся от умственного труда, где старались для детей проложить путь эксплоатации, путь карьеры. Только известная часть поколения старой интеллигенции нашла дорогу к рабочему классу, но не нашла дороги к физическому труду. Будущий общественный строй будет целиком основан на соединении физического и умственного труда, и каждый человек будет развиваться гармонически и всесторонне. Он должен будет развивать мускулатуру своего тела и мускулатуру своей мысли, он будет законченной, прекрасной, гармонической личностью. Нам, к несчастью, этого еще не дано. Незачем говорить, что если я лишен возможности обещать стать хорошим кузнецом и хорошим монтером,

то в то же время в высокой степени благодарен товарищам, почтившим меня этим избранием. Что касается избрания меня стрелком, то так как я состою стрелком некоторых других полков, то в совокупности я постараюсь стрелять по всем врагам по мере сил.

Переданный мне делегацией беспартийных рабочих документ, документ паровозо-строительного завода с несколькими тысячами подписей, вызывает в моей памяти одно воспоминание. Когда в 1907 году шел в России процесс первого Петроградского Совета рабочих депутатов, рабочие всего Петрограда заявили судебной палате, которая нас судила, что они целиком разделяли всю работу подсудимых, своих делегатов, и требуют, чтобы их всех посадили на скамью подсудимых. Они послали делегацию таких же, как вы, рабочих, в рабочих костюмах, с документом, который, как две капли воды, похож вот на этот испачканный рабочими руками и покрытый рабочими подписями лист. Председателем суда был действительный тайный советник Крашенинников. В Питере было настроение такое, что нельзя было закрыть перед рабочими дверь в судебную палату. И вот, в присутствии сословных представителей,—Тройницкого, графа Гудовича и других,—перед судейским столом, где были сенаторы, бывшие министры, свидетели, проходила одна делегация за другой; весь рабочий Петроград прошел на суде. В большинстве это были беспартийные. Присягнуть все рабочие отказались и заявили: „Так что требуем всех нас посадить на скамью подсудимых“. Там было 3585 подписей. Крашенинников брал документ очень осторожно,—он не любил брать испачканные бумаги. Пошушукался с тайным советником справа, с тайным советником слева и потом заявил: „Судебная палата, не входя в исчисление подписей, свидетельствует, что их много“. Это была тоже очень отрадная картина, но мы тогда сидели не за столом президиума, а на скамье подсудимых, и не красноармейцы нас окружали, которые выбирают нас стрелками, а солдаты царской армии окружали нашу скамью подсудимых. Если бы тогда кто-нибудь вошел в здание судебной палаты,—это было 15 лет тому назад, и кое-кого из присутствующих комсомольцев, пожалуй, на свете еще не было,—и если бы кто-нибудь сказал тогда, что вот ты, Крашенинников, за все преступления, тобой совершенные, будешь в 1920 году расстрелян на Кавказе (он был расстрелян революционным пролетарским Трибуналом),

а вы, подсудимые, будете в Харькове на конференции правящей партии в 1923 году выслушивать приветствия уже по поводу пятилетнего существования Советской Республики, то, вероятно, тогда всем в зале, кроме небольшой кучки обвиняемых, показалось бы, что здесь бредит сумасшедший. А между тем, то, что казалось десять лет тому назад бредом сумасшедшего или фантаста, сегодня—живой факт. Рабоче-крестьянская страна существует, она воспитывает жизнеспособную смену, и мы говорим: „Дайте еще десять лет, десять лет упорного труда, роста и учебы — и никто не узнает нашу разоренную, нищую, но отвоеванную от капитала и собственными силами возрожденную страну!“

Ответ делегации беспартийных рабочих, приветствовавших VII всеукраинскую конференцию К. П. У.
5 апреля 1923 г.

II. УЧЕБА

РАБОТАЯ—УЧИТЬСЯ

(Из „Писем к другу“)

Мы являемся партией рабочего класса. С его передовыми элементами мы сидели десятки лет в подполье, вели борьбу, сражались на баррикадах, опрокинули старый режим, отбросили всякие межеумочные группы, вроде эсеров и меньшевиков, и, во главе рабочего класса, мы взяли в руки власть. Но если наша партия кровно и неразрывно связана с рабочим классом, то она никогда не была и не может стать простой хвалительницей рабочего класса, которая удовлетворяется всем, что делают рабочие. Мы с презрением относились к тем, которые поучали нас, будто пролетариат взял в руки власть „слишком рано“: точно революционный класс может взять власть в любое время по желанию, а не тогда, когда история заставляет его брать власть. Но в то же время мы никогда не говорили и сейчас не говорим, будто рабочий класс наш достиг полной зрелости и может „играючи“ справиться со всеми задачами и разрешить все затруднения. Пролетариат, а тем более крестьянские массы только что вышли, ведь, из многовекового рабства и несут на себе все последствия гнета, невежества и темноты. Завоевание власти само по себе вовсе еще не преобразовывает рабочий класс и не наделяет его всеми необходимыми достоинствами и качествами: завоевание власти только открывает перед ним возможность по настоящему учиться, развиваться и очищаться от своих исторических недостатков.

Верхний слой русского рабочего класса путем величайшего напряжения совершил гигантскую историческую работу. Но даже и в этом верхнем слое слишком много еще полузнания

и полуумения, слишком мало работников, которые по своим сведениям, кругозору, энергии могли бы делать для своего класса то, что представители, ставленники и агенты буржуазии делали для господствующих классов.

Лассаль говорил когда-то, что современные ему немецкие рабочие—более полустолетия тому назад—были бедны пониманием своей бедности. Революционное развитие пролетариата и состоит в том, что он приходит к пониманию своего угнетенного положения, своей нищеты, и восстает против господствующих классов. Это дает ему возможность захватить политическую власть. Но обладание политическою властью, в сущности, впервые открывает перед ним самим полную картину его бедности в деле общего и специального образования и государственного опыта. Понимание же своих недочетов для революционного класса есть залог их преодоления.

Самым опасным для рабочего класса было бы, бесспорно, если бы верхи его вообразили, что с завоеванием власти главное уже сделано, и позволили бы своей революционной совести успокоиться на достигнутом. Не для того же, в самом деле, пролетариат совершил революцию, чтобы дать возможность тысячам или даже десяткам тысяч передовых рабочих заседать в советах и комиссариатах. Наша революция вполне оправдает себя только тогда, когда каждый труженик, каждая труженица почувствует, что им легче, свободнее, чище и достойнее стало жить на свете. Этого еще нет. Еще трудный путь отделяет нас от достижения этой основной и единственной нашей цели.

Чтобы жизнь трудовых миллионов стала легче, обильнее и богаче содержанием, необходимо во всех областях повысить организованность и целесообразность труда, нужно достигнуть несравненно более высокого уровня познаний, более широкого кругозора всех призванных представителей рабочего класса на всех поприщах деятельности. Работая, нужно учиться. Нужно учиться у всех, у кого можно чему либо научиться. Нужно привлечь все силы, какие можно запречь в работу. Еще раз: нужно помнить, что массы народные оценят революцию в последнем счете по ее практическим результатам. И они будут совершенно правы. Между тем, нет никакого сомнения в том, что среди части советских работников установилось такое отношение к делу, как если бы задача рабочего класса в основах

своих разрешена уже одним тем, что к власти призваны рабочие и крестьянские депутаты, которые „кое—как“ с делами справляются. Советский режим именно потому лучший для рабочей революции режим, что он вернее всего отражает развитие пролетариата, его борьбу, его успехи, но точно так же—его недочеты, а в том числе и недочеты его руководящего слоя. На ряду с выдвинутыми пролетариатом многими тысячами первоклассных фигур, которые учатся, шагают вперед и которым предстоит еще, бесспорно, большое будущее, есть в руководящем советском аппарате не мало полузнаек, которые мнят себя всезнайками. Самодовольство, успокаивающееся на маленьких успехах, эта худшая черта мещанства, в корне враждебна историческим задачам пролетариата. Но черта эта тем не менее встречается и в среде тех рабочих, которые с большим или меньшим правом могут называться передовыми: наследие прошлого, мещанские традиции и влияния, наконец, просто потребность напряженных нервов в отдыхе делают свое дело. Рядом с этим стоят довольно многочисленные представители интеллигенции и полуинтеллигенции, которые искренне примкнули к делу рабочего класса, но внутренне еще не перегорели и сохранили много качеств и приемов мысли, свойственных мещанской среде. Эти худшие элементы нового режима стремятся кристаллизироваться в советскую бюрократию.

Я говорю—„худшие“, не забывая при этом многие тысячи просто безыдейных техников, которыми пользуются все советские учреждения. Техники, „непартийные“ специалисты выполняют, худо ли, хорошо ли, свою задачу, не беря на себя ответственности за советский режим и не возлагая на нашу партию ответственности за себя. Их нужно всячески использовать, не требуя от них того, чего они не могут дать... Зато прямым историческим балластом является наша собственная бюрократия, уже консервативная, косная, самодовольная, не желающая учиться и даже враждебно относящаяся к тем, кто напоминает о необходимости учиться.

Вот это—подлинная опасность для дела коммунистической революции. Это—настоящие пособники контр-революции, хотя и без заговора. Наши заводы работают не лучше буржуазных, а хуже. Стало быть, тот факт, что во главе их, в виде правления, стоят несколько рабочих, сам по себе еще не решает дела. Если эти рабочие исполнены решимости добиться высоких

результатов (а в большинстве случаев это так или будет так), тогда все трудности будут преодолены. Нужно, стало быть, со всех сторон подходить к более разумной, более совершенной организации хозяйства, управления армии. Нужно пробуждать инициативу, критику, творчество. Нужно дать больше места великой пружине соревнования. На ряду с этим нужно, стало быть, привлекать специалистов, искать опытных организаторов, первоклассных техников, давать дорогу всяким дарованиям—и тем, которые выдвигаются с низов, и тем, которые остались в наследство от буржуазного режима. Только жалкий советский бюрократ, ревнивый к своему новому посту и дорожащий этим постом ради личных привиллегий, не ради интересов рабочей революции, может с огульным недоверием относиться ко всякому крупному знатоку дела, выдающемуся организатору, технику, специалисту, ученому, заранее решив про себя, что „мы и сами кое-как справимся".

Недостаток знания, разумеется, не вина, а—беда и при том—беда поправимая. Но эта беда становится тиной, даже преступлением, когда она дополняется самодовольством, надеждой на „авось, да небось", и завистливо враждебным отношением ко всякому, кто больше знает.

„Кое-как справляемся, значит и дальше справимся". Неправда! „Кое-как" не справимся ни в коем случае: либо справимся вполне, как следует быть, по ученому, с применением и развитием всех сил и средств техники, либо никак не справимся, а провалимся. Кто этого не понял, тот ничего не понял.

В пути: Тамбов—Балашов.
10 января 1919 г.
„Правда", № 30.

ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ

... Параллельно длительному процессу завоевания большинства рабочего класса Европы и Америки, параллельно процессу закала коммунистических партий, будет итти и величественный процесс нашего социалистического накопления, нашего социалистического строительства. С этой точки зрения нам во всех отношениях нужно от бивуачного образа жизни переходить к устойчивому, оседлому образу жизни, от работы наспех и кое-как—переходить к систематической и методической работе. Нам нужно от нашей абсолютной универсальности переходить,—в чем я с тов. Бухариным вполне согласен,—к специализации, переходить к уточнению знаний во всех областях, и более всего бороться против того типа, который наша история за эти пять лет создала—это тип на все способного, все знающего, со стороны глядящего и всем указывающего.

Я жил в эмиграции в Вене несколько лет, и там есть такое слово, которого, кажется, ни на каком языке больше не найдешь—„кибиц". Запомните это слово—оно пригодится вам. Это слово обозначает человека, который, видя, что два человека играют в шахматы, обязательно подсядет и всегда знает самый лучший ход, а если с ним сядешь играть, он окажется профаном после первого же хода. Это, конечно, относится не только к шахматной игре, а к чему угодно, и к вопросам техники, и т. д. Вот эта болезнь „кибица" имеет у нас очень большое, слишком большое распространение, особенно среди молодежи. И это, повторяю, вытекало из всей нашей обстановки. Нас бросали и туда и сюда, и жнецом, и гребцом, и в дуду игрецом. Это бивуачное положение было терпимо, было неизбежно,—неизбежна была и порожденная им болезнь. Теперь есть достаточно предпосылок, чтоб ее изжить. Болезнь „кибица" должна быть искоренена.

20 октября 1922 г.

Из речи на совещании активных работников московской организации Р. К. П.
„Правда" № 219.

ВНИМАНИЕ К ТЕОРИИ

1.

Дорогие товарищи!

Идея издания журнала, который вводил бы передовую пролетарскую молодежь в круг материалистического миропонимания, кажется мне в высшей степени ценной и плодотворной [1]).

Старшее поколение рабочих - коммунистов, играющее ныне руководящую роль в партии и в стране, пробуждалось к сознательной политической жизни 10—15—20 и более лет тому назад. Мысль его начала свою критическую работу с городового, с табельщика и мастера, поднималась до царизма и капитализма, и затем, чаще всего в тюрьме и ссылке, направлялась на вопросы философии истории и научного познания мира. Таким образом, прежде, чем революционный пролетарий доходил до важнейших вопросов материалистического об'яснения исторического развития, он успевал уже накопить известную сумму все расширявшихся обобщений, от частного к общему, на основе своего собственного жизненного опыта.

Нынешний молодой рабочий пробуждается в обстановке советского государства, которое само есть живая критика старого мира. Те общие выводы, которые старшему поколению рабочих давались с бою и закреплялись в сознании крепкими гвоздями личного опыта, теперь получаются рабочими младшего поколения в готовом виде, непосредственно из рук государства, в котором они живут, из рук партии, которая этим государством руководит. Это означает, конечно, гигантский шаг вперед в смысле создания условий дальнейшего политического и теоретического воспитания трудящихся. Но в то же время на этом, несравненно более высоком, историческом уровне, достиг-

[1]) Письмо было помещено в № 1 философского и экономического ежемесячника „Под знаменем марксизма“.

нутом работой старших поколений, возникают новые задачи и новые трудности для поколений молодых.

Советское государство есть живое отрицание старого мира, его общественного порядка, его личных отношений, его воззрений и верований. Но в то же время само советское государство еще полно противоречий, прорех, несогласованностей, смутного брожения,—словом, явлений, в которых наследие прошлого переплетается с ростками будущего. В такую глубоко переломную, критическую, неустойчивую эпоху, как наша, воспитание пролетарского авангарда требует серьезных и надежных теоретических основ. Для того, чтобы величайшие события, могущественные приливы и отливы, быстрые смены задач и методов партии и государства не дезорганизовали сознания молодого рабочего и не надломили его воли еще перед порогом его самостоятельной ответственной работы, необходимо вооружить его мысль, его волю методом материалистического миропонимания.

Вооружить волю, а не только мысль, говорим мы,—потому что в эпоху величайших мировых потрясений более, чем когда бы то ни было наша воля способна не сломиться, а закалиться—только при том условии, если она опирается на научное понимание условий и причин исторического развития.

С другой стороны, именно в такого рода переломную эпоху, как наша, особенно, если она затянется, т. е. если темп революционных событий на Западе окажется более медленным, чем можно надеяться,—весьма вероятны попытки различных идеалистических и полуидеалистических философских школ и сект овладеть сознанием рабочей молодежи. Захваченная событиями врасплох—без предшествующего богатого опыта практической классовой борьбы—мысль рабочей молодежи может оказаться незащищенной против различных учений идеализма, представляющих, в сущности, перевод религиозных догм на язык мнимой философии. Все эти школы, при всем разнообразии своих идеалистических, кантианских, эмпириокритических и иных наименований, сходятся, в конце концов, на том, что предпосылают сознание, мысль, познание материи, а не наоборот.

Задача материалистического воспитания рабочей молодежи состоит в том, чтобы раскрыть пред ней основные законы исторического развития, и из этих основных—важнейший и первостепеннейший—именно, закон, гласящий, что сознание людей представляет собой не свободный, самостоятельный пси-

хологический процесс, а является функцией материального хозяйственного фундамента, т.-е. обусловливается им и служит ему.

Зависимость сознания от классовых интересов и отношений, и этих последних—от хозяйственной организации ярче, открытее, грубее всего проявляется в революционную эпоху. На ее незаменимом опыте мы должны помочь рабочей молодежи закрепить в своем сознании основы марксистского метода.

Но этого мало. Само человеческое общество уходит и своими историческими корнями, и своим сегодняшним хозяйством в естественно-исторический мир. Надо видеть в нынешнем человеке звено всего развития, которое начинается с первой органической клеточки, вышедшей, в свою очередь, из лаборатории природы, где действуют физические и химические свойства материи. Кто научился таким ясным оком оглядываться на прошлое всего мира, включая сюда человеческое общество, животное и растительное царства, солнечную систему и бесконечные системы вокруг нее, тот не станет в ветхих „священных книгах", в этих философских сказках первобытного ребячества, искать ключей к познанию тайн мироздания. А кто не признает существования небесных мистических сил, способных по произволу вторгаться в личную или общественную жизнь и направлять ее в ту или другую сторону, кто не верит в то, что нужда и страдания найдут какую-то высшую награду в других мирах, тот тверже и прочнее станет ногами на нашу землю, смелее и увереннее будет в материальных условиях общества искать опоры для своей творческой работы.

Материалистическое миропонимание не только открывает широкое окно на всю вселенную, но и укрепляет волю. Оно одно только и делает современного человека человеком. Он еще зависит, правда, от тяжких материальных условий, но уже знает, как их преодолеть и сознательно участвует в построении нового общества, основанного одновременно на высшей технике и на высшей солидарности.

Дать пролетарской молодежи материалистическое воспитание—есть величайшая задача. Вашему журналу, который хочет принять участие в этой воспитательной работе, я от души желаю успеха.

С коммунистическим и материалистическим приветом

Л. Троцкий.

27 февраля 1922 г.

2.

Обе соединенные здесь книги [1]), направленные, в первую голову, против русских меньшевиков и эс-эров, не встретили, насколько я знаю, с их стороны никакого подобия теоретической оценки. И не мудрено: выведенные революцией в тираж мелкобуржуазные партии утратили всякий интерес к теоретической постановке основных вопросов революции. То, что осталось от этих партий, живет инсинуацией, клеветой, мелким плутовством, мелким прислужничеством и мелкими подачками.

Немецкий меньшевизм, обладающий гораздо большей силой исторической инерции,—чугунный каток пролетарской революции еще не прошелся по его позвоночнику,—ответил рядом критических и политических работ, среди которых первое место по безнадежной пошлости занимают ученые словоистечения Каутского. Те его аргументы, которые давали хотя бы какую-нибудь опору для революционной критики, были по достоинству оценены в свое время т. Радеком. Возвращаться здесь к этим вопросам нет решительно никакого основания. Немецкий меньшевизм, как и мировой, обречен,—он пройдет свой путь распада и гниения до конца.

Это вовсе не означает, однако, что в теоретической области мы можем в дальнейшем жить, как рантье, процентами со старого капитала. Наоборот. Теоретическая разработка вопросов революции—не только ее методов, но и ее материальных основ—сейчас для нас настоятельнее и обязательнее, чем когда бы то ни было. По сложности своей, переживаемая нами эпоха не имеет в прошлом себе равной. Непосредственные революционные перспективы, как они стояли перед нами в 1918—1920 г.г., как бы отдалились, борьба основных социальных сил приняла более затяжной характер, а в то же время подземные толчки не прекращаются ни на минуту, угрожая то военным, то классовым, то национальным взрывом. Напряженная теоретическая работа революционной мысли над уяснением и оценкой внутренних сил мирового процесса и их нередко противоречивых тенденций является залогом прежде всего принципиального и действительного самосохранения коммунистической партии, а затем и ее победы.

---

[1]) Статья представляет собой выдержку из предисловия к об'единенным в одном томе работам „Терроризм и коммунизм“ и „Между империализмом и революцией“.

Перерождение революционных партий происходит незаметно, а вскрывается катастрофически. Немецкая социал-демократия, под руководством Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля, вступала в жизнь совсем не с теми чувствами и мыслями, с каким 50 лет спустя, под руководством Шейдемана и Эберта, вошла в мировую войну. Поколения за полвека постепенно обновлялись, и то, что для стариков было лишь временным и частным, в сознании молодых отлагалось, как основа. Низкопробный практицизм молодых влиял, в свою очередь, и на стариков, сдвигая партию с революционной позиции все ниже и ниже. Первая русская революция (1905 г.) отразилась в Германии прежде всего тем, что нарушила автоматический процесс принижения партии, вызвав у лучшей части молодого поколения под'ем революционных настроений и—как всегда, одновременно!—теоретических интересов. Из этого источника питались элементы радикального крыла германской социал-демократии, а позже—спартаковцы. Но в целом партия В. Либкнехта и А. Бебеля встретила войну и революцию совершенно перерожденной и на щите своем подняла палача Носке.

Проводимая ныне Коминтерном тактика единого фронта и борьбы за переходные требования являются необходимой политикой коммунистических партий буржуазных государств в нынешний подготовительный период. Но нельзя закрывать глаза на то, что эта политика таит в себе в то же время несомненные опасности измельчения и даже полного перерождения коммунистических партий, если, с одной стороны, подготовительный период слишком растянется, и если, с другой стороны, повседневная работа западных партий не будет оплодотворяться активной теоретической мыслью, охватывающей динамику основных исторических сил в полном об'еме.

Та же опасность стоит в известной степени и перед нашей партией, в стране пролетарской диктатуры. Работа наша по необходимости специализируется и уходит в детали. Вопросы государственной бережливости, научной организации труда, понижение себестоимости продуктов промышленности, вопросы прибыли и накопления должны занять сейчас центральное место в жизни партии. Без правильной, систематической работы и без реальных и прочных успехов в этой области все остальное будет запоздалым агитаторством, т.-е. жалкой и пошлой болтовней. Но с другой стороны, даже и несомненные хозяйствен-

ные наши успехи грозили бы ослабить и расшатать партию, порождая в ней узкий практицизм, ведомственную и деловую ограниченность, крохоборчество, если теоретическая мысль партии не будет попрежнему с бою брать все новые и новые позиции, оплодотворяя всю нашу работу правильной мировой и внутренней ориентировкой. Близорукий практицизм на одном полюсе, скользящее по поверхности всех вопросов агитаторство на другом—таковы две несомненные опасности или два полярных выражения одной и той же опасности, подстерегающей нас на нашей нелегкой дороге. Эта опасность стала бы фатальной, если бы мы допустили разрыв теоретической традиции партии. В области материальной культуры мы видели и видим, как трудно бывает восстановлять, когда нарушена непрерывность работы,—но здесь нарушение было неотвратимо, вытекая из самой природы классовой борьбы и ее революционной кульминации. В области идейной мы, как партия, меньше всего нуждаемся в революции,—наоборот, поддержание идейной преемственности есть сейчас наиболее повелительное требование революционной мысли. Линию нашего дальнейшего теоретического развития достаточно определяют две точки в царстве мысли: одна из них Маркс, другая—Ленин.

Синтетический обхват обстановки на основе материалистического, глубоко сверлящего анализа основных ее элементов представляет сущность марксизма (с перевесом в сторону исторического предвидения) и ленинизма с перевесом в сторону действительных выводов. Особенности того и другого вытекает не из разницы методов, а из различия эпох. Ленинизм можно определить как марксизм, переведенный на язык эпохи империалистской агонии буржуазного общества.

Хотя Ленин теоретик сам давал всегда обобщенное выражение тому, что делал Ленин—политик, тем не менее,—а еще лучше сказать: именно потому—теоретическое изучение и обобщение революционной работы Ленина на протяжении трети столетия представляет самостоятельную и огромную задачу, работа над которой уже сама по себе может и должна стать школой для теоретика партии нового призыва. С этой точки зрения создание нашей московской партийной организацией института Ленина представляет собою начинание первоклассной важности. Вся партия должна здесь прийти на помощь Москве, ибо вся партия будет в будущем утолять духовную жажду из этого источника.

Капиталистическое общество агонизирует. Однако, агония его получила длительный характер в соответствии с мощной жизненной инерцией организма. Мы видим, как после отчаянных послевоенных судорог наступает относительное „успокоение“, между жизненными функциями капиталистического организма устанавливается некоторое подобие равновесия, революционные перспективы как бы расплываются и меркнут, буржуазия преисполняется высокомерия и на наиболее слабом своем, аппенинском, участке устанавливает диктатуру горохового шута. В масштабе большого исторического предвидения шут есть шут. Но для сегодняшней революционной борьбы шут, вооруженный аппаратом империалистского государства,— большой политический фактор. На этом промежутке—между кровавой диктатурой империализма и шутовской маской арлекина и шарлатана—историей укладывается все разнообразие средств и методов пережившего себя эксплоататорского класса. Время наше всегда чревато неожиданностями: кровавая угроза может разрешиться шутовством, но и шутовство империалистской буржуазии всегда чревато кровавыми преступлениями.

Затяжная нынешняя эпоха таит в себе возможность резких нарушений темпа, глубоких потрясений. Наша трезвая, осторожная, взвешивающая политика должна поэтому сохранять способность к крутым поворотам. В противном случае новая революционная волна, застигши коммунистическую партию врасплох, могла бы вывести ее из строя. А это почти наверное означало бы новое поражение революции. Напряженная теоретическая работа партии, связывающая вчерашний день с завтрашним, есть необходимое условие сохранения партией способности к крутым поворотам.

От вопросов „политики“, в узком смысле слова, теоретическое внимание партии должно снова спуститься глубже к вопросам экономики—не только нашего советского хозяйства, но и мирового капиталистического рынка. В этой основной исторической лаборатории происходит сейчас перегруппировка и подготовка сил для новой эпохи открытой гражданской войны. Уже III Конгресс Коминтерна,—как только наметились изменения темпа развития,—напомнил штабам коммунистических партий о необходимости более глубоко спускать зонд анализа для определения дальнейшего пути. Если тогда некоторые товарищи готовы были видеть в этом чуть ли не „экономизм“ (!),

то теперь вряд ли такая оценка встретит чью бы то ни было поддержку. В докладе своем о положении Коммунистического Интернационала на XII с'езде нашей партии тов. Бухарин значительное место, и не случайно, отвел анализу экономического состояния важнейших стран. Время суммарных революционных обобщений прошло. Оно наступит снова, когда теперешнее полуустойчивое равновесие будет взорвано неизменно накопляющимися внутри его противоречиями. Но пока-что этот взрыв только подготовляется. Внимание к экономике! Вот чего требует нынешний период от партийной мысли, и требует строго. Ибо если в чистой политике многое можно схватывать нюхом и на лету, то в экономике дело труднее: здесь нужна серьезная и добросовестная работа изучения фактов в их количественных и качественных соотношениях. Но зато только такая коллективная научная работа способна охранить свежесть и эластичность партийного сознания.

Автоматическое движение по одной и той же колее не есть, разумеется, следование традиции, ибо как раз величайшая и славнейшая традиция нашей партии состоит в ее несравненной маневроспособности, под углом зрения которой отступление, как и наступление—только звенья одного и того же замысла. Крутой поворот требует большого усилия и мысли и воли: нужно понять необходимость поворота, нужно захотеть и—произвести его. Узкий практицизм также неспособен на это, как и подбитое ветром агитаторство: и тот и другой тип одинаково склонны к растерянности, малодушию и панике в минуты, требующие особенно высокой концентрации сознания и воли. Сохранение партийной традиции, то-есть, по существу, сохранение самой партии, мыслимо только путем приобщения цвета молодого поколения к самостоятельной теоретической разработке вопросов революции в тесной связи со всей нашей внутренней и международной деятельностью.

Нет и не может быть оснований сомневаться в том, что мы справимся с этой задачей, как и со всеми другими.

4-го мая 1923 г.

БЕГЛЫЕ МЫСЛИ О ПЛЕХАНОВЕ

Война подытожила целую эпоху в социализме, взвесила и оценила вождей этой эпохи. Безжалостно ликвидировала она в их числе и Г. В. Плеханова. Это был большой человек. Обидно думать, что все нынешнее молодое поколение пролетариата, примкнувшее к движению с 1914 года, знает Плеханова только как покровителя Алексинских, сотрудника Авксентьевых, почти единомышленника пресловутой Брешковской, т.-е. Плеханова эпохи „патриотического упадка". Это был большой человек. И большой фигурой вошел он в историю русской общественной мысли.

Плеханов не создал теории исторического материализма, не обогатил ее новыми научными завоеваниями. Но он ввел ее в русскую жизнь. А это заслуга огромной важности. Нужно было победить революционно-самобытнические предрассудки русской интеллигенции, в которых находило свое выражение высокомерие отсталости. Плеханов „национализировал" марксистскую теорию и тем самым денационализировал русскую революционную мысль. Через Плеханова она впервые заговорила языком действительной науки, установила идейную связь свою с рабочим движением всего мира, раскрыла русской революции реальные возможности и перспективы, найдя для них опору в об'ективных законах хозяйственного развития.

Плеханов не создал материалистической диалектики, но он явился ее убежденным, страстным и блестящим крестоносцем в России с начала 80-х годов. А для этого требовались величайшая проницательность, широкий исторический кругозор и благородное мужество мысли. С этими качествами Плеханов соединял еще блеск изложения и талант шутки. Первый рус-

ский крестоносец марксизма работал мечом на славу. Сколько он нанес ран! Некоторые из них, как раны, нанесенные талантливому эпигону народничества Михайловскому, имели смертельный характер. Для того, чтобы оценить силу плехановской мысли, нужно иметь представление о плотности той атмосферы народнических, суб'ективистских, идеалистических предрассудков, которая царила в радикальных кружках России и русской эмиграции. А эти кружки представляли собой самое революционное, что выдвинула из себя Россия второй половины 19-го века.

Духовное развитие нынешней передовой рабочей молодежи идет (к счастию!) совсем другими путями. Величайший в истории социальный обвал отделяет нас от того времени, когда разыгрывалась дуэль Бельтова-Михайловского [1]). Вот почему форма лучших, т.-е. как раз наиболее ярко-полемических произведений Плеханова, устарела, как устарела форма энгельсовского „Анти-Дюринга". Взгляды Плеханова молодому мыслящему рабочему несравненно понятнее и ближе, чем те взгляды, которые Плеханов разбивает. Поэтому молодому читателю приходится тратить гораздо больше внимания и воображения на то, чтобы мысленно восстановить взгляды народников и суб'ективистов, чем на то, чтобы понять силу и меткость плехановских ударов. Вот почему книги Плеханова не могут получить теперь широкого распространения. Но молодой марксист, который имеет возможность правильно работать над расширением и углублением своего миросозерцания, непременно будет обращаться к первому истоку марксистской мысли в России—к Плеханову. Для этого придется каждый раз ретроспективно вработаться в идейную атмосферу русского радикальства 60—90-х годов. Задача не легкая. Зато и наградой будет расширение теоретических и политических горизонтов и эстетическое наслаждение, какое дает победоносная работа ясной мысли в борьбе с предрассудком, косностью и глупостью.

Несмотря на сильное влияние на него французских мастеров слова, Плеханов остался целиком представителем старой русской школы в публицистике (Белинский, Герцен, Чернышевский). Он любил писать пространно, не стесняясь уклоняться

[1]) Под псевдонимом Бельтова Плеханову удалось в 1895 г. провести через царскую цензуру самый свой победоносный и блестящий памфлет: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю". *Л. Т.*

в сторону и развлечь читателя по пути шуткой, цитатой и еще одной шуткой... Для нашего „советского“ времени, которое режет слишком длинные слова на части и потом прессует их осколки вместе, плехановская манера кажется устарелой. Но она отражает целую эпоху и, в своем роде, останется превосходной. Французская школа наложила на нее свою выгодную печать, в виде точности формулировок и прозрачной ясности изложения.

В качестве оратора Плеханов отличался теми же свойствами, как и писатель, к выгоде и невыгоде своей. Когда вы читаете книги Жореса, даже его исторические труды, вы чувствуете записанную ораторскую речь. У Плеханова—наоборот. В его речах вы слышали говорящего писателя. Ораторское писательство, как и писательское ораторство, могут дать очень высокие образцы. Но все-таки писательство и ораторство—две разные стихии и два разных искусства. Оттого книги Жореса утомляют своей ораторской напряженностью. И по той же причине Плеханов-оратор производил нередко двойственное и потому расхолаживающее впечатление искусного чтеца своей собственной статьи.

Выше всего он был на теоретических диспутах, в которых так неутомимо купались целые поколения русской революционной интеллигенции. Здесь самая материя спора сближает писательство и ораторство. Слабее всего он бывал в речах чисто-политического характера, т.-е. в таких, которые имеют своей задачей связать слушателей единством действенного вывода, слить воедино их волю. Плеханов говорил, как наблюдатель, как критик, как публицист, но не как вождь. Вся его судьба отказала ему в возможности обращаться непосредственно к массе, звать ее на действие, вести ее. Его слабые стороны вытекают из того же источника, что и его главная заслуга.

Мы сказали, что Плеханов почти не оставил таких работ, которые могли бы войти в широкий идейный обиход рабочего класса. Исключение составляет разве только „История русской общественной мысли“, но этот труд в теоретическом отношении далеко не безупречный: соглашательские и патриотические тенденции плехановской политики последнего периода успели, по крайней мере, частично, подкопать даже его теоретические устои. Запутавшись в безысходных противоречиях социал-патриотизма, Плеханов начал искать директив вне тео-

рии классовой борьбы,—то в национальном интересе, то в отвлеченных этических принципах. В последних своих писаниях он делает чудовищные уступки нормативной морали, пытаясь сделать ее критерием политики („оборонительная война—справедливая война"). Во введении к своей „Истории общественной мысли" он ограничивает сферу действия классовой борьбы областью внутренних отношений, заменяя ее для международных отношений национальной солидарностью [1]). Это уже не по Марксу, а по... Зомбарту. Только тот, кто знает, какую непримиримую, блестящую и победоносную борьбу Плеханов вел в течение десятилетий против идеализма вообще, нормативной философии в особенности, против школы Брентано и ее марксисто-подобного фальсификатора Зомбарта,—только тот и может оценить глубину теоретического падения, совершенного Плехановым под тяжестью национально-патриотической идеологии.

Но это падение было подготовлено: несчастье Плеханова шло из того же корня, что и его бессмертная заслуга,—он был предтечей. Он не был вождем действующего пролетариата, а только его теоретическим предвестником. Он полемически отстаивал и методы марксизма, но не имел возможности применять их в действии. Прожив несколько десятков лет в Швейцарии, он оставался русским эмигрантом. Оппортунистический, муниципальный и кантональный швейцарский социализм, с крайне низким теоретическим уровнем, его почти не интересовал. Русской партии не было. Его заменяла для Плеханова „Группа освобождения труда", т.-е. тесный кружок единомышленников (Плеханов, Аксельрод, Засулич и Дейч, находившийся на каторге). Плеханов стремился тем более упрочить теоретические и философские корни своей позиции, чем более ему не хватало политических корней. В качестве наблюдателя европейского рабочего движения, он оставлял сплошь да рядом без внимания крупнейшие политические проявления крохоборства,

---

[1]) „Ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов и их взаимными отношениями, т.-е., во-первых, их взаимной борьбой там, где дело касается внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее дружным сотрудничеством там, где заходит речь о защите страны от внешних нападений" (Г. В. Плеханов, „История Русской Общественной Мысли". Москва 1919 г., стр. 11).

малодушия, соглашательства социалистических партий; но всегда был настороже почасти теоретических ересей социалистической литературы.

Это нарушение равновесия между теорией и практикой, выросшее из всей судьбы Плеханова, оказалось для него роковым. К большим политическим событиям он оказался неподготовленным, несмотря на всю свою большую теоретическую подготовку. Уже революция 1905 года застигла его врасплох. Этот глубокий и блестящий марксист-теоретик ориентировался в событиях революции при помощи эмпирического, по существу обывательского глазомера, чувствовал себя неуверенным, по возможности отмалчивался, уклонялся от определенных ответов, отделываясь алгебраическими формулами или остроумными анекдотами, к которым питал великое пристрастие.

Я впервые увидел Плеханова в конце 1902 г., т.-е. в тот период, когда он заканчивал свою превосходную теоретическую кампанию против народничества и против ревизионизма [1]) и оказался лицом к лицу с политическими вопросами надвигавшейся революции. Другими словами, для Плеханова начиналась эпоха упадка. Только один раз мне довелось видеть и слышать Плеханова, так сказать, во всей силе и во всей славе его: это было в программной комисси II с'езда партии (в июле 1903 г. в Лондоне). Представители группы „Рабочего Дела", Мартынов и Акимов, представители „Бунда", Либер и др., кое-кто из провинциальных делегатов пытались внести поправки в большие неправильные теоретически и мало продуманные, к проекту программы партии, выработанному, главным образом, Плехановым. В комиссионных прениях Плеханов был неподражаем и... беспощаден. По каждому поднимавшемуся вопросику он безо всякого усилия мобилизовал свою выдающуюся эрудицию и заставлял слушателей и самих оппонентов убеждаться в том, что вопрос только начинается там, где авторы поправки думали закончить его. С ясной научно отшлифованной концепцией программы в голове, уверенный в себе, в своих знаниях, в своей силе, с веселым ироническим огоньком в глазах, с колючими и тоже веселыми усами, с чуть-чуть театральными, но живыми и выразительными жестами, Плеханов, сидевший председателем, освещал собою всю многочисленную секцию, как

[1]) Ревизионизм—эклектическая теория, основанная на пересмотре (ревизии) марксизма в опортунистическом духе.

живой фейерверк учености и остроумия. Отблеск его вспыхивал обожанием на всех лицах и даже на лицах оппонентов, где восторг боролся с смущением.

При обсуждении тактических и организационных вопросов на том же с'езде Плеханов был несравненно слабее, иногда казался прямо-таки беспомощным, вызывая недоумение тех самых делегатов, которые любовались им в программной секции.

Еще на Парижском Международном Конгрессе 1889 г. Плеханов заявил, что революционное движение в России победит, как рабочее движение, или не победит вовсе. Это означало, что революционной буржуазной демократии, способной победить, в России нет и не будет. Но отсюда вытекал вывод, что победоносная революция, осуществленная пролетариатом, не может закончиться иначе, как переходом власти в руки пролетариата. От этого вывода Плеханов, однако, в ужасе отпрянул. Тем самым он политически отказался от своих старых теоретических предпосылок. Новых он не создал. Отсюда его политическая беспомощность, его шатания, завершившиеся его тяжким патриотическим грехопадением.

В эпоху войны, как и в эпоху революции, для верных учеников Плеханова не оставалось ничего иного, как вести против него непримиримую борьбу.

* * *

Сторонники и почитатели, нередко неожиданные и без исключения малоценные, Плеханова эпохи упадка, после смерти его собрали все наиболее ошибочное, что им было сказано, в отдельном издании. Этим они только помогли отделить мнимого Плеханова от действительного. Большой Плеханов, настоящий, целиком и безраздельно принадлежит нам. Наша обязанность восстановить для молодого поколения духовную фигуру его во весь рост. Настоящие беглые строки не являются, разумеется, даже подходом к этой задаче. А ее надо разрешить, и она очень благодарна. Пора, пора написать о Плеханове хорошую книгу.

25 апреля 1922 г.

НАДО ЗНАТЬ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Поднимается и отчасти уже поднялось целое политическое поколение, которое ведет свое летосчисление с Октябрьской революции или с создания III Интернационала. Для этого поколения, особенно в России, II Интернационал представляется довольно смутным политическим явлением. Революционная молодежь видала меньшевиков и эс-эров, как классовых врагов, всегда по ту сторону баррикады, траншеи или проволочного заграждения. Она не пережила непосредственно истории недавнего прошлого не только до империалистической войны, но и во время самой войны, когда в недрах II Интернационала, так постыдно и бесчестно склонившегося перед империализмом, начался процесс внутреннего возмущения, приведший затем к открытому расколу и к созданию Коммунистического Интернационала.

Поднимается, наконец, еще более молодое поколение, которое не имеет даже сознательного опыта нашей гражданской войны,—оно не наблюдало в ней своими глазами роли меньшевиков и социалистов-революционеров. Не даром меньшевики рассчитывают на эту политическую целину и пытаются возродиться к новой жизни под видом организаций молодежи. Они считают, что события поставили на прошлом большой крест, и хотят открыть себе у молодого поколения новый текущий счет.

Несомненно, что лозунг единого рабочего фронта оказывает им в этом отношении некоторое содействие. Если возможен общий фронт с Шейдеманом и Вандервельде, то почему не с Мартовым и не с Черновым? И в каком смысле возможен общий фронт с Шейдеманом? И что такое Шейдеман? И что такое Вандервельде?

Молодые коммунисты, которые впервые столкнулись с II Интернационалом, в лице эс-эра Керенского и меньшевика Церетелли, когда те разоружали петербургский пролетариат и ввергали тысячи рабочих в тюрьму, как немецких шпионов, или позже, когда те же меньшевики и эс-эры, в качестве организаторов, заговорщиков, террористов, агитаторов, администра-

торов и министров Нуланса, Колчака, Деникина, Юденича, Миллера, убивали русских рабочих и крестьян под знаменем Антанты,—эти коммунисты знают о меньшевиках и эс-эрах нечто очень важное, даже основное, но не все. Ибо вожди международной социал-демократии, включая наших эс-эров и меньшевиков всего лишь за полтора года до мировой войны клялись на Базельском международном конгрессе ответить на империалистическую войну пролетарской революцией. Мелкобуржуазный опортунист способен к бесчисленным перевоплощениям: он нередко играет красками крайней революционности, но при решительном историческом испытании всегда ползает на брюхе.

Передовым представителям молодого поколения нужно знать вчерашний день, нужно как можно конкретнее, в живых политических образах, в человеческих фигурах, усвоить себе, по крайней мере, непосредственно-подготовительный период перед октябрьской революцией и возникновением III Интернационала. История этой эпохи—мы имеем в виду историю рабочего класса и его политических группировок—еще не написана и будет написана не скоро. Приходится изучать вчерашний день по сырым материалам: воспоминаниям, документам, статьям, речам. Понимание этих осколков прошлого облегчатся, однако, тем, что сегодняшний день слишком непосредственно вытекает из вчерашнего.

Настоящая книга [1]) окажет, может быть, некоторое содействие—сознаю заранее, что ограниченное—этой стоящей перед нашей молодежью задаче изучения вчерашнего дня. Автор этой книги имел во время войны преимущество—весьма условное преимущество эмигранта—в качестве наблюдателя и отчасти участника присматриваться к внутренней жизни нескольких европейских и северо-американской сопиалистических партий. Здесь собраны работы, выросшие из этого участия и связанные с центральной темой: война и интернационал.

Мысль об этой книге возникла еще в начале 1919 года. Тогда же я написал к ней об'яснительное введение. Но собрать необходимые статьи и материалы не удавалось до настоящего дня. Введение, написанное в марте 1919 года, значительно пополнено.

24 апреля 1922 г.

---

[1]) „Война и революция", т. I, в качестве предисловия к которой написана настоящая статья.

СТАТЬ МАСТЕРАМИ СВОЕГО ДЕЛА!

...Старательный, дельный токарь, или слесарь, или литейщик, внимательный к своему делу, не энтузиаст, в политике скорее пассивный, но вдумчивый, критически настроенный, иногда несколько скептичный, но всегда верный своему классу—таков пролетарий высокой пробы. На этот тип партия должна брать курс в нынешнюю эпоху своей работы. Степень завоевания нами этого слоя—на деле, в хозяйстве, в производстве, в технике—будет вернейшим политическим показателем наших успехов на почве культурничества, понимаемого в широком, ленинском, смысле слова.

Ориентировка на хорошего рабочего никак, разумеется, не противоречит другой первостепенной задаче партии охватить молодое поколение пролетариата. Ибо молодое поколение поднимается в условиях определенного периода, формируется крепнет и закаляется на почве разрешения определенных задач. Молодое поколение должно быть прежде всего — поколением хороших, высоко квалифицированных и любящих свое дело рабочих. Оно должно вырастать в сознании того, что его производственная работа есть в то же время социалистическое служение. Внимание к собственной профессиональной выучке, стремление стать мастером своего дела естественно будет высоко ставить в глазах молодежи авторитет хороших рабочих из „стариков", которые, как уже сказано в большинстве своем остаются ныне вне партии. Ориентировка на хорошего добросовестного, умелого рабочего становится, следовательно, в то же время директивой воспитания пролетарского молодняка. Без этого невозможно было бы движение вперед, к социализму.

Из статьи „Не о единой политике жив человек".
Июль 1922.

МОЛОДЫЕ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ ЛУЧШЕ СТАРИКОВ

Журнал „Молодая Гвардия“ [1]) занимает исключительное по своей важности место: он встречает у порога пробужденного к сознательной жизни представителя молодого поколения и вводит его в царство коммунистической мысли. В царство это приходится подниматься по ступенькам,—и отсюда вытекает главная трудность в ведении журнала. Нельзя замыкаться в тесном кругу наиболее развитых представителей молодежи,— это привело бы к недопустимому умственному аристократизму,— но нельзя и, гоняясь за популярностью, обходить сложные вопросы коммунистического миропонимания. Разрешение противоречия состоит, как мне кажется, в том, чтобы охватывать всю лестницу восхождения, т.-е. считаться с молодыми читателями разных уровней развития. Не принижать вопросы до ступени отсталого, а соответственным подбором и группировкой статей помогать отсталому подниматься со ступени на ступень. Насколько я понимаю, таков именно метод работы „Молодой Гвардии“.

Позвольте несколько подробнее остановиться на чисто литературной стороне дела—на форме. Я говорю не о беллетристическом отделе журнала, а о каждой его странице, начиная с оглавления. На вопросы литературной формы мы в прошлом не приучались обращать внимание — не до того было. Статьи писались почти всегда наспех, неряшливо, нередко на колене. Поскольку эта неряшливость отражала бешеную горячку тех дней и годов, она сама становилась литературной формой, выражая душу своей эпохи. Но поскольку неряшливость входит в привычку и грозит стать школой писательства, ей надо об‘явить истребительную войну. Писательство есть искусство, в котором можно достигнуть разных высот, но которое требует величайшего внимания, кропотливого труда и высшей добросовестности к слову.

---

[1]) Статья представляет собой приветственное письмо Центральному Комитету Р. К. С. М. по поводу годовщины названного журнала.

Разумеется, неоспоримым культурным завоеванием является каждый такой факт, когда полуграмотный вчера пролетарий становится сегодня рабочим корреспондентом. Но это вовсе не значит, будто задачи писательства ограничиваются с нашей точки зрения кое-каким, хотя бы приблизительным выражением мысли. Нет, техника писательства есть самостоятельная область, значительная и ответственная. В соответствии с духом всей новой культуры, современное писательство имеет тенденцию к точности и простоте. Но эти качества, точность и простота, не даются от рождения, в том числе и от классового пролетарского рождения, а берутся с бою постоянной критической и самокритической работой над собственным идейно-словесным материалом. Простота и точность могут пролагать себе дорогу разными путями, в зависимости от вопроса и от индивидуальности автора. Они ни в каком случае не исключают образности и живописности речи. В тех случаях, где образ вытекает из внутреннего развития мысли и лучше всего смыкает два ее еще разобщенных звена, там образ сам становится орудием простоты.

Слов, более или менее близких и сродных, много в словаре, но из них только одно выражает тот оттенок, который в каждом данном случае нужен. Первая и самая важная задача писательской техники состоит в том, чтобы найти это слово: такое, которое не допускает замены. Развить тему в статье вовсе не значит зашвырять читателя дюжиной или сотней фраз, приблизительно выражающих разные стороны вопроса. Когда мысль, не выпихиваемая автором неряшливо, как это нередко бывает, а развертывающаяся „из себя", добросовестно ищет для себя точного выражения, тогда фраза органически вырастает из фразы, повинуясь динамике мысли. Тем самым фраза перестает быть „фразой", т.-е. бюрократически обезличенным или мещански-расцвеченным выражением мысли или... ее отсутствия. Писательство есть искусство, дорогие друзья. Не перенимать, не увековечивать обездушенную от времени неряшливость призвано молодое поколение писателей, а изучать и повышать мастерство писательства. Молодые должны писать лучше стариков. Научиться и научить этому—тоже немаловажная задача „Молодой Гвардии".

Желаю вам всякого успеха.

Ваш Л. Троцкий.

1 июня 1923 г.

НЕ РАЗБРАСЫВАТЬСЯ!

Дорогие товарищи!

Вы жалуетесь на то, что не успеваете прочитать и одной десятой части интересующих вас книг, и спрашиваете, как рационально распределить свое время *). Это очень трудный вопрос, так как он допускает только индивидуальное решение, применительное к особенностям каждого. Нужно, однако, сказать, что большая или меньшая возможность следить за текущей научной, политической и иной литературой зависит не только от правильного распределения времени, но и от накопленной ранее подготовки.

Поскольку вы упоминаете о „партийном молодняке", я могу лишь посоветовать ему не спешить, не разбрасываться, не перескакивать с одного вопроса на другой и не переходить к следующей книге, пока данная книга не прочитана, не продумана и не усвоена, как следует быть. Помню, что в тот период, когда я сам принадлежал к молодняку, у меня всегда было такое чувство, что времени не хватает. Даже в тюрьме, где ничем другим, кроме чтения, я не занимался, казалось, что ничего не успеваешь за день сделать. В области идейной, как и в хозяйственной, период первоначального накопления— самый трудный и беспокойный период. И лишь после того, как некоторые основные элементы знания и особенно элементы теоретического умения (метода) усваиваются точно и, так сказать, входят в плоть и кровь умственной деятельности,

*) Письмо представляет собой ответ на просьбу группы киевских рабочих, направленную тов. Л. Троцкому,—„дать короткий ответ, как рационально использовывать время", чтоб иметь „возможность углубить марксистские знания".

становится легче следить за литературой не только близко знакомой тебе области, но и соседних и даже более отдаленных областей знания, ибо метод, в конце-концов, однороден.

Лучше прочесть одну книгу, но как следует; лучше усвоить немного, да твердо. Только таким путем будет естественно расширяться способность умственного охвата. Мысль постепенно получит уверенность в себе и станет более продуктивной. При этих предпосылках нетрудно уже достигнуть рационального распределения времени, при котором (распределении) переход от одного занятия к другому ощущается до известной степени, как отдых.

С товарищеским приветом Л. Троцкий.

„Правда“ № 118.
29 мая 1923 г.

III. ВООРУЖЕННЫЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ

АРМИЯ—ШКОЛА

1.

Та Красная Армия, которая вела гражданскую войну в течение трех с лишним лет, непосредственно выросла из октябрьского переворота. Она явилась его прямым продолжением. Те самые рабочие Петрограда и Москвы, которые низвергли буржуазный режим, уходили потом красными отрядами по всей стране и строили позже регулярные полки, включая в них мобилизованных.

Нынешняя Красная Армия состоит из трех младших возрастов. Это преимущественно молодые крестьяне. Общий политический уровень страны, правда, чрезвычайно вырос за эти годы. Тем не менее политические сведения молодого крестьянского поколения, поднявшегося уже после Октябрьской Революции и не проходившего через школу гражданской войны, имеют очень поверхностный и бесформенный характер, как все, полученное из вторых рук и не проверенное собственным опытом.

Старший и средний командный и комиссарский состав армии в большинстве своем вырос из опыта гражданской войны. Его задача состоит, следовательно, в том, чтобы передать этот опыт молодому красноармейскому составу. Но для этого нужно, чтобы руководящие элементы армии, представители старшего поколения, нашли общий язык с красноармейской молодежью. На эту задачу совещание военных делегатов [1]) обратило особое внимание.

Каждый из революционных рабочих старшего поколения учился в свое время политической азбуке и складам на поли-

[1]) X С'езда Советов.

тических фактах эпохи царизма. Шла ли речь о стачке или о новом царском законе, передовые рабочие раз'ясняли более отсталым на этих живых примерах характер царизма, противоречие интересов пролетариата и буржуазии и пр. Так, шаг за шагом, в головах старшего поколения революционных рабочих накопились известные познания: факты, их политическое освещение, их социальное истолкование. В эти рамки укладывался затем каждый новый факт и находил в них свое место. Чем дольше живет человек сознательной политической жизнью, тем обширнее его политический опыт, тем больше у него примеров прошлого, тем легче он схватывает смысл новых фактов и отводит им надлежащее место. Несомненно, что старшее поколение членов нашей партии имеет очень большой политический опыт и быстро ориентируется, понимает друг друга с полуслова.

Но именно потому наша агитация, ведущаяся на привычном языке, слишком часто оказывается неподходящей для новых поколений, лишенных не только нашего, но и какого бы то ни было политического опыта. Этому молодому поколению нужно заново накоплять свой опыт, учиться понимать простейшие общественные и политические факты и устанавливать их на надлежащее место. „Азбука Коммунизма"—необходимейшее и полезнейшее пособие. Но думать, что можно молодого крестьянина сделать коммунистом, прочитавши с ним в течение месяца—двух „Азбуку Коммунизма", в корне ошибочно. „Азбука Коммунизма" может только обобщить уже имеющийся опыт жизни и борьбы.

Основным фактом для красноармейца является то, что он красноармеец, т.-е. что он мобилизован и включен в армию. Почему? Это он должен осмыслить. Голое противопоставление рабоче-крестьянской России и „мирового империализма" для политически более опытных заключает в себе богатое содержание. Но для молодого красноармейца, который еле знает названия чужих стран, такого рода противопоставление—пустой звук. Нужно дать нашей военной молодежи элементарные факты и живые образы, как материал для обобщений.

Сейчас мы вынуждены воевать вдоль финно-карельской границы. Вот этот факт и нужно сделать центром политической воспитательной работы в армии в ближайший период.

Что такое Финляндия? Ее население? Кто в ней правит? Тут надо рассказать и о попытке финляндских рабочих взять

в руки власть и о том, как с ними беспощадно расправилась буржуазия. Почему мы признали независимость Финляндии? Непременно надо Карелию, Финляндию и Петроград показать на карте. Всякое новое сообщение о карельских событиях должно давать материал для повторения и для конкретизации этих сведений. Так, изо дня в день карельские события превращаются для красноармейца во внутреннее переживание, становятся важной частью приобретенного им политического опыта. Для него это уже не просто страничка из „Азбуки Коммунизма", которую можно прочитать и забыть, а живой факт, влияющий на его собственную судьбу и понятый им именно в этой связи.

Такая же работа должна быть проделана в отношении всех наших соседей. Каждый красноармеец должен знать, кто нас окружает. Таким путем красноармеец придет постепенно к пониманию того, что значит мировой империализм, что для нас означает внешняя опасность и для чего нужна Красная Армия.

Особенно важно, чтобы пропагандист не просто „поучал" красноармейца, пользуясь для этого подходящим материалом, хотя бы и в роде карельских событий; нет, надо, чтобы он осведомлял его, как вооруженного гражданина Советской Республики, об опасности. Нужно, чтобы он об'яснял ему ту фактическую обстановку, которая сложилась сегодня.

Нужно под этим углом зрения следить за событиями изо дня в день или, по крайней мере, из недели в неделю. Там, где факты повторяются, и мы будем повторяться. Где происходит изменение, мы его раз'ясним.

Разумеется, и допустима, и полезна всякая другая чисто-пропагандистская теоретическая воспитательная работа. Но первое и главное: помни, что красноармеец—это вооруженный гражданин, и что нить развития нашей страны, ее внутренних и внешних судеб ни в каком случае не должна ускользать от него, и прежде всего, как солдат, он должен знать, какая опасность угрожает революции сегодня.

... Армия наша сразу стала моложе. Опыт и традиции ее хранятся у командного и комиссарского состава. Коммунистическая партия в армии очистилась и тем самым стала малочисленнее. Беспартийная, по преимуществу крестьянская, молодежь составляет главную массу армии. Тем более важным является установление правильного взаимоотношения между руководящим

командным и комиссарским аппаратом и коммунистическими ячейками, с одной стороны, и беспартийной армейской молодежью—с другой. Нужно подойти к этой молодежи ближе. Нужно научиться говорить на ее языке. Нужно помочь ей понять, что такое Красная Армия и зачем она. Нужно научить ее любить Советскую Россию и ненавидеть ее врагов. Нужно научить ее владеть оружием, чтобы сражаться за Советскую Россию.

„Правда", „Совещание военных делегатов".

4 января 1922 г.

2.

... У меня есть очень интересный доклад партийной комиссии 4-й дивизии—Киевской. Я получил этот доклад только вчера и с жадностью прочитал его, как и все документы, где есть цифры, факты, характеризующие внутреннюю жизнь армии и страны. Здесь содержатся жалобы на часть нашей молодежи и подчеркнуто, что чистка коммунистических элементов в армии вместе с генеральной партийной чисткой не прекращена. Она теперь получает только более планомерный, более органический характер. Прочту дословно: „Пришлось, главным образом, исключать тех из молодых коммунистов рождения 1899—1901 г.г., которые во время мобилизации их в Красную Армию и прибытия в нашу дивизию проявили все отрицательные качества шкурников и дезертиров", и далее: „опыт, накопленный дивизионной партийной комиссией за первую четверть года ее работы, говорит за то, что период чистки далеко еще не закончен. Теперь, даже в большей степени, чем во время чистки (особенно в армии), продолжается перегруппировка сил, при чем из авангарда прогоняются самые трусливые и ненадежные, а к нему тянутся из резерва наиболее сознательные, революционные и преданные пролетарской революции элементы". Это правильно.

В связи с этим встает вопрос о том, как воспитывать в армии молодежь рабочую и крестьянскую? И здесь я констатирую все большее и большее количество голосов с мест, которые требуют гораздо более конкретной постановки дела воспитания молодых не только коммунистических, но и красноармейских элементов вообще.

Нет никакого сомнения, что в первый период мы во всех областях обучения, воспитания, педагогики военной и не-военной исходили из очень широкой, из слишком широкой и сейчас неосуществимой задачи универсального, всеохватывающего воспитания. Это нам, к сожалению, пока еще не по плечу. Если вы возьмете под этим углом зрения наш ПУР, то программы его окажутся слишком универсальны по размерам и потому на практике сводятся к повторению общих мест, которые ни уму, ни сердцу рабочего и крестьянина, взятого из деревни и поставленного в ряды и шеренги армии, ничего не говорят.

Надо в казарме исходить из того, что крестьянин стал солдатом. Зачем? Почему? Это — основной факт, это — новая эпоха в его жизни, и с этого надо начать, а не с того, чтобы стремиться 19 — 20-летнего крестьянина превратить в идеального коммуниста по отвлеченной идеальной программе. Этого не выйдет, а надо деревенскому молодому парню, которого рабочее государство взяло из деревни и поставило в полк, и который хочет, прежде всего, понять, почему и зачем это сделано, — об'яснить конкретно, просто, политически, а не „педагогически". Совершенно правильно в очень интересной книжке, которую написал тов. Перепечко, комиссар 27 дивизии, говорится, что нам отнюдь не нужно увлекаться универсальной коммунистической педагогикой и пытаться сразу молодого красноармейца превратить в коммуниста. Перепечко жалуется на то, что эта универсальность превращается сплошь и рядом в отвлеченную болтовню.

В то же время он поднимает другой вопрос, о роли административного и воспитательного воздействия на нашего молодого красноармейца. В настоящее время мы переживаем в полном смысле новую эпоху в жизни нашей Красной Армии. Раньше была эпоха боев, когда мы брали красноармейца прямо из деревни, вооружали его, иногда у входа в вагон, а иногда вооружение ехало отдельно от него, и мы вооружали его уже по высадке; две-три недели, а то и неделю, он проводил в запасной части; потом, поскольку неподготовленным его приходилось бросать в огонь, на него набрасывали железную сетку дисциплины, в виде комиссаров, трибунала, заградительных отрядов и прочего. Мы, правда, проводили агитационные кампании, когда могли, — но наспех, под огнем, под давлением в сто атмосфер.

Сейчас мы живем в оседлых квартирах, и это обстоятельство делает возможным и предполагает другой подход к красноармейцу. Прав тов. Перепечко, когда указывает, что крестьянские предрассудки красноармейца можно чисто административными мерами загнать внутрь, но гораздо труднее приблизить его на шаг к коммунизму путем воспитательной работы. Это трудно в силу старых навыков и особенно трудно это в силу бедности армии коммунистическими силами. Если я — один комиссар в полку, без необходимых помощников внизу, то я, будучи абсолютно лишен возможности знать всех своих солдат, вынужден издавать приказы суммарные, слишком общие, а это неизбежно влечет за собою бюрократизм. Ибо бюрократизм — это не деловой, не конкретный подход, а формальный; не по существу, а по циркуляру, по бумажке. Комиссар имеет тем меньше возможности проявлять деловое внимание, чем меньше зрелых коммунистов находится в его части. А отсюда мы приходим к тому выводу, что без хорошего отделенного командира, который был бы учителем и одновременно и командиром и воспитателем, мы красноармейца на новую, более высокую ступень его боевых и политических качеств не подвинем.

Из доклада на XI С'езде Р. К. П.
29 марта 1921 г.

КРЕСТЬЯНСКИЙ МОЛОДНЯК ПОД РУЖЬЕМ

... В труднейшей международной обстановке, среди величайших опасностей мы сократили нашу армию. Вместе с тем армия наша стала значительно моложе. Мы тринадцать возрастов отпустили. Это те, которые прошли империалистическую и гражданскую войну. Теперь мы приближаемся к тому, чтобы армия осталась из двух возрастов, самых молодых. Здесь находятся представители этого прекрасного возраста. Но это — молодой возраст, и у него мало опыта. Если мы на глаз подсчитаем, сколько из них участвовало в гражданской войне, то таких окажется около десяти процентов. Молодость есть прекрасное данное к героическому напряжению армии. Но у нее нет опытности, и эту опытность надо наживать в кратчайший срок.

Это относится и к командному составу. Командный состав нашей Красной Армии стал гораздо моложе, чем был, особенно если взять снизу, с отделенного командира; ведь это тоже 19—20-летний красноармеец. А между тем, для того, чтобы при сокращенной армии мы могли удержаться, мы должны, очевидно, иметь высококвалифицированную армию, армию кадрового типа. Если дело дойдет до новой борьбы, то борьба будет посерьезнее, чем до сих пор. И если это произойдет, мы обратимся к мобилизации больших масс, мобилизуя опять миллионы.

Надо готовиться поднять уровень армии идейный, политический и военный. Состав армии—молодой и с этой стороны благоприятный, он хочет учиться и может учиться. Но его еще надо научить. В этом большая трудность.

Нам нужно готовиться в смысле военного обучения и политического воспитания. В связи с политическим воспитанием молодого красноармейца я выделю основной вопрос — вопрос о крестьянской молодежи в армии. Наше крестьянство было в течение веков пушечным мясом войны. Пока война не потребовала более интеллигентного солдата, наша армия делала чудеса в руках таких командиров, как Суворов. Она делалась все более слабой, поскольку требовались индивидуальность и инициатива отдельного бойца. Наше крестьянство давать такого индивидуального бойца не могло. Рабочий гораздо более способен к абстракции, более способен сказать: „Я понимаю, что буржуазная Европа есть для меня опасность, я готовлюсь к борьбе". Не таков крестьянин. Уже после того, как события поведут его, он способен проявить большую цепкость и мужество, но надо, чтобы события предварительно сдвинули его с места. С этим красному командиру приходится считаться, особенно в нашей армии, которая должна быть основана на сознательности. Агитация среди крестьянской молодежи в армии должна иметь практическую, так сказать, „земельную" точку отправления. Вот почему наша ориентация оборонительная, вот почему наша политика оборонительная.

Величайшие уступки, вплоть до признания царских долгов, имеют два значения: во-первых—попытку откупиться, а во-вторых—это педагогическая мера по отношению к несознательному крестьянству. Крестьянин не хочет воевать. Если передовой рабочий говорит: „Я готов умереть за Венгерскую Республику, за Польскую Республику, за Германскую Республику"— крестьянин этого не скажет. Пензенский крестьянин умереть за польскую революцию и саратовский крестьянин за германскую революцию не хочет. Но если злая воля наших врагов заставит нас воевать с белой Польшей, белой Румынией и т. д., то нужно, чтобы пензенские и саратовские крестьяне поняли, что выхода нет. Фердинанд Лассаль сказал, что каждое революционное движение начинается с того, что надо сказать, что есть.

Вот надо сказать крестьянину саратовскому, пензенскому, что есть: „видишь, признаем царские долги, величайшие уступки делаем, чтобы не заставить тебя воевать,—вот на что идем!"

Конечно, „патриотические“ ворчуны будут. Но пусть один из них перед ротой, перед полком скажет: а чего он хочет? Чтоб мы воевали из-за царских долгов? И ворчун замолчит, потому что ни одна рота, где девяносто процентов беспартийных крестьян, воевать не хочет. А если после всех этих уступок на нас нападут, тогда и саратовский и пензенский крестьянин будут драться. Если понадобится умереть десяткам, сотням тысяч, они пойдут, если будут понимать смысл рабоче-крестьянской власти, независимости страны, неприкосновенности советской территории, всего, чему угрожает смертельная опасность. А это они поймут, если мы сумеем разяснить смысл нашей каждой уступки. Вот это есть задача политического воспитания армии. Надо об'яснить пензенскому мужику международную обстановку, в которую он поставлен. А курсант—это тот же крестьянин, саратовский или пензенский, и он должен понять и об'яснить то, что понял, всей армии.

Из речи на конференции ВУЗ
18—20 декабря 1922 г.

„Правда“ № 286—287.

В ПОХОД ЗА НАУКОЙ ВОЙНЫ

Во второе пятилетие[1]) мы входим с большим багажом опыта. Каковы важнейшие его выводы? В чем была наша сила и, главное, в чем слабость? Ибо без познания собственной слабости нет движения вперед.

Мы побеждали безграничным самоотвержением революционного авангарда и неисчислимостью крестьянских резервов. Оба эти основные наши преимущества сохраняются и впредь. Крестьянские резервы чем дальше, тем больше будут подтягиваться к рабочему авангарду, политический уровень которого будет, как мы надеемся, неизменно повышаться. Но обе эти предпосылки наших побед имеют, как совершенно очевидно, не военный характер: они коренятся в социальной природе советской власти, в классовых качествах пролетариата. Красная Армия истекшего пятилетия была черновой попыткой использовать эти наши величайшие преимущества для военных целей. Результат налицо: мы отстояли себя. Но какой ценой? Ценою величайших жертв. Военное же искусство, как и всякое иное, состоит в том, чтобы достигать результат ценою минимальных усилий, или „малой кровью", как говорил Суворов.

Без энтузиазма и самоотвержения—нет борьбы и нет победы. Но армия начинается там, где есть правильная организация этих качеств, их умелое использование. Все прорехи наши в области организации обучения, снабжения—мы заполняли численностью резервов или беззаветным геройством передовиков. И численность и геройство понадобятся и впредь. Но нужно снабдить их и выучкой и техникой. Это есть два главных канала, по которым направятся наши усилия во

[1]) Существования Красной Армии.

второе пятилетие: личная и коллективная воинская выучка и военная техника. Мы сократили армию до 600.000 человек: по размерам страны, по численности населения, по протяженности границ и по числу возможных недругов,—это в сущности кадры, а не армия. Но отсюда и вытекает задача довести эту армию в смысле обучения и воспитания до кадрового состояния. Обеспечить ей отличного отделенного командира, затем во всех отношениях подготовленного начальника звена, с тем, чтобы постепенно всю массу бойцов поднять примерно до уровня выучки прежнего унтер-офицера (разумеется, применительно к новым условиям и новому строению вооруженных сил)—это вовсе не утопическая мысль. Молодежь—не только рабочая, но и крестьянская—является в армию с пробужденной восприимчивостью. Старые военные с удивлением наблюдают, как быстро нынешний красноармейский молодняк научается грамоте по сравнению с новобранцами царской армии. Пробуждение жажды к выучке, возросшая психическая подвижность народных масс и есть, пока что, главнейшее завоевание революции. На этом завоевании будем далее строить во всех областях. Правильно поставленная система допризывной подготовки, в связи с разумно построенной системой обучения и воспитания самой армии должны уже в ближайшие годы обеспечить нам резкое повышение квалификации всей армии, а тем самым и ее способность в минуты необходимости вобрать в себя миллионы мобилизованных.

Из статьи „Перед вторым пятилетием". „Правда" № 34.
15 февраля 1923 г.

ОТРАДНЫЙ СИМПТОМ

Стремление учиться растет. Это самый отрадный симптом. Молодежь хочет учиться. Когда иные рабфаковцы упираются от мобилизации, это вовсе не всегда потому, что они не хотят итти в армию, а часто потому, что они уж зубами в'елись в научную работу. Я наблюдал это и на частных примерах, и по всем данным—молодежь хочет сейчас учиться. Это очень важный симптом.

Если мы опять таки вернемся к тому, сколько лишних сил мы истратили на борьбу, сколько во всех областях наделали ошибок вследствие своей неподготовленности, то будет ясно, что это стремление учиться и есть реакция у молодежи на проделанный за последние годы опыт. Есть стремление подняться вверх во что бы то ни стало. На этом можно строить все: и хозяйство, и армию.

Армия сейчас находится даже в привиллегированном положении: она не действует, она именно учится; а в хозяйстве приходится перестраиваться на поле борьбы, на поле действия.

Еще полгода назад это стремление учиться было не так заметно. В армии, наоборот, было еще живо презрительное поплевывание по поводу буржуазной военной науки. Не так давно у меня была большая дискуссия в нашей военной академии с генштабистами, молодыми курсантами академии генштаба, при чем, когда я высказывал довольно азбучные, но очень важные истины: „ученье—свет, а неученье—тьма", „семь раз отмерь, а один—отрежь", „недостаточно иметь широкий замысел, а нужно иметь правильные методы его выполнения, вплоть до хорошо, ясно, отчетливо написанного приказа, где часы и пункты не перевраны, иметь связь в трудных условиях", и т. д., и т. д.

и указывал на то, что главная наша задача—учиться и учиться точности и добросовестности и в мелочах, то там, при сочувствии значительной части аудитории, выступил товарищ, который обвинял меня ни больше, ни меньше, как в том, что я, вообще говоря, оцениваю компетентность выше надежности. В качестве, мол, коммунистов мы имеем важное качество—надежность. Это—главное качество командира, а компетентность—это качество второго ранга; Троцкий же ставит компетентность выше надежности. Эта постановка вопросов в высшей степени нелепа, тем более, что разговор велся в учебном заведении, которое и создано для того, чтобы эту компетентность воспитывать. Но такое настроение еще полгода назад встречало известное сочувствие даже в академии генерального штаба.

Пойдите туда сегодня, там работают хорошо (но—увы!—не всегда хорошо ужинают, что затрудняет работу), и мы стараемся создать условия, чтобы товарищи могли работать, потому что они должны стать цветом нашей армии. Повторяю: они работают. Теперь все меньше остается поплевывания на буржуазную науку или на буржуазную стратегию, ибо „мы, дескать, выдумали уже собственную новую стратегию". Эти разговоры еще недавно были очень сильны. Они были некритической идеализацией нашего прошлого. Конечно, никто из нас в этом зале не собирается отказываться от нашей славной прошлой борьбы на фронтах гражданской войны, от заслуг Красной Армии, от героизма коммунистов, рабочих и крестьян, там проявленного. Но я считаю долгом сказать, что идеализация этого прошлого в целом была бы величайшей ошибкой с нашей стороны. Мы были очень неуклюжи, невежественны в военном деле и расходовали огромное количество сил именно потому, что были неуклюжи и невежественны. Когда говорят, что мы создали новую пролетарскую стратегию, я отвечу: нет, это еще неправда, пока мы новой стратегии не создали. То, что мы показали в боях, это—величайший энтузиазм, самоотвержение рабочего класса, который научил крестьянина создавать централизованную армию, ибо крестьянин сам дальше партизанства не шел, когда он пытался проявлять самостоятельность; крестьянина или брали под седло дворяне и помещики, либо же им руководил передовой рабочий, как старший товарищ. Это мы показали, и это исторический фатк огром-

ного значения. Если мы, однако, посмотрим на всю историю наших боев на всех фронтах, то мы увидим великие порывы, под'емы героизма, но и величайшие отступления, отскоки на сотни верст, которые—о чем свидетельствуют? О том, что в этом потоке, в этих порывах нет необходимых сдерживающих центров, нет достаточно твердых устойчивых кадров, нет необходимой военной культуры. Мы не собираемся отказываться от пролетарского самоотвержения, от драгоценнейших качеств, которые были проявлены в революции, особенно в гражданской войне, передовыми рабочими и крестьянами, но нам необходимо это дополнить развитием задерживающих центров, т.-е. лучшей ориентировкой, лучшей охраной, лучшей связью, уменьем, когда нужно, и отступать, и наступать. Нужно создать условия, когда армия при всякой обстановке собою располагает, владеет, ориентируется, действует, зная, почему это делается. Только квалификацией армии в целом, особенно ее командного состава, начиная с низов, то-есть с создания хорошего отделенного командира, мы действительно шаг вперед сделаем. А желание учиться—одна из основных предпосылок для этого шага—налицо.

Из речи на XI с'езде Р. К. П
27 марта 1922 г.

МОЛОДЫЕ КОММУНИСТЫ—В АРМИЮ!

1.

...Сообщение о постановлении пленума Центрального Комитета партии относительно поголовной мобилизации всех пригодных к военной службе коммунистов, родившихся в 1899, 1900 и 1901 г.г., было встречено дружными аплодисментами *). Армия ныне состоит из этих трех возрастов. Для коммунистов не может быть никаких из'ятий. Они должны быть в составе армии вместе со своими сверстниками. Этого достигнуть тем легче, что среди молодых товарищей 22, 21 и 20 лет вряд ли можно найти „незаменимых" работников. Что же касается коммунистов, обучающихся в партийных школах, то они, пройдя соответственные специальные комиссии, должны быть в случае своей пригодности включены в воинские части и затем временно откомандированы для окончания курса, после чего вступают красноармейцами в свои части. Никаких из'ятий! Коммунисты—в армию! Таков единодушный голос ответственных армейских работников. Таково решение Центрального Комитета партии.

Из статьи „Совещание Военных работников".
„Правда" 4 января 1922 г.

2.

...В нашей Красной Армии, примерно, 80 тысяч коммунистов. Число их сейчас увеличилось и увеличивается, в связи со влитием молодежи 1899, 1900 и 1901 г.г.

*) На совещании военных работников X с'езда Советов.

По поводу этой молодежи нам, как военному ведомству, приходится воевать с другими ведомствами, учреждениями и т. д., ибо всякий хочет иметь коммунистическую молодежь, и это вполне естественно. Я, однако, твердо думаю, что при мобилизации коммунистической молодежи по возрастам, уже мобилизованным в общем порядке, из'ятия, отсрочки и прочее нужно свести к минимальнейшему минимуму как в интересах армии, так и в интересах воспитания и закала самой коммунистической молодежи.

Тем не менее, надо признаться, что на ряду с естественной огромной радостью наших частей и ответственных военных работников по поводу влития свежей, да еще красной коммунистической крови в части, откуда утечка коммунистов была очень велика,—наряду с этой радостью раздаются жалобы на то, что известный процент этой молодежи представляет собой вовсе не первокачественный, не первосортный элемент.

Голос с места. Большая часть!

Троцкий. Я уверен, что вы жестоко ошибаетесь, товарищ! Это не верно, что эта вливающаяся коммунистическая молодежь не первокачественная в большей своей части. Молодежь, вливающаяся в части, должна к ним притереться, должна найти свое место, при чем она вливается не под огнем, как мы к этому привыкли в 1918—1920 г.г., а в сравнительно спокойной казарменной обстановке, принося с собой известные „идейные“ претензии, так как она выполняла уже иногда советскую работу, и довольно ответственную. Она должна привыкнуть к обстановке армии. Но известный процент, несомненно, есть мало пригодных, процент брака.

Если мы серьезно относимся к вопросу о чистке партии и если в деле обновления нашей партии мы возлагаем надежды на молодежь, то будет очень хорошо, если мы твердо решим всю нашу молодежь пропускать через дверь Красной Армии. Когда я вчера говорил, что перед нами задача партийного воспитания, задача наш накопленный опыт теоретическим путем вливать в молодежь, я получил записку (полагаю, от кого нибудь из молодых гостей, которые учатся на рабфаке): „Почему же вы требуете, чтобы мобилизовались рабфаки?“. А потому, что я считаю, что рабфак не является единственной школой, где партия может свой опыт в широком смысле слова передавать молодежи. Я считаю, что и армия для коммунистов

в нашей Советской Республике является той школой, где партия свой нравственный закал, свое самоотвержение, свою дисциплинированность может вливать в нашу рабоче-крестьянскую молодежь. Вот почему я буду с уважаемым нашим товарищем Михаилом Николаевичем Покровским *) еще и еще торговаться на счет этой самой рабочей и крестьянской молодежи. Говорят о том, что нам будут готовить инженеров. Конечно, из-за пребывания в армии некоторое запоздание получится, но я считаю, что красный инженер, который прошел в течение двух лет через красную казарму, будет вдвойне ценным для нас инженером, потому что будет боевым коммунистом и закаленным работником.

Из речи на XI с'езде Р. К. П.

29 марта 1922 г.

---

*) М. Н. Покровский — заместитель Народного Комиссара по Просвещению.

ДОПРИЗЫВ 1901 г.

1.

... Мы на Украине и в Крыму произвели и производим как раз теперь допризыв 1901 года. Там в свое время мобилизация этого года не была произведена.

Я был в Крыму и проезжал через Украину, и все свидетельства, факты, документы говорят о том, что молодежь допризывного 1901 года является поголовно. Уклоняющихся нет. Настроение превосходное. О насилиях, нажимах, репрессиях— нет и речи.

Мы помним, как проходила первая мобилизация. Что же означает тот факт, что допризывные рабочие и крестьяне 1901 года на Украине и в Крыму,—которые значительно позже Москвы, Питера и центра вступили в Октябрьскую революцию,— являются охотно, с полной готовностью? Это означает, во-первых, огромное повышение политического уровня народов, населяющих нашу федерацию. Вся наша политика развертывается перед нами, как огромный предметный урок. Трудовые массы учатся вместе со своею властью, учатся и научатся. Они знают, что такое наша политика, что такое и для чего наша армия. Во-вторых, этот факт добровольной и прямо-таки радостной явки молодежи свидетельствует о том, что отношения между рабочим классом и крестьянскими массами улучшаются, даже на тех окраинах, где советский порядок более отстал, чем у нас в центре (и в центре-то он еще далеко не совершенен).

Из речи на с'езде текстильщиков.
„Известия ВЦИК", № 243.
10 октября 1922 г.

2.

ПРИКАЗ

Председателя Революционного Военного Совета Республики по Красной Армии и Красному Флоту.

№ 273.

24 окт. 1922 г., гор. Москва.

Товарищи красноармейцы и военморы!

Допризыв 1901 года закончен и он подтвердил вновь, что за Красной Армией стоит вся страна рабочих и крестьян. Допризыв прошел везде с большим под'емом и завершился полным успехом.

В иных губерниях наряд на-много превзойден. Значителен приток добровольцев.

Призывники являлись на сборные пункты стройными рядами, с красными знаменами и революционными песнями.

Красноармейцы - старослужащие! По-братски встретьте новичков. Пусть они найдут новую семью, временно покидая родной угол. В Красной казарме—им дружное товарищество и красная школа.

К 1-му января все новобранцы перейдут на положение старослужащих. Среди них не должно быть неграмотных. Они должны твердо усвоить начатки военной учебы. Ваша задача помочь им в учебе, подготовить себе равных.

Красные командиры, комиссары, политруки!

Страна послала вам в учебу своих детей, чтобы сделать из них твердых, надежных бойцов — сознательных граждан. Обязанность ваша высока и ответственность велика. Срок службы краток. За работу!

Пусть через три месяца с полным сознанием своего долга и полной готовностью к честной службе каждый новобранец убежденно повторит за вами слова Красной присяги:

„Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина Рабоче-Крестьянской Красной Армии“.

Председатель Революционного Военного
Совета Республики Л. Троцкий.

ОРУДИЕ БУДУЩЕГО

1.

...Каковы наши перспективы в деле военной техники? Царизм вооружал свою армию в значительной мере при помощи иностранной техники—это было в природе вещей, так как царизм сам входил в одну из группировок так называемого „европейского равновесия". Нас же буржуазия рассматривает—и, пожалуй, не без основания — как клин, нарушающий и подрывающий всякое равновесие капиталистического мира. Следовательно, на прямое содействие капиталистической Европы или Америки в деле нашей военной техники мы рассчитывать не можем. Тем важнее наши собственные усилия в этом направлении. Военная техника зависит от обще-хозяйственной. Это означает, что чудодейственные скачки в области вооружения и вообще снабжения армии — исключены. Возможны только систематические усилия и постепенные улучшения. Но это вовсе не исключает крупных успехов в короткий срок—по крайней мере, в отдельных наиболее важных областях. Все хозяйство Советской Республики—после периода жестокого распада—оживает и идет вверх. Процесс будет на первых порах медленный, с неизбежными перерывами и колебаниями. Задача наша состоит в том, чтобы военную промышленность поставить в особо благоприятные условия—без ущерба, разумеется, для хозяйства в целом, а в составе самой военной промышленности выдвигать на передний план те отрасли ее, которые сейчас получают для нас исключительное значение.

Такова, несомненно, авиация. Этот род оружия и эту отрасль промышленности мы должны—по крайней мере, на ближайший год—поставить в центре внимания всей страны. Это тем более осуществимо, что в области авиации чисто-военные потребности плотнее и непосредственнее всего соче-

таются с хозяйственно-культурными интересами страны. Авиация есть наиболее высокий, наиболее современный способ преодоления пространства. Пред ней неизмеримое будущее. И нужно, чтобы наша молодежь была как можно шире захвачена идеей роста и процветания воздушного транспорта.

„Правда“ 1923 г. № 50.

2.

...Воздушный флот, самый легкий и подвижной род оружия, оказался... тяжелым на под'ем. Только с очень большими усилиями и с упущением многих сроков вопрос о воздушном флоте поставлен, наконец, в порядок дня. Теперь остается только позаботиться о том, чтобы дальнейшая работа в связи с воздушным флотом и вокруг него, в том числе и агитация, пошла по правильному пути, ибо опасностей ложного направления не мало.

Прежде всего—об агитации. Значение ее, конечно, очень велико. Хороша агитация в прозе (если хороша), а в стихах и того лучше (если хороши). Но пуще огня надо бояться той опасности, чтобы агитация не приняла слишком отвлеченного, всеоб'емлющего, т.-е. попросту бессодержательного, характера, который в очень короткий срок свел бы ее на нет автоматическим давлением общего равнодушия. У нас вообще немало агитаций, которые похожи на то, что немцы называют „соломенным огнем“—вспыхнет с треском и сразу же потухнет, оставив горстку золы. Нам нужна, разумеется, не самодовлеющая агитация по поводу воздушного флота—нам нужен именно воздушный флот, многочисленный и технически совершенный. Агитация должна быть подчинена этой задаче, освещая ее с технической, промышленной, общехозяйственной, военной, политической и воспитательной точек зрения. Нужно держать читателя в курсе авиационного дела и за границей, и у нас. Нужно рассказывать читателю, осведомлять его, а не просто призывать его. Мы вообще слишком мало осведомляем, слишком много призываем. В данном случае это—прежде всего вина квалифицированных работников самого воздушного флота. Если они хотят, чтобы общественное мнение страны интересовалось их делом, они сами должны несравненно больше, чем до сих

пор, интересоваться общественным мнением страны. Нужно расширить авиационные горизонты Советской России, по крайней мере, ее авангарда. Нужно зажечь интерес к тем по истине увлекательным возможностям, какие скрывает в себе господство над воздушной стихией.

... Первые шаги должны по необходимости быть более скромными, но в то же время твердо согласованными и расчитанными на долгий срок. Ибо обороняться придется еще долго. А летать будем и после того, как перестанем обороняться. Вернее сказать: только тогда и начнем летать по настоящему—если не мы, то дети и внуки наши.

Из статьи „Воздушный флот—в порядке дня".
„Правда" 4 марта 1923 года.

3.

ВНИМАНИЕ К ЛЁТНОМУ УЧЕНИКУ!

... Особое и большое место занимает вопрос о лётном персонале. Поэтами, говорят, люди рождаются. Но это относится в значительной мере и к летчикам. Нужно особое сочетание психо-физических свойств, чтобы обеспечить авиатору уверенную работу в воздухе. Однако, и самые лучшие органические и психические предпосылки не создают еще боевого лётчика без хорошей системы лётного и общевоенного обучения. Необходимо, поэтому, с одной стороны, пробудить и развить широкий интерес молодежи к авиации, а с другой стороны—организовать тщательный научно-поставленный индивидуальный отбор. Функции авиаторов так ответственны, что армия и страна в праве требовать, чтобы наши летчики были военно-просвещенными людьми.

Нужно вместе с тем помнить что уже самый процесс обучения авиации связан с опасностями, каких не знают в таком размере не только другие профессии, но и другие роды оружия. Необходимо поэтому обставить как можно более благоприятно работников воздушного флота. Если во всех областях военного дела, где человек сочетается с машиной, решает в последнем счете человек, то в авиации это очевиднее, чем где бы то ни было. Внимание к лётному ученику! Внимание к летчику—мастеру воздушного цеха!

Из статьи „Орудие будущего". „Правда" 1923 г. № 121.

IV. ЗА НОВЫЙ БЫТ

ПОДАЛЬШЕ ОТ СТАРОГО „СПЛОШНОГО“ БЫТА!

... Мы и раньше знали, что нам не хватает необходимой организации, необходимой дисциплины, необходимой исторической школы, мы знали все это, и это нам нисколько не мешало с открытыми глазами итти к завоеванию власти. Мы были уверены, что всему научимся и все наладим.

Теперь, взявши власть в свои руки, мы, представители рабочего класса, должны совершенно ясно и честно отдать себе отчет в том, каковы те внутренние грехи и недочеты, которые представляют собой величайшие опасности для дела социалистического строительства.

Они имеют свое историческое об'яснение, которое покоится в старом „сплошном“ мужицком быту, когда не было еще пробужденной свободной, самостоятельной человеческой личности, а была, по выражению Глеба Успенского, „вобла“, сплошная масса, которая жила, гибла, умирала, как живет и гибнет сплошная масса саранчи. Здесь сказались прошлые века русской истории, сказались те времена, когда массы народные были придавлены к земле, обобраны материально и духовно. Революция, которая пробудила человеческую личность в самом задавленном,—естественно, на первых порах, придала этому пробуждению крайний, если хотите, анархический характер. Это пробуждение элементарнейших инстинктов личности имело нередко эгоистический или, употребляя философский термин, „эгоцентрический“ характер. Вчера еще он был ничем, рабом царя, дворянства, бюрократии, придатком машины фабриканта. В крестьянском быту он был только тяглецом, плательщиком налогов. Сегодня, освободившись от этого, он впервые почувствовал себя личностью и начинает думать, что он—все, что он—центр мироздания. Он стремится взять для себя все, что может, думает только о себе и с народной, с классовой точкой

зрения не склонен считаться. Отсюда разлив такого рода дезорганизаторских настроений, индивидуалистических, анархических, хищнических тенденций, которые мы наблюдаем особенно в широких кругах деклассированных элементов страны, в среде прежней армии, а затем в известных элементах рабочего класса.

Это есть не что иное, как болезнь роста. Мы были бы слепцами и трусами, если бы видели в этом какую-нибудь роковую опасность, гибельный симптом. Нет, этого нет. Это — как корь у ребенка или как боль при прорезывании зубов; это—органическая болезнь роста класса, муки пробуждения его классовых сил, его творчества. Но это есть все же болезнь, и мы должны постараться преодолеть ее в кратчайший срок.

Если мы первыми были в революционных боях, как еще раньше первыми были в подполье, а потом брали с бою позицию враждебного класса, то теперь нам нужно на всех постах, которые мы занимаем, —не забывайте: мы сейчас господствующий класс,—проявить максимум добросовестности, исполнительности, творчества—словом, тех качеств, которые характеризуют класс подлинных строителей новой жизни. Нам необходимо внутри своей партии создать новую мораль или, вернее сказать, такую, которая должна явиться развитием нашей вчерашней морали. Если вчера наиболее ценился тот, кто с наибольшею беззаветностью был способен жить по нелегальным квартирам, отказываясь от всякого личного интереса и чувства, кто был способен в любой момент жертвовать своей жизнью, то теперь те же самые основные качества русского революционера, которыми мы гордились, должны себе найти новое применение на всех постах, какими бы прозаическими они ни казались по своей внешности.

Необходимо через партию и через наши профессиональные союзы прививать это новое настроение на заводах и фабриках, вводить это новое сознание трудового долга, трудовой чести.

Эту коммунистическую мораль мы обязаны сейчас проповедывать, поддерживать, развивать, укреплять. Это есть первейшая задача нашей партии на всех поприщах ее деятельности.

Из доклада на Московской городской конференции РКП. („Труд, дисциплина, порядок спасут РСФСР").

28 марта 1918 г.

ВНИМАНИЕ К МЕЛОЧАМ!

Надо восстанавливать разрушенное хозяйство. Надо строить, производить, починять, латать. Мы ведем хозяйство на новых началах, которые должны обеспечить благосостояние всех трудящихся. Но производство в основе своей сводится к борьбе человека с враждебными ему силами природы, к разумному использованию естественных богатств для своих целей. Общее направление политики, декреты, инструкции могут только регулировать хозяйственную деятельность. Фактическое же удовлетворение человеческих потребностей может быть достигнуто лишь производством материальных ценностей, трудом систематическим, настойчивым, упорным. Хозяйственный процесс складывается из частей и частиц, из деталей, частностей, мелочей. Восстановить хозяйство можно только при величайшем внимании к этим мелочам. Этого внимания у нас нет или, в лучшем случае, его страшно мало. Главная задача хозяйственного воспитания и самовоспитания состоит в том, чтобы пробудить, развить, укрепить внимание к этим частным, мелким, повседневным потребностям хозяйства: ничего не упускать, все подмечать, все делать своевременно и требовать того же от других. Задача эта стоит перед нами решительно во всех областях нашей государственной жизни и нашего хозяйственного строительства.

Обеспечивать армию обмундированием и обувью при нынешнем состоянии производства—нелегкая задача. Аппарат снабжения дает нередко большие перебои. Между тем, внимательной и тщательной заботы о сохранении обмундирования и обуви, об их своевременной починке почти-что не видать. У нас обувь почти-что никогда не смазывается. Когда спрашиваешь почему, то получаешь самые разнообразные ответы: то самой

смазки нет, то не во-время выдали, то сапоги желтые, а смазка черная, и прочее, и прочее, и прочее. Но главная причина та, что нет внимательного, хозяйственного отношения к вещам— ни у красноармейцев, ни у командного и комиссарского состава. Несмазанные сапоги, особенно, если намокнут, пересыхают и перегорают затем в несколько недель. Производственный аппарат не поспевает и начинает шить кое-как. Сапоги изнашиваются еще скорее. Получается заколдованное кольцо. А между тем выход есть, и сам по себе очень простой: нужно, чтобы сапоги были всегда аккуратно зашнурованы, иначе они искривляются и растаптываются. А мы сплошь и рядом портим хорошую американскую обувь только потому, что нет в ней шнурков. Достать же их можно, если настойчиво искать, а если шнурков нет, то потому, что нет внимания к хозяйственным мелочам. А из тысяч мелочей и создается целое.

То же самое, и еще в большей степени, относится к винтовке. Сделать ее трудно, испортить легко. Нужно беречь винтовку, чистить ее и смазывать. А это требует неутомимого и настойчивого внимания. Это требует приучения, воспитания.

Мелочи, накапливаясь и сочетаясь, образуют нечто большее или ... разрушают нечто большее. Мелкие повреждения на шоссейной дороге, своевременно неисправленные, увеличиваются, превращаются в глубокие рытвины и выбоины, затрудняют езду, портят повозки, расшатывают автомобили и грузовики, губят шины. Плохое шоссе вызывает расходование в десять раз больших сил и средств, чем сколько их нужно для починки самого шоссе. Также точно по мелочам разрушаются машины, фабричные здания, жилые дома. Чтобы поддержать их, необходимо повседневное неутомимое внимание к мелочам и к деталям. Нам этого активного внимания не хватает, ибо не хватает хозяйственного и культурного воспитания. Нужно уяснить себе отчетливо эту главную нашу нехватку.

Внимание к деталям и мелочам у нас нередко смешивают с бюрократизмом. Это величайшее заблуждение! Бюрократизм состоит во внимании к пустой форме за счет содержания, за счет дела. Бюрократизм утопает в формалистике, в пустяках, а вовсе не в деловых деталях. Наоборот, деловые потребности, из которых состоит самое дело, бюрократизм обыкновенно обходит, озабочиваясь лишь свести бумажные концы с концами.

Требование, чтобы на лестницах и коридорах не плевали,

и не бросали окурков, есть „мелочь“, мелкое требование, а между тем, оно имеет огромное воспитательно-хозяйственное значение. Человек, который походя плюет на лестнице или на пол в комнате,—неряха и распустеха. От него нельзя ждать возрождения хозяйства. Он и сапог не смажет, и стекло вышибет по невниманию, и тифозную вошь занесет.

Иному может показаться,—повторяю,—что настойчивое внимание к такого рода вещам есть придирчивость и „бюрократизм“. Под борьбу с бюрократизмом у нас охотно подделываются неряхи и лентяи. Экая, мол, важность бросать на лестнице окурок! Но это—гнилой вздор. Неаккуратное бросание окурков есть неуважение к чужому труду. А кто не уважает чужого труда, тот и к своему собственному относится недобросовестно. Для того, чтобы могли развиться дома-коммуны, нужно, чтобы каждый жилец или каждая жилица относились с полным вниманием к порядку, чистоте, к интересам дома в целом. Иначе получатся (и получаются нередко) вшивые, проплеванные ямы, а вовсе не дома-коммуны. Надо неутомимо и непримиримо бороться с такого рода неряшливостью, некультурностью, разгильдяйством — бороться словом и примером, проповедью и требовательностью, увещанием с привлечением к ответственности. Тот, кто молча, сторонкой проходит мимо таких фактов, как проплеванная лестница или загаженный двор, тот плохой гражданин, тот негодный строитель.

В армии редко сочетаются все как положительные, так и отрицательные стороны народной жизни. Это целиком подтверждается и на вопросе о хозяйственном воспитании. Армия должна во что бы то ни стало подняться в этом отношении хоть на ступеньку выше. Достигнуть этого можно дружными усилиями всех руководящих элементов самой армии сверху донизу, при содействии лучших элементов рабочего класса и крестьянства в целом.

В тот период, когда советский государственный аппарат только складывался, армия была насквозь проникнута духом и приемами партизанщины. Против партизанщины мы вели настойчивую и непримиримую борьбу, которая дала несомненно крупные результаты: не только создан централизованный аппарат руководства и управления, но, что еще существеннее, самый дух партизанщины глубоко скомпрометирован в сознании трудящихся.

Теперь нам предстоит борьба не менее серьезная: борьба со всеми видами небрежности, неряшливости, безразличия, неаккуратности, неисполнительности, личной распущенности, безхозяйственности и расточительного озорства. Это все разные степени и оттенки одной и той же болезни: на одном крыле—недостаток внимательности, на другом крыле—злостное озорство. Тут нужен большой поход, повседневный, настойчивый, неутомимый, с применением всех методов, как и в борьбе с партизанщиной: агитация, пример, увещевание и кара.

Самый великолепный план без внимания к частностям и деталям—только верхоглядство. Чего стоит, например, самый лучший оперативный приказ, если он, по неряшливости, своевременно не дойдет по назначению, или если он переписан с искажениями, или если он невнимательно прочитан? Верный в малом—и во многом будет верен.

Чтобы осуществлять великие замыслы, нужно великое внимание к самым малым мелочам!—таков лозунг, под которым Красная Армия вступила в свой новый период.

„Правда", № 219.
1 октября 1921 г.

„КУЛЬТУРНИЧЕСТВО“ И ПЕРЕСТРОЙКА БЫТА

...Только с завоеванием власти рабочим классом создаются условия для действительного преобразования быта, до самых глубоких его основ. Рационализировать быт, т.-е. преобразовать его по требованиям разума, нельзя, не рационализируя производства, ибо корни быта в хозяйстве. Только социализм ставит своей задачей охватить разумом и подчинить ему всю хозяйственную деятельность человека. Буржуазия, в лице самых своих передовых течений, ограничивалась тем, что рационализировала, с одной стороны, технику (через естественные науки, технологию, химию, изобретения, машинизацию), с другой—политику (через парламентаризм), но не экономику, которая оставалась ареной слепой конкуренции. Потому-то бессознательное и слепое продолжало господствовать в быте буржуазного общества. Завоевавший власть рабочий класс ставит себе задачей подчинить сознательному контролю и руководству экономические основы человеческих отношений. Только это и открывает возможность осмысленной перестройки быта.

Но этим же самым устанавливается тесная зависимость наших успехов в области быта от наших успехов в области хозяйства. Нет, правда, никакого сомнения в том, что даже при нынешнем хозяйственном уровне мы могли бы внести значительно больше элементов критики, инициативы и разума в наш быт. В этом и состоит одна из задач эпохи. Но еще более очевидно, что коренная перестройка быта: освобождение женщины от положения домашней рабыни, общественное воспитание детей, освобождение брака от элементов хозяйственной принудительности и пр., осуществима только в меру общественного накопления и возрастающего перевеса социалистических форм хозяйства над капиталистическими. Критическая проверка

быта теперь же есть необходимое условие для того, чтобы быт, консервативный по тысячелетним своим традициям, не отставал от тех прогрессивных возможностей, которые открываются уже и сегодняшними нашими хозяйственными рессурсами или откроются—завтрашними. С другой стороны, даже самые небольшие успехи в области быта, равнозначащие по характеру своему повышению культурности рабочего и работницы, немедленно же расширят возможность рационализации промышленности и, следовательно, более быстрого социалистического накопления, а это последнее откроет, в свою очередь, возможность новых завоеваний в области обобществления быта. Зависимость здесь диалектическая: главный исторический фактор—экономика; но воздействовать на нее мы, коммунистическая партия, мы, рабочее государство, можем только через рабочий класс, непрерывно повышая техническую и культурную квалификацию его составных элементов. Культурничество в рабочем государстве служит социализму, а социализм означает мощный расцвет культуры, подлинной, внеклассовой, человеческой и человечной.

Из статьи „Чтоб перестроить быт, надо познать его".

Июль 1923.

ВОДКА, ЦЕРКОВЬ И КИНЕМАТОГРАФ

Два больших факта наложили новую печать на рабочий быт: восьмичасовой рабочий день и прекращение торговли водкой. Ликвидация водочной монополии, будучи вызвана войной, предшествовала революции. Война требовала таких неисчислимых средств, что царизм мог отказаться от питейного дохода, как от безделицы: миллиардом больше, миллиардом меньше— разница невелика. Революция унаследовала ликвидацию водочной монополии, как факт, и усыновила этот факт, но уже по соображениям глубокого принципиального характера. Только с завоевания власти рабочим классом, который становится сознательным строителем нового хозяйства, государственная борьба с алкоголизмом—культурно-просветительная и запретительная— получает все свое историческое значение. В этом смысле то по существу побочное обстоятельство, что „пьяный" бюджет был опрокинут попутно империалистской войной, нисколько не меняет того основного факта, что ликвидация государственного спаивания народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции. Развить, укрепить, организовать, довести до конца антиалкогольный режим в стране возрождающегося труда— такова наша задача. И хозяйственные наши и культурные успехи будут итти параллельно с уменьшением числа „градусов". Тут уступок быть не может.

Что касается восьмичасового рабочего дня, то он является уже прямым завоеванием революции, одним из важнейших. Сам по себе, уже как факт, восьмичасовой рабочий день вносит радикальную перемену в жизнь рабочего, освобождая две трети суток от фабричного труда. Это создает основу для коренных изменений быта, для развития культурности, для общественного воспитания и пр., но только основу. Чем правильнее будет

использовано государством рабочее время, тем лучше, полнее, содержательнее сможет быть обставлена вся жизнь рабочего. В том и состоит ведь, как уже сказано, основной смысл октябрьского переворота, что хозяйственные успехи каждого рабочего автоматически означают материальный и культурный под'ем рабочего класса в целом. „Восемь часов для труда, восемь для сна, восемь свободных",—гласит старая формула рабочего движения. В наших условиях она получает совершенно новое содержание: чем производительнее использованы восемь часов труда, тем лучше, чище, гигиеничнее могут быть обставлены восемь часов сна, тем содержательнее, культурнее — восемь часов свободных.

Вопрос о развлечениях получает в этой связи огромное культурно-воспитательное значение. Характер ребенка обнаруживается и формируется в игре. Характер взрослого человека ярче всего высказывается в играх и развлечениях. Но и в формировании характера целого класса—если это класс молодой и идущий вперед, как пролетариат,—развлечение и игра могут занять выдающееся место. Великий французский утопист Фурье—в противовес христианскому аскетизму и подавлению природы—строил свои фаланстеры (коммуны будущего) на правильном и разумном использовании и сочетании человеческих инстинктов и страстей. Это мысль глубокая. Рабочее государство не есть ни духовный орден, ни монастырь. Мы берем людей такими, какими их создала природа и какими их отчасти воспитало, отчасти искалечило, старое общество. Мы ищем точек опоры в этом живом человеческом материале для приложения нашего партийного и революционно - государственного рычага. Стремление развлечься, рассеяться, поглазеть и посмеяться есть законнейшее стремление человеческой природы. Мы можем и должны давать этой потребности удовлетворение все более высокого художественного качества и в то же время—сделать развлечение орудием коллективного воспитания, без педагогического опекунства, без назойливого направления на путь истины.

Важнейшим, далеко превосходящим все другие, орудием в этой области может явиться в настоящее время кинематограф. Это поразительное зрелищное новшество врезалось в жизнь человечества с невиданной еще в прошлом победоносной быстротой. В обиходе капиталистических городов кинематограф

сейчас такая же составная часть жизни, как баня, пивная, церковь и другие необходимые учреждения, похвальные и непохвальные. Страсть к кинематографу имеет в основе своей стремление отвлечься, увидеть нечто новое, небывалое, посмеяться и даже поплакать, но не над собственными злоключениями, а над чужими. Всем этим потребностям кинематограф дает удовлетворение наиболее непосредственное, зрительное, образное, совсем живое, не требуя от зрителя почти ничего, даже простой грамотности. Отсюда такая благодарная любовь зрителя к кинематографу, неистощимому источнику впечатлений и переживаний! Вот где точка—и не точка, а огромная площадь—для приложения воспитательно-социалистических усилий.

То, что мы до сих пор, т.-е. за эти почти шесть лет, не овладели кинематографом, показывает, до какой степени мы косолапы, некультурны, чтобы не сказать прямо-таки тупоумны. Это орудие, которое само просится в руки; лучший инструмент пропаганды—технической, культурной, производственной, антиалкогольной, санитарной, политической—какой угодно, пропаганды общедоступной, привлекательной, врезывающейся в память, и—возможная доходная статья.

Привлекая и развлекая, кинематограф уже тем самым конкурирует с пивной и с кабаком. Я не знаю, чего сейчас больше в Париже или Нью-Иорке: пивных или кинематографов? И какие из этих предприятий дают больше дохода? Но ясно, что кинематограф соперничает прежде всего с кабаком в вопросе о том, как и чем заполнить восемь свободных часов. Можем ли мы овладеть этим несравненным орудием? Почему нет? Царское правительство создало в несколько лет разветвленную сеть государственных кабаков. На этом деле оно получало до миллиарда золотых рублей дохода в год. Почему же рабочее государство не может создать сеть государственных кинематографов, все более и более внедряя этот аппарат развлечения и воспитания в народную жизнь, противопоставляя его алкоголю и превращая его в то же время в доходную статью? Осуществимо ли это? Почему бы нет? Конечно, это не легко. Но это во всяком случае естественнее, больше отвечает природе и организаторским силам, и способностям рабочего государства, чем, скажем, попытка реставрации... водочного дела [1]).

[1]) Эти строки были уже написаны, когда я в последнем имеющемся в моих руках номере „Правды“ (от 30 июня) нашел следующую выдержку из

Кинематограф соперничает не только с кабаком, но также и с церковью. И это соперничество может стать для церкви роковым, если отделение церкви от социалистического государства мы дополним соединением социалистического государства с кинематографом.

Религиозности в русском рабочем классе почти нет совершенно. Да ее и не было никогда по-настоящему. Православная церковь была бытовым обрядом и казенной организацией. Проникнуть же глубоко в сознание и связать свои догматы и каноны с внутренними переживаниями народных масс ей не удалось. Причина здесь та же: некультурность старой России, в том числе и ее церкви. Оттого, пробуждаясь к культуре, русский рабочий так легко освобождается от своей чисто внешней бытовой связи с церковью. Для крестьянина это, правда, труднее; но не потому, чтобы он глубже, интимнее проникся церковным учением—этого, конечно, нет и в помине, — а потому, что его косный и однообразный быт тесно связан с косной и однообразной церковной обрядностью.

У рабочего—мы говорим о массовом беспартийном рабочем—связь с церковью держится, в большинстве случаев, на нитке привычки, преимущественно женской привычки. Иконы висят в доме, потому что они уже есть. Они украшают стены, без них слишком голо, непривычно. Новых икон рабочий покупать не станет, но от старых отказаться не хватает воли. Чем отметить весенний праздник, если не куличем и пасхой? А кулич и пасху, по привычке, полагается святить,—иначе выходит голо. И в церковь ходят вовсе не по причине религиозности: светло в церкви, нарядно, людно, хорошо поют — целый ряд общественно-эстетических приманок, которых не имеют ни фабрика, ни семья, ни будничная улица. Веры нет или почти нет. Во всяком случае, нет никакого уважения к церковной иерархии, никакого доверия к магической силе обрядности. Но нет и активной воли порвать со всем этим. Элемент рассеяния,

---

присланной в редакцию статьи тов. И. Гордеева: „Кинопромышленность является крайне выгодным коммерческим делом, дающим огромные барыши. При умелом, толковом и деловом подходе киномонополия может сыграть для оздоровления наших финансов роль, сходную с ролью водочной монополии для царской казны". Дальше приводятся у т. Гордеева практические соображения о том, как провести кинофикацию советского быта. Вот вопрос, который действительно нуждается в серьезной и деловой разработке! Л. Т.

отвлечения и развлечения играет в церковной обрядности огромную роль. Церковь действует театральными приемами на зрение, слух и обоняние (ладан!), а через них—на воображение. Потребность же человека в театральности — посмотреть и послушать необычное, яркое, выводящее из жизненного однообразия—очень велика, неискоренима, требовательна, с детских лет и до глубокой старости. Чтобы освободить широкие массы от обрядности, от бытовой церковности, недостаточно одной лишь антирелигиозной пропаганды. Разумеется, она необходима. Но непосредственное, практическое влияние ее все же ограничивается меньшинством, идейно наиболее мужественным. Широкая же масса не потому не поддается антирелигиозной пропаганде, что у нее так глубока духовная связь с религией, а, наоборот, потому, что идейной-то связи и нет, а есть бесформенная, косная, непроведенная через сознание связь бытовая, автоматическая и в том числе — связь уличного зеваки, который не прочь при случае принять участие в процессии или торжественном богослужении, послушать пение, помахать руками. Вот эту безыдейную обрядность, которая ложится на сознание косным грузом, нельзя разрушить одной лишь критикой, а можно вытеснить новыми формами быта, новыми развлечениями, новой, более культурной, театральностью. И здесь опять-таки мысль естественно направляется к самому могущественному—ибо самому демократическому — орудию театральности: кинематографу. Не нуждаясь в разветвленной иерархии, в парче и пр., кинематограф развертывает на белой простыне гораздо более захватывающую театральность, чем самая богатая, умудренная театральным опытом тысячелетий церковь, мечеть или синагога. В церкви показывают только одно „действо" и притом всегда одно и то же, из года в год, а кинематограф тут же, по соседству или через улицу, в те же дни и часы покажет и языческую пасху, и иудейскую, и христианскую, в их исторической преемственности и в их обрядовой подражательности. Кинематограф развлечет, просветит, поразит воображение образом и освободит от потребности переступать церковный порог. Кинематограф — великий конкурент не только кабака, но и церкви. Вот орудие, которым нам нужно овладеть во что бы то ни стало.

Июль 1923.

НА ПУТИ К НОВОЙ СЕМЬЕ

Кому из нас не приходилось слышать в частных беседах прямо-таки причитания по поводу „распада“ нравов среди советской молодежи, в частности комсомольцев. В этих жалобах не все, конечно, состоит из преувеличений,—есть и правда. С отрицательными сторонами этой правды борьба необходима и будет вестись—борьба за поднятие культуры и человеческой личности. Но, чтобы правильно подойти к азбуке вопроса, не впадая в реакционное морализаторство или в сентиментальное уныние, нужно прежде всего знать, что есть, и понять, что происходит.

На семейный быт обрушились колоссальнейшие события: война и революция. А по их следам пополз подземный крот: критическая мысль, сознательная переработка и оценка семейных отношений и бытового уклада. Сочетание механической силы великих событий с критической силой пробужденной мысли порождает в области семьи ту разрушительную стадию, через которую мы ныне проходим. Русскому рабочему приходится в разных областях своей жизни сознательно проделывать первые культурные шаги лишь теперь, после завоевания власти. Под влиянием могущественных сотрясений личность впервые вырывается из бытовых, традиционных, церковных форм и отношений,—мудрено ли, если ее индивидуальный протест, ее восстание против старины принимают на первых порах анархические или, грубее выражаясь, разнузданные формы? Мы это наблюдали и в политике, и в военном деле, и в хозяйстве: анархо-индивидуализм, всех видов „левизна“, партизанщина, митингование. Мудрено ли, наконец, если этот процесс находит свое наиболее интимное и потому наиболее болезненное выражение в области семейной? Здесь пробужденная личность, которая хочет строить свою жизнь по-новому, а не по старинке, ударяется в „разгул“, „озорство“ и прочие грехи.

...Уже одно введение института гражданского брака не могло

не нанести жестокого удара старой, освященной, показной семье. Чем меньше в старом браке было личной связи, тем в большей мере роль скрепы играла внешняя, бытовая, в частности обрядовая, церковная сторона. Удар по этой последней оказался тем самым ударом по семье. Обрядность, лишенная как об'ективного содержания, так и государственного признания, держится лишь силой инерции, продолжая служить одной из подпорок бытовой семье. Но если в самой семье нет внутренней связи, если сама она держится в значительной мере силой инерции, то каждый внешний толчок способен развалить ее, ударяя тем самым и по церковности. А толчков в наше время несравненно больше, чем когда бы то ни было. Вот почему семья шатается, распадается, разваливается, возникает и снова рушится. В жестокой и болезненной критике семьи быт проверяет себя. История рубит старый лес—щепки летят.

А подготовляются ли элементы новой семьи? Бесспорно. Но нужно уяснить себе природу этих элементов и процесс их формирования. Как и в других случаях, тут необходимо различать материальные условия и психические, или об'ективные и суб'ективные. В психическом смысле подготовка новой семьи, новых человеческих отношений вообще означает для нас культурный рост рабочего класса, развитие личности, повышение ее запросов и внутренней дисциплины. С этой точки зрения революция сама по себе означает, конечно, громадное движение вперед, и самые тяжкие явления семейного распада представляются лишь болезненным по форме выражением пробуждения класса и личности в классе. Вся наша культурная работа—та, которую мы делаем, и особенно та, которую мы лишь должны делать,—является с этой точки зрения подготовкой новых отношений и новой семьи. Без повышения индивидуальной культурности рабочего и работницы не может быть новой, более высокой семьи, ибо в этой области речь может итти, разумеется, только о внутренней дисциплине, а никак не о внешней принудительности. Сила же внутренней дисциплины личности в семье определяется содержанием внутренней жизни, об'емом и ценностью тех связей, которые соединяют мужа и жену.

Подготовка материальных условий нового быта и новой семьи опять-таки в основе своей не может быть отделена от общей работы социалистического строительства. Рабочему государству нужно стать богаче для того, чтобы возможно было,

уже всерьез и как следует быть, приступить к общественному воспитанию детей и к разгрузке семьи от кухни и прачечной. Обобществление семейного хозяйства и воспитания детей немыслимо без известного обогащения всего нашего хозяйства в целом. Нам нужно социалистическое накопление. Только при этом условии мы сможем освободить семью от таких функций и забот, которые ныне угнетают и разрушают ее. Стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить—хороший общественный ресторан. Обшивать—швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами, которые в этом деле находят свое подлинное призвание. Тогда связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязанного, случайного. Один перестает заедать жизнь другого. Устанавливается, наконец, подлинное равноправие. Связь определяется только взаимным влечением. Но именно потому она приобретает внутреннюю устойчивость — конечно, не для всех одинаковую и ни для кого не принудительную.

Таким образом, путь к новой семье — двойной: а) культурное воспитание класса и личности в классе и б) материальное обогащение класса, организованного в государство. Оба эти процесса тесно связаны друг с другом.

Сказанное выше никак не означает, разумеется, будто существует известный момент материального развития, начиная с которого семья будущего сразу вступает в свои права. Нет, известное движение в сторону новой семьи возможно уже и сейчас. Правда, государство еще не может на себя взять ни общественного воспитания детей, ни создания общественных кухонь, которые были бы лучше семейной кухни, ни создания общественной прачечной, где бы не рвали и не воровали белья. Но это вовсе не значит, что наиболее инициативные и прогрессивные семьи не могут группироваться уже сейчас на коллективной хозяйственной основе. Такие опыты должны делаться, разумеется, очень осторожно, так, чтобы технические средства коллективного оборудования сколько-нибудь соответствовали интересам и потребностям самой группировки и давали бы явные для всех ее членов выгоды, хотя бы и скромные на первых порах.

„Задачу эту,—писал недавно т. Семашко по поводу необходимости перестройки нашего семейного быта, — лучше всего вести показательным путем: одними распоряжениями и даже одной проповедью здесь мало чего достигнешь. Но пример,

показательный образец здесь сделают больше, чем тысячи хороших брошюр. Эту показательную пропаганду лучше всего вести по тому методу, который хирурги в своей практике называют „трансплантацией". При обнаженной от кожи большой поверхности (от ранения или ожога), когда нет надежды, чтобы кожа покрыла такое большое пространство, они вырезывают кусочки кожи со здорового места и островками прикладывают ее к обнаженной поверхности: кожа приживает и от этих островков начинает разрастаться по сторонам; таким образом островки делаются все больше и больше и, наконец, вся поверхность покрывается кожей. То же произойдет и при этой показательной пропаганде: если фабрика или завод установят у себя коммунистический быт, за ними потянутся и другие фабрики" [1]).

Опыт таких семейно-хозяйственных коллективов, представляющих первое, очень еще несовершенное приближение к коммунистическому быту, должен тщательно изучаться и внимательно продумываться. Комбинация частной инициативы с поддержкой государственной власти, прежде всего местных советов и хозяйственных органов, должна стоять на первом плане. Новое домостроительство — а мы начнем же все-таки строить дома! — должно быть заранее сообразовано с потребностями семейно-групповых общежитий. Первые сколько-нибудь явные и бесспорные успехи в этом направлении, хотя бы и очень ограниченные по масштабу, вызовут неизбежно стремление более широких кругов устроиться таким же образом, Для плановой инициативы сверху вопрос еще не созрел—ни со стороны материальных рессурсов государства, ни со стороны подготовлености самого пролетариата. Сдвинуть дело с мертвой точки можно в настоящий момент только созданием показательных общежитий. Почву под ногами придется укреплять шаг за шагом, не зарываясь слишком вперед и не впадая в бюрократическую фантастику. В известный момент этим процессом овладеет государство—при содействии местных советов, кооперации и пр.—обобщит сделанную работу, расширит и углубит ее. Таким путем человеческая семья совершит, говоря словами Энгельса, „скачек из царства необходимости в царство свободы".

Из статьи „От старой семьи к новой"
Июль 1923 г.

---

[1]) „Известия ВЦИК", № 81 от 14/IV—23 г. Н. Семашко, „Мертвый хватает живого".

СЕМЬЯ И ОБРЯДНОСТЬ

Церковная обрядность держит даже и неверующего или мало верующего рабочего на привязи через посредство трех важнейших моментов в жизни человека и человеческой семьи: рождение, брак, смерть. Рабочее государство отвернулось от церковной обрядности, заявив гражданам, что они имеют право рождаться, сочетаться и умирать без магических движений и заклинаний со стороны людей, облаченных в рясы, сутаны и другие формы религиозной прозодежды. Но быту гораздо труднее оторваться от обрядности, чем государству. Жизнь трудовой семьи слишком монотонна (однообразна) и этой монотонностью своей истощает нервную систему. Отсюда потребность в алкоголе: небольшая склянка заключает в себе целый мир образов. Отсюда же потребность в церкви с ее обрядностью. Как ознаменовать брак или рождение ребенка в семье? Как отдать дань внимания умершему близкому человеку? На этой потребности отметить, ознаменовать, украсить главные вехи жизненного пути и держится церковная обрядность.

Что противопоставить ей? Разумеется, суевериям, лежащим в основе обрядности, мы противопоставляем материалистическую критику, атеистически-действенное отношение к природе и ее силам. Но этой научно-критической пропагандой вопрос не исчерпывается: во-первых, она пока захватывает и еще довольно долго будет захватывать лишь меньшинство; во-вторых, и у этого меньшинства остается потребность украсить, приподнять, облагородить личную жизнь, по крайней мере в ее наиболее выдающихся этапах.

Рабочее государство уже имеет свои праздники, свои процессии, свои смотры и парады, свои символические зрелища, свою новую государственную театральность. Правда, она еще во многом слишком тесно примыкает к старым формам, подражая им, отчасти непосредственно продолжая их. Но в главном

революционная символика рабочего государства нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда, рабочий и крестьянин, товарищ, интернационал. А в замкнутых клетках семейного быта этого нового почти еще нет, во всяком случае, слишком мало. Между тем, личная жизнь тесно связана с семьей. Этим и об'ясняется, что в семье нередко берет в бытовом отношении перевес по части икон, крещения, церковного погребения и пр. более консервативная сторона, ибо революционным членам семьи нечего этому противопоставить. Теоретические доводы действуют только на ум. А театральная обрядность действует на чувство и на воображение. Влияние ее, следовательно, гораздо шире. В самой коммунистической среде поэтому нет-нет да и пробуждается потребность противопоставить старой обрядности новые формы, новую символику не только в области государственного быта, где это уже имеется в широкой степени, но и в сфере семьи. Есть среди рабочих движение за то, чтобы праздновать день рождения, а не именины, и называть новорожденного не по святцам, а какими-либо новыми именами, символизирующими новые близкие нам факты, события или идеи. На совещании московских агитаторов я впервые узнал, что новое женское имя Октябрина приобрело уже до известной степени права гражданства. Есть имена Нинель (Ленин в обратном порядке). Называли имя Рэм (революция, электрофикация, мир). Способ выразить связь с революцией заключается также и в наименовании младенцев именем Владимир, а также Ильич и даже Ленин (в качестве имени), Роза (в честь Люксембург) и пр. В некоторых случаях рождение отмечалось полушутливой обрядностью, „осмотром" младенца при участии фабзавкома и особым протокольным „постановлением" о включении новорожденного в число граждан РСФСР. После этого открывалась пирушка.

Поступление сына в ученики тоже иногда отмечается праздником в рабочей семье. Событие действительно исключительно важное, как связанное с выбором профессии, жизненного пути. Тут место вступиться профессиональному союзу. Можно вообще не сомневаться, что именно профессиональные союзы будут занимать видное место в творчестве и организации форм нового быта. Средневековые цехи тем и были могущественны, что охватывали жизнь ученика, подмастерья, мастера со всех сторон. Они встречали новорожденного в первый день его

жизни, провожали его к дверям школы, сопровождали его в церковь, когда он женился, и хоронили его, когда он завершал свое трудовое поприще. Цехи были не просто ремесленными об'единениями, а организованным бытом. В эту же сторону пойдет, вероятно, в значительной степени развитие наших производственных союзов, с тою, конечно, разницей, что новый быт, в противоположность средневековому, будет совершенно свободен от церкви и ее суеверий, и в основу его будет положено стремление использовать для обогащения и украшения жизни человека каждое завоевание науки и техники.

Женитьба, пожалуй, легче обходится без обрядности. Хотя и здесь сколько было „недоразумений" и исключений из партии по поводу венчания в церкви. Не хочет мириться быт с „голым" браком, не украшенным театральностью.

Несравненно труднее обстоит дело с погребением. Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зазорно, как и растить некрещенного. В тех случаях, когда похороны, в соответствии с личностью умершего, получают политическое значение, на сцену выступает новая театральная обрядность, пропитанная революционной символикой: красные знамена, революционный похоронный марш, прощальный ружейный залп. Некоторые из участников московского собеседования подчеркивали необходимость скорейшего перехода к сжиганию трупов и предлагали начать, для примера, с выдающихся работников революции, справедливо видя в этом могущественное орудие антицерковной и антирелигиозной пропаганды. Но, конечно, и сжигание трупов,—к чему пора бы действительно перейти,—не будет означать отказ от процессий, речей, марша и салютной стрельбы. Потребность во внешнем проявлении чувств могущественна и законна.

Если бытовая театральность в прошлом была всегда теснейшим образом связана с церковью, то это вовсе не значит, как уже сказано, что они не могут быть разобщены. Отделение театра от церкви произошло гораздо раньше, чем отделение церкви от государства. Церковь первое время чрезвычайно боролась против „светского" театра, вполне основательно видя в нем опасного конкурента по части постановки зрелищ. Театр выжил, но как специальное зрелище, замкнутое в четырех стенах. В быту же, в повседневной жизни монополию театральных постановок сохраняла попрежнему церковь. С ней конку-

рировали по этой части некоторые „тайные“ общества, в роде франк-масонов. Но они сами насквозь проникнуты светской поповщиной. Создание революционной бытовой „обрядности“ (возьмем это слово за неимением лучшего) и противопоставление ее обрядности церковной достижимо не только в отношении событий общественно-государственного характера, но и в отношении семейных событий. Уже и сейчас оркестр, выполняющий похоронный марш, способен, как оказывается, нередко конкурировать с церковным отпеванием. И мы должны, конечно, сделать оркестр нашим союзником в борьбе против церковной обрядности, основанной на рабьей вере в иной мир, где воздадут сторицей за зло и подлости земного мира. Еще более могущественным нашим союзником будет кинематограф.

Творчество новых форм быта и новой театральности быта пойдет в гору вместе с распространением грамотности и ростом материальной обеспеченности. У нас есть все основания следить за этим процессом с величайшим вниманием. Не может быть, конечно, и речи о каком-либо принудительном вмешательстве сверху, т.-е. о бюрократизации новых бытовых явлений. Только коллективное творчество самых широких кругов населения с привлечением к этому делу артистической фантазии, творческого воображения, художественной инициативы, может постепенно, в течение годов и десятилетий, вывести нас на дорогу новых, одухотворенных, облагороженных, проникнутых коллективной театральностью форм быта. Но не регламентируя этого творческого процесса, нужно уже сейчас всячески помогать ему. А для этого необходимо опять-таки, прежде всего, чтобы он из слепого стал зрячим. Нужно внимательно следить за всем, что совершается по этой части в рабочей семье, в советской семье вообще. Всякие новые формы, зародыши новых форм и даже намеки на них должны попадать на страницы печати, доводиться до всеобщего сведения, пробуждать фантазию и интерес и тем толкать коллективное творчество новых бытовых форм вперед.

Комсомолу в этой работе честь и место. Не всякая выдумка окажется удачной, не всякая затея привьется. Что за беда? Необходимый отбор будет итти своим чередом. Новая жизнь усыновит те формы, которые придутся ей по душе. В результате жизнь станет богаче, лучше, просторнее, красочнее, сочнее, звучнее. А ведь в этом вся суть.

Июль, 1923 г.

КОНЧИК БОЛЬШОГО ВОПРОСА

На одном из многочисленных обсуждений вопроса о нашем государственном аппарате т. Киселев, председатель Малого Совнаркома, выдвинул или, по крайней мере, освежил в памяти одну сторону вопроса, имеющую неизмеримое значение. Дело идет о том, как, в каком виде государственный аппарат соприкасается непосредственно с населением, как он с ним „разговаривает", как встречает посетителя—жалобщика, ходатая, по-старинному „просителя", какими глазами на него смотрит, каким языком с ним разговаривает, да и всегда ли разговаривает...

Нужно, впрочем, в этой части вопроса различать две стороны: форму и существо.

Во всех цивилизованных демократических странах бюрократия, разумеется, „служит" народу, что не мешает ей возвышаться над народом в виде тесно сплоченной профессиональной касты, и если перед капиталистическими магнатами бюрократия действительно „служит", т.-е. ходит на задних лапах, то к рабочему и крестьянину она одинаково—и во Франции, и в Швейцарии, и в Америке—относится свысока, как к об'екту управления. Но там, в цивилизованных „демократиях", это обволакивается в известные формы вежливости, обходительности—в одной стране больше, в другой меньше. Во всех необходимых случаях (а они повседневны) покров вежливости без труда прорывается кулаком полицейщины: стачечников бьют в участках Парижа, Нью-Иорка и иных мировых центрах. Но в общем официальная „демократическая" вежливость в отношениях бюрократии к населению есть продукт и наследие буржуазных революций: эксплоатация человека человеком осталась, но форма ее стала иной, менее „грубой", задрапированной декорациями равенства и отполированной вежливостью.

Наш советско-бюрократический аппарат—особенный, многосложный, несущий в себе навыки различных эпох на ряду с зародышами будущих отношений. Вежливости, как общего правила, у нас нет. Зато грубости, унаследованной от прошлого, сколько угодно. Но грубость у нас тоже неоднородная. Есть простенькая, мужицкого корня, мало привлекательная, разумеется, но не унижающая. Она становится совершенно невыносимой и об'ективно реакционной в тех случаях, когда молодые наши беллетристы начинают хвастаться ею, как нивесть каким „художественным" завоеванием. Передовые элементы трудящихся относятся к такому опрощению (с фальшивым носом) органически враждебно, ибо в грубости языка и обихода справедливо видят клеймо старого рабства и стремятся усвоить себе язык культуры с его внутренней дисциплиной. Но это мимоходом...

На ряду с простецкой, так сказать, безразличной, крестьянской, привычной пассивной грубостью, у нас есть еще особая, „революционная" грубоватость передовиков—от нетерпения, от горячего стремления сделать лучше, от раздражения на нашу обломовщину, от самого нервного напряжения. Конечно, и эта грубость, сама по себе взятая, непривлекательна, и мы от нее отделаемся, но по существу она питается нередко из того же революционно-нравственного источника, который не раз за эти годы горами двигал. Тут не существо приходится менять, ибо оно в большинстве случаев здоровое, творческое, прогрессивное, а корявую форму...

Но есть у нас еще—и тут главный гвоздь!—старая, господская, барская, с отрыжкой крепостничества, злой подлостью напоенная грубость. Есть она, еще не выведена, и вывести ее не легко. В московских учреждениях, особенно в тех, что на виду, барство не выступает в боевой форме, т.-е. с окриками, размахиванием рукой у просительского носа, и пр., а принимает чаще всего характер бездушного формализма. Конечно, это не единственный источник „бюрократизма и волокиты", но очень существенный: полное безучастие к живому человеку и его живой работе. Если-б можно было на пленке особой чувствительности запечатлеть приемы, ответы, раз'яснения, распоряжения и предписания во всех клеточках бюрократического организма хотя бы одной только Москвы за один только день, снимок получился бы чрезвычайно сгу-

щенный. А тем более в провинции и в особенности по той линии, где город соприкасается с деревней, а ведь эта линия и есть важнейшая.

Бюрократизм—очень сложное, отнюдь не однородное явление, скорее сочетание многих явлений и процессов разного исторического происхождения. И причины, поддерживающие и питающие бюрократизм, тоже разнообразны. Первое место тут занимают, конечно, некультурность наша, отсталость, малограмотность. Общая неслаженность постоянно перестраиваемого государственного аппарата (а без этого в революционную эпоху нельзя) сама в себе заключает множество лишних трений, которые составляют важнейшую часть бюрократизма. В этих именно условиях классовая разнородность советского аппарата и в особенности наличие в нем барских, буржуазных и статски-советнических навыков проявляются в наиболее отталкивающих своих формах.

Тем самым и борьба с бюрократизмом не может не иметь многообразного характера. В основе ее лежит борьба с некультурностью, с неграмотностью, с грязью, нищетой. Техническое улучшение аппарата, сжатие штатов, установление большей правильности, точности, аккуратности в работе государственной машины и другие меры того же типа не исчерпывают конечно, исторического вопроса, но способствуют ослаблению наиболее отрицательных сторон бюрократизма. Огромное значение имеет подготовка нового типа советской „бюрократии", новых „спецов". И тут, разумеется, нельзя себя обманывать насчет того, сколь трудно в переходных условиях, при наставниках, полученных в наследство от прошлого, воспитать по-новому, т.-е. в духе труда, простоты, человечности, десятки тысяч новых работников. Трудно, но не невозможно, только не сразу, а постепенно, путем выпуска все лучших и лучших „изданий" советской молодежи.

Все эти меры, расчитанные на более или менее долгие сроки, ни в каком случае не исключают, однако, немедленной, повседневной, непримиримой борьбы с бюрократической наглостью, с канцелярским презрением к живому человеку и его делу, с тем поистине растленным чернильным нигилизмом, под которым скрывается либо мертвое безразличие ко всему на свете, либо трусливая беспомощность, которая сама себе не хочет признаться в своей несостоятельности, либо сознатель-

ный саботаж, либо органическая ненависть разжалованной белой кости к тому классу, который ее разжаловал. И вот, здесь одна из важных точек приложения для революционного рычага.

Нужно добиться, чтобы простой, серый человек трудовой массы перестал бояться государственных учреждений, с которыми ему приходится иметь дело. Нужно, чтобы его встречали там с тем большим вниманием, чем он беспомощнее, т.-е. чем темнее, чем неграмотнее. А в основе нужно, чтобы ему старались помочь, а не просто отделаться от него. Для этого, на ряду со всеми другими мерами, необходимо поддерживать к этому вопросу постоянное внимание со стороны нашего советского общественного мнения, захватывая его как можно шире, и в частности, со стороны всех действительно советских, революционных, коммунистических, наконец, просто чутких элементов самого государственного аппарата, а таких, к счастью, немало: на них он держится и ими продвигается вперед.

4 апреля 1923 г.
„Правда", № 74.

БОРЬБА ЗА КУЛЬТУРНОСТЬ РЕЧИ

На днях я прочитал в одной из наших газет: „На общем собрании рабочих обувной фабрики „Парижская Коммуна“ решено уничтожить ругань, за „выражения штрафовать“, и проч.

Факт маленький в вихре нашего времени и в масштабе „выражений“ лорда Керзона, за которые его нельзя еще пока оштрафовать, но факт знаменательный. Значение его определится, однако, вполне лишь в зависимости от того, какой отклик найдет эта инициатива.

Брань—наследие рабства, приниженности, неуважения к человеческому достоинству, чужому и собственному. А наша российская брань—в особенности. Надо бы спросить у филологов, лингвистов, фольклористов, есть ли у других народов такая разнузданная, липкая и скверная брань, как у нас. Насколько знаю,—нет, или почти нет. В российской брани снизу—отчаяние, ожесточение и, прежде всего, рабство—без надежды, без исхода. Но та же самая брань сверху, через дворянское, исправницкое горло, являлась выражением сословного превосходства, рабовладельческой чести, незыблемости основ... Пословицы, говорят, выражение народной мудрости,—не только мудрости, однако, но и темноты, и предрассудков, и рабства. „Брань на вороту не виснет“, говорит русская старая пословица, и в ней отражается не только факт рабства, но и примиренность с ним. Два потока российской брани: барской, чиновницкой, полицейской, сытой, с жирком в горле—и другой: голодной, отчаянной, надорванной—окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесным узором. И наследство такое, в числе многого другого, получила революция.

А революция ведь есть, прежде всего, пробуждение человеческой личности в тех массах, которым ранее полагалось

быть безличными. Революция, несмотря на всю, иногда, жестокость и кровавую беспощадность своих методов, есть, прежде всего и больше всего, пробуждение человечности, ее поступательное движение, рост внимания к своему и чужому достоинству, рост участия к слабому и слабейшему. Революция не революция, если она всеми своими силами и средствами не помогает женщине, вдвойне и втройне угнетенной, выйти на дорогу личного и общественного развития. Революция—не революция, если она не проявляет величайшего участия к детям: они-то и есть то будущее, во имя которого революция творится. А можно ли изо дня в день творить,—хотя бы по частицам и по крупицам,—новую жизнь, основанную на взаимном уважении, самоуважении, на товарищеском равенстве женщины, на подлинной заботе о ребенке—в атмосфере, где громыхает, рыкает, звенит и дребезжит ничего и никого не щадящая барско-рабская всероссийская брань? Борьба с „выражениями" является такой же предпосылкой духовной культуры, как борьба с грязью и вошью — предпосылкой культуры материальной.

Искоренить словесную разнузданность совсем не простая и не легкая задача, потому что корни этой разнузданности не в слове, а в психике и в быту. Почин фабрики „Парижская Коммуна" надо, конечно, всячески приветствовать, но, главное, надо пожелать инициаторам выдержки и упорства, ибо психические навыки, переходившие из поколения в поколение и по сей день насыщающие всю атмосферу, искоренять не легко,—а мы ведь часто рванемся вперед, надорвемся, махнем рукой и оставляем все по-старому.

Надо надеяться, что женщины-работницы, и прежде всего коммунистки, поддержат инициативу „Парижской Коммуны". Можно сказать, что по общему правилу,—конечно, исключения бывают,—сквернослов и ругатель презрительно относится к женщине и без внимания к ребенку, и это не только в отсталых массах, но нередко и среди передовиков, а встречается иной раз и у очень „ответственных". Нельзя ведь отрицать того, что старая отечественная фразеология (Щедрин называл ее матерогнозией) развита у нас и ныне, на шестом году после Октября, и при том даже на так называемых „верхах". За пределами города, особенно столичного, иные „сановники" считают даже как бы долгом своим „выражаться" направо и на-

лево, видя в этом, очевидно, один из путей смычки с крестьянством...

Жизнь наша крайне противоречива в хозяйственной своей основе и культурных своих формах. У нас, в центре страны, под Москвой—огромные болотные пространства, непроездные проселки и тут же, рядом, заводы, поражающие своей техникой европейского или американского инженера. Такие же контрасты и в наших нравах. И не только в том смысле, что бок-о-бок с Кит Китычем младшим, прошедшим через революцию, экспроприацию, мешечничество, подпольную спекуляцию, легализованную и сохранившим почти в неприкосновенности свое утробно-замоскворецкое естество, мы видим лучший тип рабочего-коммуниста, живущего изо дня в день интересами мирового рабочего класса и готового в любой момент сражаться за дело революции в любой стране, которую он сам, может быть, не сыщет на карте. Рядом с этим социальным контрастом,—тупого свинства и высочайшего революционного идеализма,—мы можем нередко наблюдать психические контрасты в одной и той же голове, в одном и том же сознании. Искренний и преданный коммунист, но женщины для него—„бабье" (словцо-то какое гнусное, о котором серьезно говорить не приходится). Или в национальном вопросе заслуженный коммунар нечаянно отрыгнет вдруг такой угрюмбурчеевщиной, что хоть из комнаты беги. Происходит это оттого, что разные области человеческого сознания изменяются и перерабатываются вовсе не параллельно и не одновременно. Тут тоже есть своя экономия. Психика весьма консервативна, и под влиянием требований и ударов жизни изменяются в первую голову лишь те области сознания, которые непосредственно под эти удары подставлены. Наше же социальное и политическое развитие последних десятилетий шло в совершенно небывалом и невиданном темпе, с небывалыми и невиданными переломами и скачками. Оттого-то так глубоки наши Разруха и Неразбериха. Но было бы неправильно думать, будто эти две сестры хозяйничают только в производстве или в госаппарате. Нет, нечего греха таить, они действуют и в головах, порождая самые невероятные сочетания передовых, искренних и продуманных убеждений (тут мы Европу и Америку кой-чему учим)—с настроениями, навыками и отчасти взглядами, истекающими прямехонько из Домостроя. Выровнить идейный фронт, то-есть проработать все области

сознания марксистским методом—такова общая формула воспитания и самовоспитания прежде всего для нашей собственной партии, начиная с ее верхов. И опять-таки задача эта страшно сложная и одними школьными или литературными средствами она не разрешима, ибо последние корни противоречий и несогласованности психики—в разрухе и неразберихе быта. Сознание-то, в конце концов, определяется бытием. Но зависимость тут не механическая и не автоматическая, а действенная или взаимодейственная. Подходить к разрешению задачи нужно поэтому с разных концов,—в том числе и с того, с какого подошли рабочие фабрики „Парижская Коммуна".

Пожелаем же им успеха!

15 мая 1923 г.
„Правда" № 107.

P. S. Борьба с ругательствами есть в то же время составная часть борьбы за чистоту, ясность и красоту речи.

Реакционные тупицы утверждают, что революция если не погубила, то губит русский язык. В обиход у нас действительно вошло необ'ятное количество новых случайного происхождения слов, иногда явно лишних, провинциальные выражения, иногда в корне враждебные духу языка, и пр. Реакционные тупицы ошибаются, однако, насчет судеб русского языка так же, как и насчет всего остального. Из революционных потрясений язык выйдет окрепшим, омоложенным, с повышенной гибкостью и чуткостью. Наш предреволюционный, явно окостеневавший, канцелярский и либерально-газетный язык обогатится, — уже обогатился в значительной мере,—новыми словесно - изобразительными средствами, новыми, гораздо более точными и динамическими выражениями. Но несомненно, что и засорение языка произошло за эти бурные годы немалое. Рост нашей культурности должен и будет выражаться, между прочим, и в извержении из словаря нашей речи всех ненужных или чуждых ее природе слов и выражений, с сохранением неоспоримых и неоценимых языковых завоеваний революционной эпохи.

Язык есть орудие мысли. Точность и правильность языка есть необходимое условие правильности и точности самой мысли. К власти у нас пришел впервые в истории рабочий класс. Он принес с собой богатый запас трудового жизненного опыта и речи, на этом опыте выросшей. Но он же принес с собой недо-

статочную грамотность, не говоря уже о литературной необразованности. Вот почему правящий рабочий класс, дающий всей своей социальной природой гарантии дальнейшего могущественного развития русской речи, не всегда оказывает пока-что необходимый отпор проникшим в обиходный и газетный язык словам и выражениям — лишним, ненужным, неправильным, а иногда и отвратительным. Когда у нас говорят теперь,—и даже пишут!—„пара недель", „пара месяцев" (вместо: несколько недель, несколько месяцев), то это безобразно, нелепо, не обогащает язык, а делает его беднее, так как слово „пара" лишается при этом своего необходимого значения (в смысле: пара сапог). У нас употребляется теперь вкривь и вкось слово „выявить", вместо десятка других гораздо более точных русских слов: обнаружить, вскрыть, проявить, обозначить и пр. У нас говорят: фиксировать, вместо: условиться, закрепить, установить, определить, назначить и т. д. У нас в обиход речи вошли грубые неправильности, происходящие от переделки иностранного слова на более или менее близкий звуковой лад. Так, у нас нередко прекрасные рабочие ораторы говорят: константировать, вместо: констатировать; инциндент, вместо: инцидент; и наоборот: инстикт, вместо инстинкт; легулировать и легулярный, вместо регулировать, регулярный. Эти искажения в рабочей среде были в ходу и раньше, до революции. Но теперь они как бы приобретают право гражданства. Такие и подобные ошибочные выражения никем не исправляются, по соображениям, очевидно, от ложного самолюбия. Это не годится: борьба за грамотность и культурность должна означать для передового слоя рабочих борьбу за овладение русским языком во всем его богатстве, во всей его гибкости и тонкости. Первым условием для этого должно быть извержение из живой повседневной речи неправильных, чужеродных слов и выражений. Язык тоже нуждается в своей гигиене. А рабочий класс нуждается в здоровом языке не меньше, а больше всех других классов, ибо впервые в истории рабочий класс начинает продумывать своей мыслью всю природу, всю жизнь до самых ее основ: для этой работы нужен инструмент ясного, чистого, отточенного слова.

V. КОМСОМОЛЬЦАМ

(Доклади и речи)

ДОКЛАД НА II С'ЕЗДЕ Р. К. С. М.

Я счастлив, товарищи, приветствовать ваш 2-й всероссийский с'езд от имени Рабоче-Крестьянской Красной Армии. (Голос: „Да здравствует Красная Армия!" Бурные аплодисменты).

Ваш с'езд заседает в момент величайшего напряжения борьбы на всех фронтах, и особенно на южном. Мы за все время существования Советской России не знали ни одного мирного и спокойного дня для того, чтобы посвятить все наши силы строительству нового общества. Мы с вами только что приветствовали Красную Армию. Но мы, разумеется, не можем, не должны и не хотим ни на минуту забывать, что Советская власть существует не для войны, а для создания нового строя, когда не будет борьбы, кровопролития, не будет армий. Этот строй называется коммунизмом.

Коммунизм есть тот величайший идеал, который только и делает для нас привлекательным все будущее развитие человечества. Те многие сотни тысяч лет, в течение которых человек развивался, боролся, были-бы ничем иным, как издевательством над нами, если бы этой дорогой ценой мы не купили нового общества, где все будет построено на тесном содружестве, где каждый человек будет человеку брат, а не враг. К этому новому строю, который мы создаем, который мы создадим в будущем, мы идем путем борьбы. Я сказал, что этот строй мы создадим в будущем. И когда произносишь это содержательное, многообещающее слово „будущее", то всегда при этом представляешь себе молодежь, которая составит новое звено в развитии человечества. Эта молодежь—надежда нашей страны. Вся революция представлена здесь в вашем лице. Вот почему я с радостью приветствую вас от имени старшего по-

коления, которое раньше вышло на сцену истории, которое жестоко боролось в прошлом и, покрытое кровью, заботится сейчас, чтобы открыть широкие ворота в светлое царство будущего—вам, нашей революционной молодежи.

Товарищи, путь, которой прошло человечество в прошлом, необозрим! Из темного животного царства выбрался человек, шел дремучими лесами, спотыкаясь, ковыляя, весь в цепях предрассудков. Он создал себе богов, царьков, князьков, потом он заменил многих богов одним богом, многих царьков и князьков—одним царем. Но он не остановился на этом. Он отказался от царей и от богов вообще и сделал попытку стать свободным хозяином своей собственной жизни. Эту величайшую попытку сделал впервые в истории в таком об'еме русский рабочий класс. Мы с вами являемся участниками небывалой исторической попытки. Мы живем в великое время, подобного которому еще не бывало на земле, и счастлив тот из нас, который чувствует в своем сердце, в своем сознании электрический ток нашей эпохи с ее великими задачами. Ведь были десятилетия и века, когда сыновья жили, как отцы и внуки, как деды, и каждый думал, что этот строй неизменен. Этот старый строй, основанный на власти капитала, на насилии, на произволе,—потрясен, поколеблен в своих основах, рушится. Мы с вами призваны, взявши в руки молот, пилу, топор, строить новое здание.

Но нам не дают, нам мешают строить. Те, кому был выгоден старый строй, те, которые из поколения в поколение с молоком матери впитывали уверенность в том, что им суждено властвовать, править, господствовать, эксплоатировать и насиловать,—не могут примириться с тем, что мы пытаемся создать новый, свободный и счастливый строй. Они его считают „невозможным“ и „вредным“, они его считают варварским.

Буржуазия Великобритании, Америки и Франции чистоганом (а у них его немало) покупает и нанимает банды, чтобы направить их против нас. Наши бывшие властители Деникины и Колчаки продают и предают трудовой русский рабочий народ за крохи с барского стола английского, французского и американского капитала. Хотя все вы еще молоды и лишены большого политического опыта, но вы уже знаете, что если бы английская и американская биржа оставила нас сегодня в покое, у нас не было бы войны: Деникин и Колчак, эти презрен-

ные осколки позорного прошлого, без поддерки извне бессильны. Всюду и везде, где революционный рабочий класс становился грудь против груди с нашими старыми властителями, мы оставались победителями. Ни одно буржуазное правительство ни на одном из клочков старой России не держалось собственной силой, везде и всюду — силой и поддержкой чужеземных владык.

Буржуазия говорит, что наш строй — безумный строй, что он не может держаться. Но если они не лгут, если они думают, что наш строй не может удержаться, пусть отойдут в сторону и дадут нам место на деле доказать, удержимся ли мы или упадем. И мы им докажем это, как доказали Вильгельму Гогенцеллерну, который так же считал, что его строй—вечный строй, а наш—временный, эфемерный! Мы переживем всех английских королей, американских президентов и тех, кто стоит за ними—эксплоататоров, англо - французских и американских биржевиков. Именно потому, что они знают, поняли, что строй, который мы с вами создаем, представляет собой реальную силу и грозную опасность для них, они стремятся теперь, пока они сами не задушены силой своего собственного рабочего класса, опрокинуть нас. Вы читали, как английский лорд Черчилль хвастался тем, что ему удалось мобилизовать против нас четырнадцать государств, т. е. их буржуазию. Четырнадцать цепных собак выпустила на нас английская буржуазия, улюлюкая, чтоб они рвали, терзали тело русского рабочего и крестьянского народа.

После всего этого буржуазия говорит о варварстве советского строя; ее писаки изображают буржуазный строй, как воплощение гуманности. Но в сердцах наших рабочих и крестьян горит пламя веры в новую справедливость, на страже которой мы оказались вынужденными поставить рабоче - крестьянскую армию.

Мы воюем не потому, что наш идеал, идеал коммунизма, требует войны. Нет, мы воюем потому, что наши враги покушаются на наш идеал, пытаются сорвать его знамя, разрушить своими бомбами краеугольный камень нового светлого здания, вырвать из наших рядов лучших бойцов. Мы, шедшие длинной дорогой борьбы, не для того, разумеется, вырвали власть из рук буржуазии и передали в руки рабочего класса, чтобы отступать перед насилием или выкриками англо - французского

империализма. Мы оказались вынужденными создавать из наших голодных рабочих и крестьян, из нашей молодежи — стройные регулярные красные полки. К счастью для нас, наши сознательные рабочие и крестьяне быстро научились владеть оружием, так что старые колчаковские и деникинские офицеры в своих донесениях признали героизм, силу и выучку Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Один из колчаковских генералов, Волков, заявил даже: „дайте мне 50 красноармейцев, и я возьму Москву". Разумеется, это—хвастовство, но в этом хвастовстве есть доля признательности по отношению к нашей Красной Армии. Ее научились давно бояться наши враги, ценить и уважать—друзья.

Эта Красная Армия держится на молодом поколении рабочих и крестьян. Когда у нас на фронтах бывает неблагополучно, когда мы шатаемся или откатываемся назад, мы поворачиваемся лицом к Петрограду, к Москве, ко всей России, мы обращаемся к молодому поколению рабочего класса, и на наш призыв молодые рабочие отвечают: „Мы здесь"!

Несмотря на то, что Петроград сам недавно стоял перед смертельной опасностью и сейчас еще ведет геройскую борьбу на Эстонском фронте, несмотря на это, — когда на южном фронте мы потеряли Курск и стали откатываться на север, Петроград с молниеносной быстротой выделил сотни первоклассных закаленных пролетариев, прошедших школу революционной борьбы. Они все уже по пути на южный фронт, и каждый из них займет ответственный пост комиссара, командира или рядового, но лучшего бойца. Нет сомнения, что и на этот раз, как много раз в прошлом, наши молодые передовые рабочие выравняют наш фронт и прогонят врага на юг.

Мы, разумеется, пользуемся не только рабочей молодежью, но и старшим поколением. К счастью для нас, история завещала нам немало честных, преданных, закаленных борцов. Даже из классов нам враждебных отдельные лица, редко, но переходят честно и искренно на нашу сторону. Так, завтра в Петрограде рабочие и красноармейцы будут хоронить бывшего царского генерала Николаева. Он вышел из рядов старой армии. В нашей Красной Армии он командовал бригадой. Имя его не было известно за пределами его армии. Контр-революционный генерал Булак-Балахович взял его в плен вместе с частью его бригады. Это было в Ямбурге. Балахович рас-

стрелял 650 красноармейцев и рабочих. В числе расстрелянных был бывший царский генерал Николаев. Тамошние жители показали, что, когда Николаева вели на место казни он кричал: „вы можете отнять мою жизнь, но веру, светлую веру в человечество—вы у меня не отнимете“.

Товарищи, представьте себе такого человека, который был воспитан в предрассудках царизма, насилия, который от них освободился, который перешел на нашу сторону и честно умер за дело рабочего класса. Перед его памятью каждый из нас склонится с глубоким уважением! Но такие лица—единицы, а не тысячи и не десятки тысяч. Не на них, конечно, не на отдельных редких выходцах из чужого класса строим мы будущее революции, будущность коммунизма, а на рабочем классе—и прежде всего, на его молодежи. Ибо не только другие классы реакционны, но и в среде самого рабочего класса больше всего предрассудков в старшем поколении, которое воспиталось в другую эпоху.

Основой движения вперед является пролетарская молодежь. Вместе с тем вы являетесь тем поколением, которому суждено преобразовать, изменить, перевоспитать самый характер русского народа. Вы слышали, вы, вероятно, читали в книжках о том, что бывает национальный характер—русский, английский, немецкий и итальянский; это и верно и неверно. Конечно, у каждого народа есть свои особенности, но эти особенности изменяются так же, как и характер отдельного человека изменяется под влиянием внешней обстановки и событий его жизни. Характер русского народа отличался расплывчатостью, известной бесформенностью, потому что трудовой народ жил всегда под ярмом, без образования, без сознательной цели, придавленный нуждою и гнетом царского и буржуазного самовластия. Только теперь, поднявшись с низов, выпрямив свою спину, трудовой русский человек начинает разбираться, каковы его задачи и цели, научается за эти цели бороться. В том и состоит величие нашей эпохи, что она закаляет, воспитывает, укрепляет характер трудового русского народа.

Стало быть, на вашем поколении история зиждет великую работу преобразования и воспитания. Мы живем в огромной кузнице истории. Пылает яркое пламя, сыплются искры, бьют десятки, сотни тысяч молотов. Конечно, эта кузница истории—жестока, и отдельные искры и вспышки пламени ранят нас,

обжигают, вырывают многих из нашей среды; но это пламя и удары молота закаляют народный характер. Из вашей среды должны выйти теперь тысячи, десятки и сотни тысяч сознательных мужественных людей, вылитых из одного куска стали. Это значит, что наш трудовой народ сделает скачок вперед из той старой приниженности и тьмы, в которой его держали исторические судьбы. Рабочий класс пробудился и впервые в истории сам себе поставил цель; он делает не то, что приказал ему мастер, губернатор или царь, а делает то, что он, рабочий класс, поставил себе целью. Именно поэтому, несмотря на голод, холод, на раны, болезни, эпидемии, каждый новый взрыв опасности не ослабляет, а укрепляет нас. Мы можем быть недовольны тем или иным в работе советской власти, тем или иным коммунистом, но в этой жестокой суровой борьбе все мы закаляемся и научаемся понимать, что не может быть другого достойного строя на земле, кроме того строя, при котором господствуют, работают, живут и наслаждаются трудовые люди, об'единенные в одну честную артель.

Нашу работу по созданию такого строя хотели сорвать наступлением Колчака. Колчака поддерживала Америка. Деникин в письме, которое он переслал Колчаку через генерала Гришина-Алмазова, назначил ему свидание в Саратове. Колчака вся биржа приветствовала, как спасителя России, и был момент, когда положение было тревожно, когда казалось, что Колчак пересечет Волгу и прямым путем ворвется в Москву. Он тогда собирался короноваться в Кремле. Но Москва попрежнему в руках московского пролетариата, и московский пролетариат дал вам возможность собраться в стенах красной Москвы. Товарищи, как ни тяжко положение на южном фронте сейчас, нет сомнения в том, что мы справимся с Деникиным, как справились с Колчаком!

Сила Деникина состоит в его многочисленной коннице. Конница—наше слабое место. Почему? Потому, что во главе революции стоит рабочий класс. Рабочий—сын городов, больших промышленных центров, а конница родилась в Донской Области, в астраханских, оренбургских, сибирских степях, в наиболее отсталых частях нашей страны. Вот почему контр-революции удалось мобилизовать против рабочих и крестьян донское и кубанское, уральское и оренбургское казачества и создать из них крупные конные части. Наша пехота в борьбе про-

тив кавалерии Деникина не раз терпела жестокий урон. Но, что упущено, то не потеряно. Русские пролетарии, ведущие жестокую борьбу, поняли что им необходимо пехоту и артиллерию дополнить рабочей красной кавалерией. Сейчас во всех важнейших рабочих центрах нашей страны лучшие рабочие усердно организуют кавалерийские части.

Делегаты молодежи рабочего класса, в этой работе вам всем найдется достойное место!

Вы должны крикнуть клич, чтобы все те, кто по своим силам может оказать прямое или косвенное содействие делу формирования кавалерии, прежде всего в качестве кавалерийских удальцов, в качестве агитаторов в пользу создания кавалерии,—чтобы все они отдали свои силы на службу Красной Армии. Далее: мы сейчас формируем отряды лыжников-разведчиков. И в этой области рабочая молодежь может занять достойное место.

Конечно, вся ваша работа еще впереди. Большинство из тех, которые выбрали вас, конечно, еще не призваны к непосредственной боевой работе. Но часть может уже сейчас пополнить ряды регулярной Красной Армии, может и должна на местах свои силы предоставить в распоряжение революционных военных властей для дела разведки, для дела связи. Это как раз то, без чего Красная Армия задыхается, как в безвоздушном пространстве.

Сейчас Деникин, напрягши все свои силы, прокрался в тыл наших южных войск для того, чтобы протянуть свою хищную руку к Туле и к Москве. Вы знаете, какую роль играет Тула в нашей стране. Там наши лучшие патронные и ружейные заводы. Красноармеец наш получает винтовку, штык, пулемет, патрон и саблю, главным образом, из Тулы. Правда, теперь Тула у нас не одна. Мы очистили весь Урал. На Урале много заводов: Ижевский, Екатеринбургский, Пермский, Златоустовский. Все они работают на Красную Армию и с каждым месяцем все лучше и лучше. Но Тульские заводы попрежнему остаются наиболее крупными военными заводами. Задача Деникина для нас ясна. Он вынужден себе сказать: „Победить Красную Армию в открытом бою по всей линии фронта мне не по силам. Остается прорваться в тыл, нагрянуть, нахрапом взять Тулу, взорвать ее заводы и, может быть, с налету нагрянуть на Москву, разрушить важнейшие предприятия, перере-

зать, перевешать тысячи и тысячи передовых пролетариев и пролетарок, на которых держится рабоче-крестьянская советская власть". Вот задача, которую себе теперь поставил Деникин, задача отчаяния — одним налетом взорвать жемчужину Советской Республики, Тулу. Но он уже сорвался на том, что быстрый налет не удался.

Он продвигается еще вперед, но продвигается медленно. Это дало нам возможность во всем треугольнике между Москвой и южным фронтом создать укрепленный район. Каждый город, каждая станция, каждый узловой пункт превращается и будет превращен в крепостной форт. Каждый рабочий и сознательный крестьянин в этом треугольнике должен будет стать, уже становится сознательным борцом, солдатом гарнизона этого укрепленного района. Те из вас, которые родом из этих губерний между Москвой и южным фронтом, должны призвать ваши организации молодежи на службу местным революционным комитетам и местным советам укрепленных районов. Вы должны все ваши силы отдать делу обороны подступов к Туле и к Москве.

Конечно, это жестокая борьба, и в борьбе падают жертвы. Конечно, вам, как каждому, жизнь дорога, ибо жизнь дана для того, чтобы итти вперед, расширять знания, а знания открывают новые и лучшие миры. Каждый из нас должен и обязан, если он серьезный человек, дорожить жизнью. Но дорожить жизнью—не значит дрожать над жизнью! Человек трусливый, тот, которого мы в армии называем шкурником, не дорожит жизнью, а дрожит над ней. Он умирает десять и сто раз от страха, прежде чем судьба обрушит на него подлинную физическую смерть. Храбрый и мужественный человек умирает только один раз. Он не отдает свою жизнь без смысла, как игрок, ибо он жизнью дорожит. Но там, где требует благо рабочего класса, благо коммунизма,—честный, мужественный человек не смеет колебаться ни одного часа, ни одной минуты. Я не сомневаюсь, товарищи, что в тот день и час, когда судьба нашей страны потребует от любого из вас, как бы молод он ни был, своим телом закрыть брешь, преградить путь врагу, каждый из вас скажет:

— Я здесь на своем посту! За благо рабочего класса я готов отдать свою кровь до последней капли!

Весь мир находится сейчас в состоянии неустойчивого равновесия. Чаши весов истории качаются вверх и вниз. Еще три-

четыре месяца тому назад казалось, что англо-французский капитал господствует над всем миром и мановением своего пальца может задушить рабоче-крестьянскую власть в нашей стране. Теперь этого нет. Поднялся английский рабочий класс. Английские трэд-юнионы, охватывающие до четырех миллионов рабочих, все более и более властным голосом требуют от английского правительства прекращения той постыдной бесчестной борьбы, которую английский капитал, к великому позору для Англии, ведет против мирного рабочего класса нашей страны. И во Франции пламя рабочей революции вырывается из-под почвы огненными языками все выше и выше. Французский диктатор Клемансо все меньше и меньше может кричать о том, чтобы выбросить на нашу советскую землю свои дивизии для удушения рабочей революции. В этом наша огромная сила. Теперь мы можем с уверенностью сказать: ни Англия, ни Франция уже не способны выбросить на нашу территорию сколько-нибудь крупные силы, а если и выбросят, по примеру Германии, то тем хуже для них. Вы помните, как германские полки вошли к нам в страну: они покрыли собою всю Украину и всю западную область. Кто их привел? Вильгельм Гогенцоллерн. Под каким знаменем они пришли? Они пришли к нам под черно-желтым знаменем немецкого империализма. А под каким знаменем они от нас ушли? Под красным знаменем коммунизма. И сейчас Деникин знает не хуже нашего, что Англия и Франция воевать при помощи английских и французских рабочих против нас не могут и не будут. В том самом письме, которое я вам называл, письме Деникина Колчаку, перехваченном нами месяца три тому назад, прямо сказано, что прямой военной помощи от английской армии ждать нельзя. Англия дает только орудия, танки, ружья, патроны, английская биржа вооружает русского белогвардейца, науськивая его на русского рабочего.

Деникин серьезнее, крепче Колчака в военном смысле. Это несомненно. Его армия сильнее. Но и мы на южном фронте собрали и собираем каждый день все более и более многочисленную и обученную Красную Армию. Туда петроградский пролетариат, а за ним московский направляют своих лучших сынов. Молодежь рабочего класса дает туда своих наиболее верных бойцов. Сейчас мы переживаем момент величайшего напряжения в этой борьбе. Если понадобится, мы с вами удвоим

число вооруженных пролетариев и скажем Деникину, как сказали Колчакам:

— Путь к Москве и путь к Туле лежит только через наши груди. Только через наши трупы контр-революция может перешагнуть к сердцу рабочей России—к Москве!

На этом с'езде, где вы, представители молодежи, собрались в таком количестве, вы от имени пролетарского юношества, от имени передовых коммунистов скажете рабочим всего мира:

— Наш рабочий класс поднялся и идет из тьмы, из невежества, из рабства, из угнетения—вверх. В Москве, которая была царским первопрестольным градом, в Москве, которая была столицей варварства,—наш рабочий класс зажег священный факел коммунизма; в стенах Кремля, который был крепостью царского произвола, наш рабочий класс собрал международный конгресс III Интернационала. Эта Москва обеднела, ибо мы воюем. Улицы у нас загрязнены, ибо наши рабочие на фронте. Обеднела Москва и голодает Москва,—но эта Москва нам в сто раз дороже, чем бывшая богатая буржуазная Москва. Эту Москву мы поднимем, когда освободим руки на юге, мы ее сделаем подлинной пролетарской столицей и дорогу к ней мы закроем для контр-революции. Для контр-революции нет пути к Москве! На страже ее стоит рабочий класс всей страны и наша рабочая молодежь!

И впрямь, мы были бы банкротами истории, если бы теперь, после того, как мы во весь рост стали перед рабочими и работницами всего мира, после того, как мы их подняли на борьбу, пробудили в их сознании священное пламя революции, если бы мы теперь, как „рабы ленивые и лукавые", сдали бы главный город революции и сдали бы великую кузницу Красной армии—Тулу. Нет, этому не бывать!

Мы от имени пролетарской молодежи, от имени юных коммунистов можем сказать: рабочие всего мира, нам приходится теперь трудно, тяжко; Деникин нас теснит на южном фронте; мы, конечно, с нетерпением ждем того часа, когда рабочие Франции, Англии, Америки окончательно отбросят прочь насильников, магнатов капитала, ростовщиков, поддерживающих Деникина и Колчака; но свой долг, долг русского рабочего класса, мы выполним до конца!

Наступит ли революция в Европе и Америке завтра, через месяц или через год, точно сказать нельзя. Мы знаем

что она наступит, а до этого мы выставим вперед авангард рабочего класса, а наша молодежь — авангард этого авангарда! Пролетарии Лондона, Парижа, Нью-Йорка, мы ждем того часа, когда вы опрокинете буржуазию! Если сейчас вы еще не можете, не в силах этого сделать, мы стоим на посту, и этой позиции, которую вы вверили нам, мы не сдадим! Москва не только наш русский город, Москва—город III Интернационала, столица международного рабочего класса. В этой Москве собрался сегодня второй с'езд Российского Коммунистического Союза Молодежи. Этот с'езд заявляет, что мы клянемся бороться за столицу Красного Интернационала!

РЕЧЬ НА ПРАЗДНИКЕ КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ

(21 февраля 1920 г.)

Человечество боролось не даром.

Товарищи, если оглянуться назад на историю человеческого рода, то она кажется рядом волн, каждая из которых—отдельное поколение. Волна рождает волну; поколение сменяется поколением. Результат этой смены—все достижения человеческой культуры. Если вспомнить наших предков, ползавших на четвереньках, если сравнить их с нами, то можно сказать, что человечество коечего достигло в своем развитии. В этот зал многие сотни молодежи пришли не ради театрального зрелища, а для того, чтоб обменяться чувствами и мыслями о будущем человечества. Это тоже служит наглядным доказательством того, что люди боролись не даром: они создали поколение, которое умеет думать не только о себе, но и о поколениях своих потомков.

Рабочая молодежь и попутчики.

В Берлине, где был заложен фундамент Коммунистического Интернационала Молодежи, были представители четырнадцати стран. Интернационал об'единяет людей разных стран, разных наций, но одного класса, и хотя они говорят на разных языках, но всегда выражают одни и те же чувства и мысли.

Враги коммунизма говорят, что наше чувство солидарности распространяется только на рабочих, оставляя в стороне класс буржуазии. Это и верно и неверно.

Коммунизм об'единяет всех людей в труде и в удовольствии, об'единение может быть только равных с равными, чтобы вместе испытывать и радости, и страдания; немыслим будет в этой среде тот, кто всем сознанием своим принадлежит миру, основанному на неравенстве. Но был бы жалок и преступен тот коммунист, который бросил бы упрек своему товарищу за его социальное прошлое, который оттолкнул бы его только за то, что он принадлежал раньше к буржуазному классу, хотя теперь он отряхнул от своих ног прах старых привычек, навыков, миросозерцания.

Буржуазные классы, конечно, не хотят этого братства; они привыкли пользоваться всеми благами жизни, наукой и искусством—безраздельно. А вы? В большинстве вы, конечно,—дети рабочих, и в детях буржуазии чуете и видите ваших возможных врагов. Но разве вы, дети рабочих, не считаете своими товарищами тех, которые отказались от своего буржуазного прошлого и отдают вам свои знания, свою работу, свою энергию, свой молодой энтузиазм?

Карл Либкнехт.

Здесь было названо имя незабвенного товарища Карла Либкнехта. Он был не рабочим и не сыном рабочего. Карл Либкнехт, сын писателя, был адвокатом. Но сколько сил он отдал делу рабочего класса! Как глубоко и страстно ненавидел он мир насилия — мир капитализма, как много он сделал для организаций рабочей молодежи! Он вел героическую неустанную борьбу за освобождение рабочего класса, и на пятом десятке лет своей жизни погиб на славном посту, гордо и высоко держа знамя коммунизма. Там, в Германии, он всегда проводил наши коммунистические идеи и стремился осуществить лозунги, брошенные русской пролетарской революцией. Недаром его называли представителем русской революции при немецкой социал-демократии.

Карл Либкнехт любил молодежь и глубоко верил в ее расцветающую революционную силу. Молодой человек, не обремененный еще семейной жизнью, не замкнувшийся еще в определенной профессии, не захваченный общественной рутиной,—он мог с большим жаром и с большой самоотверженностью отдаваться идейной жизни и революционной борьбе. В этом отношении большая разница между молодым и старшим поколениями.

Передовой пролетарский отряд — молодежь.

Эта разница в годах сказывается особенно резко в рядах буржуазии и в буржуазной интеллигенции. Не даром за границей составилась поговорка, что „русский интеллигент—до двадцати пяти лет радикал, а после—каналья". Действительно, выходец из буржуазной среды,—еще на школьной скамье, не испытывая еще влияния материальных интересов, служебного поста, карьеры, торгового или промышленного предприятия, — всегда был чище, всегда был более склонен к благородным порывам, к революционной борьбе; а после, попадая в капиталистический круговорот, он действительно, чаще всего, становился „каналией".

В начале рабочего революционного движения в России в аши революционные организации, главным образом, шла молодежь—мальчики 16 — 19 лет. Они первые пошли за нами, им легче было порвать со всей той рутиной, при помощи которой буржуазия сохраняла свое влияние на рабочий класс, но с которой молодежь менее прочно была связана. Впоследствии к нам, вслед за передовым молодым отрядом, начали примыкать и рабочие зрелого возраста. Это уже было тогда, когда наши идеи пустили глубокие корни в рабочую массу.

Двадцатипятилетний путь.

Тяжелое было тогда время для революционной работы. Громадные армии, жандармы, попы и раввины всех религий и наций поддерживали буржуазный строй, а вместе с ним и царизм. Когда мы проповедывали наши идеи, старики качали головой и говорили, что если то, что мы рисуем в наших речах и печати, и сбудется, то это возможно только через пятьсот или тысячу лет; только тогда-мол мы подойдем к идеальному строю, где не будет господ, рабов, царей и жандармов. Но не прошло и четверти столетия, — жизнь одного поколения! — и не стало царизма, нет помещичьего землевладения, мы уже близки к тому идеальному строю, о котором лучшие люди раньше только мечтали.

Это произошло потому, что еще до октябрьской революции началась другая революция — революция в сознании масс. За двадцать пять лет произошел переворот в сознании рабочего

класса, и русский трудящийся народ из самого отсталого стал самым передовым, стал авангардом всемирной революции. Это вызывает симпатии к нему среди трудящихся всего мира, и это было причиной „русских симпатий“ нашего дорогого друга Карла Либкнехта.

Либкнехт живет среди нас.

Когда разразилась империалистическая война 1914 года и ложные вожди рабочего класса в Германии толкнули трудовые массы под разбойничьи знамена кайзера Вильгельма, Карл Либкнехт вместе с Розой Люксембург смело подняли голос против войны. Они оба погибли от руки подлых наемных убийц за то, что признали наше дело, как глубокую истину.

В Германии в этот печальный момент еще властно царили мелко-буржуазные настроения, которые всегда характеризуются и порождаются ограниченностью кругозора и тусклостью мысли широких масс. Но такие люди, как Карл Либкнехт, не гибнут в душной атмосфере общественной слякоти,—они прорезывают ее своим ярким, живительным, пробуждающим светом. Дело Либкнехта, его знаменитые огненные речи, его героическая биография—лучшее воспитательное чтение для рабочей молодежи.

И в день праздника Коммунистического Интернационала молодежи мы говорим: Карл Либкнехт погиб только физически. Но он живет среди нас! Он живет в нашем сознании; в нас бьется его могучее, горячее, революционное сердце; мы продолжаем и будем продолжать начатое им, но из-за предательского удара убийцы не оконченное дело.

От нищеты—к коммунизму!

Карл Либкнехт завещал нам осуществить идею коммунизма. Коммунизм—это равенство, это—равномерное распределение всех жизненных благ между всеми. Но коммунизм—это не голод; коммунизм не основан на урезывании личности, а на улучшении, совершенствовании и украшении человеческой жизни. Коммунизм—это равенство всех жизненных благ, равенство богатства, а не равенство нищеты.

У нас, в России, коммунизма еще нет. Есть только—всероссийское раззорение. И из этого раззорения мы должны выйти

как можно скорее. Для этого нужно величайшее напряжение, и это напряжение мы найдем в себе, мы найдем его в избытке в трудящейся молодежи.

Впереди еще во всем мире предстоит напряженная и жестокая революционная борьба. Мы уже оставили главные испытания позади. Правда, у нас еще есть фронт гражданской войны, но эта война уже близится к концу. К весне мы, может быть, ее закончим. Для того, чтобы прочнее существовать, чтобы служить источником силы для поднимающих революцию наших товарищей в Западной Европе и во всем мире — мы должны теперь работать, мы должны преодолеть разруху и все невзгоды.

На трудовой фронт!

Вы, рабочее юношество, с вашим вождем, Российским Коммунистическим Союзом Молодежи, должны тут занять почетное место. В каждую трудовую роту, в каждый рабочий батальон ваш Союз должен дать пять-шесть своих членов, чтобы действовать на организующиеся рабочие единицы изнутри, чтобы всему составу рабочей роты, трудового отряда привить сознание необходимости напряженной работы на пользу Республики,— во имя спасения всех завоеваний нашей революции, во имя обеспечения революции всемирной.

Все рассыплется, все пойдет у нас на смарку, если мы не укрепим фундамента рабоче-крестьянской революции,—хозяйства! Восстановление нашей хозяйственной жизни — это высокое, славное служение революции, это служение Третьему Коммунистическому Интернационалу, это лучшее служение Интернационалу молодежи.

Не только агитацией, не только просветительной работой, но и топором, и молотом, киркой и лопатой вы должны учить массы. Вы должны подавать пример энергичной самоотверженной работы, революционного энтузиазма и твердой решимости во что бы то ни стало поднять хозяйственную мощь нашей советской страны. В нашу героическую эпоху все должны быть героями; героев винтовки должны сменить герои молота, герои топора, великие герои производительного, творческого труда.

Революционное подвижничество.

Недавно наш великий художник Максим Горький отметил новые дуновения в нашей великой стране, колоссальный сдвиг в сторону нового невиданного подвига. Когда мы сражались,—в стане врагов многие думали, что, если мы победим контр-революцию, то у нас погибнет культура, у нас погибнут все завоевания техники и пытливой человеческой мысли, что мы сами погибнем при первом столкновении с врагом, вооруженным силой культуры. Но наша всеобщая готовность сражаться с разрухой, этот великий революционный энтузиазм, эта непреодолимая энергия и воля к производительной работе, которые охватили всех трудящихся Советской России,—все это служит порукой тому, что никакие столкновения нам не страшны. Не боимся мы и упадка духа, спада той революционной волны, которая бушует на трудовом фронте. Если до этого момента никакие бедствия не сломили духа рабочего класса, то и теперь ничто не сломит его.

Мне приходилось бывать на многих собраниях. Но когда я в этом театре увидел две тысячи юных, почти детских голов, то я сказал себе:

— Нет, наше дело твердо!

ДОКЛАД НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ

(14 июля 1921 г.)

Товарищи, Третий Конгресс Коминтерна, если постараться выразить его значение в краткой формуле, войдет, вероятно, в историю рабочего движения под названием высшей школы революционной стратегии. Первый конгресс нашего Коммунистического Интернационала подал сигнал к собиранию сил мировой пролетарской революции. Второй конгресс выработал программные основания для мобилизации этих сил. Третий конгресс уже встретился на своих заседаниях с этими силами, связал их воедино и оказался, таким образом, перед важнейшими практическими вопросами революционного движения. Вот почему третий конгресс стал, как я выразился, высшей школой революционной стратегии. Им был с самого начала поставлен вопрос: правильна ли была основная позиция Коминтерна на его Первом и Втором конгрессах, — и после глубокого и всестороннего исследования исторических фактов и тенденций— ибо факты сами по себе, вне исторических тенденций, не имеют большого значения—конгресс пришел к заключению, что эта позиция была правильна, что мы находимся в периоде развития мировой революции.

После войны буржуазия обнаружила полную неспособность восстановить равновесие факторов экономического развития, т. е. самые основы своего существования. Все ее внимание было направлено на то, чтобы удержать равновесие классов, и с большим трудом ей удалось в течение трех последних лет удержать это неустойчивое равновесие классов и государственной надстройки. Третий конгресс и обратил внимание всех борцов Интернационала на то, что в вопросе о темпе, разви-

тия необходимо различать между экономическими факторами, как глубочайшими основами общества, и такими второстепенными факторами, как политика, парламентаризм, пресса, школа, церковь и т. д. Не следует обольщаться иллюзией, что класс, оказавшийся исторически несостоятельным в экономическом смысле, в тот же самый момент и, так сказать, автоматически теряет орудия своего господства. Нет, наоборот, исторический опыт учит нас, что когда господствующий класс, державший в своих руках власть в течение столетий, оказывается перед опасностью утраты власти, инстинкт власти обостряется у него до чрезвычайности, что как раз в эпоху экономического упадка того общественного строя, который установился при господстве этого класса, господствующий класс обнаруживает величайшую энергию, величайшую стратегическую мудрость для удержания своего политического положения. Это кажется противоречием тем марксистам, которые понимают марксизм механически или, как говорится, метафизически; для них тут в самом деле есть противоречие. Иначе обстоит дело для тех, кто понимает историю в ее внутренней подвижной логике, во взаимодействии ее различных факторов — в воздействиях экономической базы на класс, класса на государство, государства в свою очередь на класс и класса на экономическую базу. Для всякого, не прошедшего школу подлинного марксизма, всегда будет непонятно, каким образом буржуазия, превратившись из руководящего экономического класса, правда, эксплоатирующего, но вместе с тем и организующего, в совершенно паразитическую, в глубочайшем смысле слова контр-революционную силу,—как эта самая буржуазия оказывается в то же самое время вооруженной всеми средствами и методами классовой борьбы, от лицемернейшей демократической фразеологии до самого насильнического кровавого подавления рабочего класса. Многие из нас представляли себе задачу свержения буржуазии гораздо проще, чем это сейчас оказывается на деле. Перед нами полусгнившее дерево—чего, казалось бы, проще свалить его? Но нет, с такими образами не далеко уйдешь в текучей области социальных явлений. Сосредоточив в последний период все свои усилия не столько на восстановлении экономической основы, сколько на восстановленнии равновесия классов, буржуазия в политическом и стратегическом смысле достигла очень серьезных успехов. Это факт и факт весьма отрадный для революции.

Если бы буржуазия восстановила самый фундамент своего господства или сделала бы хотя один шаг вперед в этом направление, тогда бы нам пришлось сказать: да, ей удалось восстановить основы своего классового господства. Это было бы, разумеется, крайне печально для дальнейшего развития революции. Но оказывается, что это не так, что, напротив, все усилия буржуазии, вся энергия, проявленная ею для удержания классового равновесия, неизменно проявляется ею за счет той экономической почвы, на которой она стоит, за счет хозяйственной базы.

Рабочий класс и буржуазия стоят, таким образом, на такой почве, которая делает нашу победу неизбежной—не в астрономическом смысле, конечно, как неизбежен закат или восход солнца, а в историческом, в том смысле, что если мы не одержим победы, то все общество и вся человеческая культура будут обречены на гибель. Этому нас учит история. Так погибла древняя римская цивилизация. Класс рабовладельцев оказался неспособным руководить дальнейшим развитием. Он превратился в совершенно паразитический и разлагающийся класс. Никакого другого класса на смену ему не было, и древняя цивилизация погибла. Аналогичные явления мы видели и в новой истории, например, упадок Польши в конце XVIII века, когда господствующий феодальный класс отжил свой век, а буржуазия была еще недостаточно сильна, чтобы захватить государственную власть. В результате польское государство пало. Как борцы революции, мы убеждены, и об'ективные факты говорят за нас, что мы, как рабочий класс, как Коммунистический Интернационал, спасем нашу цивилизацию, созданную в течение веков сотнями поколений, и не только спасем, но и поднимем на гораздо болеее высокую ступень развития. Но, говоря чисто теоретически, не исключена и возможность, что буржуазия, вооруженная своим государственным аппаратом и всем накопленным опытом, будет бороться против революции до тех пор, пока не высосет из современной цивилизации все ее живые соки и не ввергнет современное человечество на продолжительный период в состояние распада и гниения.

Всем предыдущим я хочу сказать, что стоящая перед рабочим классом задача свержения буржуазии не механическая задача. Это задача, для выполнения которой нужны революционная энергия, политическая мудрость, опыт, широта кругозора,

решимость, горячая кровь, но вместе с тем и трезвая голова. Это—политическая, революционная, стратегическая задача. Мы видели партию, которая как раз за последний год дала нам в этом отношении очень поучительный урок. Я говорю об итальянской социалистической партии, официальный орган которой называется „Аванти“, т. е. „вперед“. Не исследовав всего комплекта тактических вопросов борьбы и победы, не представив себе конкретную обстановку этой борьбы, итальянская партия вела общую революционную агитацию, подгоняя рабочих: аванти! вперед! Рабочий класс Италии доказал, что в его жилах течет довольно горячая кровь. Все лозунги партии он принял в серьез, пошел вперед, завладел фабриками, заводами, шахтами и т. д. Но очень скоро он был вынужден сделать страшное отступление и при этом на целый период совершенно отделился от партии. Партия предала его — не в том смысле, чтобы в итальянской социалистической партии сидели сознательные предатели, нет, этого никто бы не сказал, но там сидели реформисты, которые по всему своему духовному укладу были враждебны действительным интересам рабочего класса. Там сидели центристы, не имевшие и не имеющие никакого понятия о внутренних потребностях подлинно революционного рабочего движения. Благодаря этому вся партия была превращена в орудие совершенно абстрактной и довольно поверхностной революционной агитации. Но рабочий класс был вынужден своим положением принять эту агитацию в серьез, он сделал из нее крейне революционные выводы и в результате потерпел жестокое поражение. Здесь, значит, обнаружилось полное отсутствие тактики в широком смысле этого слова или, выражаясь по военному, стратегии. И вот, можно себе представить, — разумеется, чисто теоретически, отнюдь не подсовывая этой мысли нашей великолепной молодой коммунистической партии Италии—можно, говорю я, представить себе, что эта партия скажет: после такого страшного поражения, после такого предательства со стороны старой социалистической партии, мы, коммунисты, действительно готовые на крайние выводы, должны добиться немедленно революционного реванша, должны сегодня же увлечь за собой рабочий класс в наступление против твердынь капиталистического общества.

Третий конгресс теоретически и практически обсудил этот вопрос и сказал: если бы теперь, тотчас же после поражения,

вызванного предательством социалистической партии, Коминтерн поставил итальянской коммунистической партии задачу немедленно перейти в наступление, то он сделал бы роковую стратегическую ошибку, ибо для решительного боя нужна соответствующая подготовка. Подготовка, товарищи, состоит не в том, чтобы в течение десятилетий собирать деньги в партийную кассу, подсчитывать число абонентов почтенной социал-демократической прессы и т. д. Нет, подготовка, особенно в такую эпоху, как наша, когда настроение масс быстро меняется и повышается, требует не десятилетий, быть может, даже не годов, а всего лишь месяцев. Предсказывать сроки вообще очень плохое занятие, но одно во всяком случае ясно: когда мы говорим о подготовке сейчас, то это имеет совсем другое значение, чем в органическую эпоху постепенного экономического развития. Подготовка обозначает для нас создание таких условий, которые обеспечили бы за нами сочуствие широких масс. От этого фактора мы не можем отказаться ни при каких уловиях. Заменить волю массы решимостью так называемого авангарда, эта мысль совершенно не допустимая и не марксистская. Через сознание и волю авангарда можно подействовать на массы, можно завоевать их доверие, но заменить их этим авангардом невозможно. И поэтому Третий Конгресс в качестве важнейшей и неотложнейшей задачи постановил перед всеми партиями требование о привлечении на нашу сторону большинства трудового народа.

Тут указывали, что т. Ленин в одной из своих речей на конгрессе сказал: и маленькая партия может при известных условиях увлечь и повести за собой большинство рабочего класса. Это совершенно верно. Революция представляет собой сочетание об'ективных, независимых от нас факторов, которые являются важнейшими, и факторов суб'ективных, более или менее зависящих от нас. История не всегда, вернее, почти никогда не действует таким образом, чтобы сначала подготовить об'ективные условия, в роде того, как сначала накрывают на стол, а затем приглашают к столу господ,—она не выжидает того момента, когда соответствующий класс, в нашем случае—пролетариат, сорганизуется, прояснит свое сознание и закалит свою волю, чтобы затем любезно пригласить его совершить революцию на основе этих социально-экономически созревших условий. Нет, дело происходит иначе. Об'ективная необходи-

мость революции может быть уже вполне налицо. Рабочий класс— мы говорим только о нем, потому что сейчас нас интересует только пролетарская революция—может, однако, быть еще не вполне подготовленным, а коммунистическая партия может, конечно, охватить только незначительное меньшинство рабочего класса. Товарищи, что же произойдет? Произойдет очень длительная и кровавая революция, и уже в ходе революции партия и рабочий класс должны будут наверстать то, чего им не хватало в начале.

Таково настоящее положение. И поэтому, если верно—а это верно,—что при известных условиях и небольшая партия может стать руководящей организацией не только рабочего движения, но и рабочей революции, то лишь в том случае, когда эта небольшая партия ощущает свою малочисленность не как преимущество, а как величайшее несчастье, от которого нужно избавиться как можно скорее.

На Конгрессе присутствуют некоторые товарищи, представляющие самые маленькие партии, напр. Коммунистическую Рабочию Партию Германии. Эта партия революционна, даже весьма революционна, в этом мы не сомневаемся нисколько. И если бы революция заключалась в том, чтобы К. Р. П. Г. проявила в действии свою превосходную революционную волю, если бы этой демонстрации было достаточно, чтобы поставить на колени германскую буржуазию, то революция уже давно была бы совершившимся фактом. Но демонстративного выступления одной революционной секты недостаточно. Представители К. Р. П. Г. говорили, что и т. Ленин признал, что небольшая партия может подняться до руководящей роли. И это действительно так. Но эта партия не должна быть в таком случае маленькой сектой, которая борется против гораздо большей революционной партии, против партии рабочего класса, и которая в своей малочисленности усматривает большое историческое преимущество. Такая партия никогда не может стать руководящей партией рабочего класса. В этом существо дела.

Итак, Третий Конгресс об'явил задачей момента подготовку. При этом он был вынужден шепнуть, а иногда и крикнуть некоторым группам и некоторым товарищам: поддайтесь несколько назад, проделайте стратегическое отступление, чтобы, задержавшись на определенной политической линии, подготовиться к действительному наступлению. В самом деле, това-

рищи, этот совет, превратившийся в постановление, был необходим? Или это, может быть, уже начало падения Третьего Интернационала, как то кажется некоторым? Мне думается, что была крайняя необходимость дать этот совет некоторым группам, организациям и товарищам, ибо, повторяю, у некоторых групп—я говорю не только о К. Р. П. Г., но и о более крупных партиях и о тенденциях внутри больших партий — была видна действительная воля к революции, что давно уже не наблюдалось в Западной Европе. В этом отношении от первого к третьему конгрессу мы должны констатировать громадный, колоссальный шаг вперед. Мы имеем большие партии с ярко выраженной волей к революционной деятельности, да без такой воли и нельзя сделать революцию—в том смысле, в каком вообще партия может сделать революцию. Но представление о методах этой революции было у некоторых групп, у некоторых литераторов и даже у некоторых вождей слишком упрощенное. Вам известно, быть может, что была выставлена теория так называемого наступления. В чем заключается эта теория? А вот в чем: мы вступили в эпоху разложения капиталистического общества, другими словами, в эпоху, когда буржуазия должна быть свергнута. Как? Наступлением рабочего класса. В таком, совершенно отвлеченном виде, это несомненно верно. Но вот этот теоретический капитал некоторые захотели превратить в соответствующую мелкую монету, и заявили, что наступление состоит из последовательного ряда наступлений. Так возникла теория, самым ярким выразителем которой явился венский журнал „Коммунизм“,—теория чистого наступления в виду революционного характера эпохи.

Товарищи, сравнением политической борьбы рабочего класса с военными действиями слишком злоупотребляли. Но до известной степени тут можно говорить о сходстве. В гражданской войне неизбежно должна была победить одна из двух сторон, ибо гражданская война отличается от национальной тем, что в этой последней возможен компромисс, можно оставить врагу часть территории, заплатить ему контрибуцию, заключить с ним сделку, но в гражданской войне это невозможно. Тут должен победить тот или другой класс во что бы то ни стало. Советская Россия была окружена контр-революцией, и, значит, наша стратегия по необходимости должна была заключаться в победоносном наступлении. Мы должны были освободить нашу пе-

риферию от контр-революции. Но когда мы теперь вспоминаем историю нашей борьбы, мы видим, что мы довольно часто терпели поражения. В военном отношении и мы имели наши мартовские дни, говоря по-немецки, наши сентябрьские дни, говоря по-итальянски. Что же происходит после частичного поражения? Наступает некоторое разложение военного аппарата, некоторая потребность в передышке, потребность ориентироваться и точнее взвесить взаимные силы, пополнить убыль и внушить массе сознание необходимости нового наступления, новой борьбы. Все это иногда бывает возможно только при условии стратегического отступления. Солдатам—в особенности если это солдаты сознательной революционной армии — прямо так и говорят: мы должны отдать такие - то пункты, такие - то города и области и уйти за Волгу, чтобы там в течение трех - четырех недель, а то и нескольких месяцев, укрепиться, реорганизоваться, пополнить убыль и затем уже перейти в новое наступление. Должен признаться, что в первый период нашей гражданской войны мысль об отступлении всегда была для нас всех очень мучительна и производила на солдат угнетающее действие. Отступление есть движение; сделать ли десять шагов вперед или десять шагов назад, это всецело зависит от требования момента. Для победы иногда необходимо движение вперед, иногда движение назад.

Но для того, чтобы это как следует понять, чтобы усмотреть в движении назад, в отступлении, составную часть единого стратегического плана, для этого нужен некоторый опыт. Если же, рассуждая совершенно абстрактно, настаивать всегда на движении вперед, если не ломать себе головы над стратегией, полагая, что все можно заменить напряженной революционной волей, то что получится в результате? Возьмем, например, сентябрьские события в Италии или мартовские в Германии. Нам говорят, что положение в этих странах может быть восстановлено только новым наступлением. В мартовские дни—я говорю это совершенно открыто—за нами было не больше одной пятой или шестой части рабочего класса, и мы потерпели поражение — в чисто практическом смысле: мы не завоевали власть—впрочем, партия и не ставила себе этой задачи — мы не парализовали и контр-революцию. Бесспорно, это практическое поражение. Но если теперь, согласно изложенной теории наступления, мы скажем: исправить положение может только

новое наступление, то — чего мы этим добьемся? Тогда за нами будет уже не одна шестая часть, а лишь оставшиеся боеспособными части этой шестой части рабочего класса. Ведь после поражения всегда наблюдается некоторая подавленность, конечно, не навсегда, но все же на некоторое время. При таких условиях мы потерпели бы еще более глубокое и гораздо более опасное поражение. Нет, товарищи, после такого поражения мы должны отступить. В каком смысле? В самом простом. Мы должны сказать рабочему классу: да, товарищи, на основании фактов мы убедились, что в этой борьбе за нами только одна шестая. Но нас должно быть по крайней мере 4/6, т. е. 2/3, чтобы серьезно думать о победе, а для этого мы должны развить и сберечь те духовные, материальные и организационные силы, которые соединяют нас с классом. С точки зрения наступательной борьбы это означает стратегическое отступление в целях подготовки. Называть ли это полевением или поправением, этот вопрос совершенно не интересен, это зависит исключительно от того, что понимать под этими словами. Если под левизной понимается формальная готовность в любой момент двигаться вперед и применять самые острые формы борьбы, то это, конечно, означает поправение. Но если слова „левая партия", „левые тенденции" понимать в более глубоком историческом смысле, в смысле движения, которое ставит себе величайшую задачу эпохи и выполняет ее наилучшими средствами, то это будет шагом вперед в направлении левой, революционной тенденции. Но не будем заниматься этой словесной схоластикой. Кто цепляется за слова и говорит, что Конгресс сделал шаг вправо, от того мы требуем, чтобы он дал нам вполне точное определение того, что он понимает под правым и левым.

Мне незачем останавливаться на том, что некоторые весьма остроумные товарищи выставили гипотезу, по которой главными виновниками нынешнего „поправения" являются русские, потому что русские вступили теперь в торговые сношения с западными государствами и крайне заинтересованы в том, чтобы эти сношения не были нарушены европейской революцией и другими неприятностями. Я сам не слыхал этой гипотезы, так сказать, из первых рук, но злые языки уверяют, что нашлись и такие теоретики исторического развития, которые свою верность духу Маркса простирают до того, что и для русского

поправения ищут экономических оснований. Мне кажется, товарищи, что они забрели в тупик. Ибо оставаясь на чисто материальной почве мы, разумеется, должны будем признать, что революция в Германии, во Франции, в Англии принесет нам величайшую пользу, потому что наши довольно вялые торговые сношения с Западом никогда не дадут нам такой поддержки, какую мы могли бы получить от победоносной пролетарской революции. Эта последняя прежде всего освободила бы нас от необходимости содержать миллионную армию в нашей экономически столь разрушенной стране, и одно это обстоятельство принесло бы нам величайшее облегчение и вместе с тем возможность экономического восстановления.

Итак, эта гипотеза решительно никуда не годится и в этом отношении ничем не отличается от другого утверждения, согласно которому Русская Коммунистическая Партия будто бы настаивала в марте на том, чтобы в Германии искусственно была вызвана революция — для того, чтобы помочь Советской России справиться со своими внутренними затруднениями. Утверждение столь же нелепое, ибо частичная революция, восстание в одном каком-нибудь государстве решительно не могут нам помочь. Мы страдаем от распада производительных сил в результате империалистической и гражданской войны и блокады. Помочь нам может только присылка крупных вспомогательных технических сил, образцовых квалифицированных рабочих, паровозов, машин и т. д.—но ни в коем случае не частичные и безуспешные восстания в том или другом государстве. Что Советская Россия может продержаться и развиваться только при наличности мировой революции, об этом, товарищи, вы можете прочесть совершенно точно во всем, что мы когда-либо писали. Вы можете убедиться, что 15 лет тому назад мы писали, что в силу внутренней логики классовой борьбы в России русская революция неизбежно приведет к власти русский рабочий класс, но что эта власть сможет удержаться и укрепиться в форме победоносной социалистической диктатуры только в том случае, если она станет исходным пунктом и составной частью интернациональной мировой революции пролетариата. Эта истина сохраняет свою силу и поныне. И поэтому Россия, как и всякая другая страна, может быть заинтересована только во внутреннем логическом развитии революционных сил пролета-

риата, а никак не в искусственном ускорении или замедлении революционного развития.

Некоторые товарищи выразили опасение, что такой постановкой вопроса мы льем воду на мельницу как раз центристских, пассивных элементов в рабочем движении. И эти опасения кажутся мне совершенно неосновательными. Ибо, во-первых, основы нашей деятельности остаются те же, которые на Первом Конгрессе были установлены, на Втором — получили подробное теоретическое развитие, на Третьем—были подтверждены, расширены и наполнены конкретным содержанием. Эти основы определяют всю деятельность Коммунистического Интернационала. Если в эпоху Первого и Второго конгрессов мы осудили реформистские и центристские тенденции теоретически, то теперь этого уже недостаточно: теперь мы должны выработать революционную стратегию, чтобы преодолеть эти осужденные нами тенденции практически. В этом сущность вопроса. И в этом отношении некоторые коммунисты представляют себе дело слишком просто и потому неверно, воображая, будто революционный результат может быть достугнут беспрестанным повторением, что мы остаемся непримиримыми врагами всяких центристских тенденций. Конечно, мы ими остаемся. Всякий шаг на пути к примирению с пассивистическими тенденциями центризма и реформизма означал бы полный распад всего движения. Вопрос не в этом, а в том, как мы должны действовать, чтобы теоретически и организационно отмежеваться от всех центристских тенденций, где бы они появлялись. Это азбука. Спорить об этом внутри Коммунистического Интернационала было бы смешно. Разногласия могут возникнуть только в вопросе о том, следует ли выбросить из той или другой партии эти центристские элементы сегодня же, или целесообразнее выждать, дав им возможность развиться в революционном направлении. Подобные практические разногласия неизбежны во всякой живой партии. Но принципиальное признание необходимости вести смертельную борьбу с центризмом является предпосылкой для революционного развития сил коммунистической партии и рабочего класса. Тут нет вопроса. Считать это вопросом, стоящим на одной линии с практическими вопросами революционной стратегии, может только тот, кто еще не до конца понял, в чем собственно состояло ядро революционных вопросов Третьего Конгресса.

Наши противники из центристского лагеря постараются, конечно, обратить в свою пользу сказанное нами. Они скажут: смотрите, там-то и там-то был выкинут лозунг решительного наступления, а теперь Третий Конгресс провозгласил необходимость стратегического отступления. Естественно и неизбежно, что из каждого движения одной стороны противная сторона стремится извлечь пользу для себя. Так же обстоит дело и в настоящей войне. Когда во время гражданской войны Деникин или Колчак отступали, мы всегда писали в наших агитационных листках: смотрите, он не перешел Волгу, а отступил к Уралу. Мы писали это для того, чтобы поднять настроение борцов. Но если на том основании, что наш противник истолкует наше движение как отступление, мы заключили бы, что мы не должны двигаться туда то, то это значило бы пожертвовать важнейшим ради второстепенных формальных соображений.

Я отдаю себе полный отчет в том, что защищать стратегию временного отступления на Конгрессе Молодежи чрезвычайно трудно. Ибо если кто-нибудь сознает свое право и внутреннюю необходимость вести наступление, то это, конечно, молодое поколение рабочего класса. Если бы это было не так, то наши дела были бы совсем плохи. Но я думаю, товарищи, что именно вам, молодому поколению, предназначено судьбою совершить революцию. Настоящая революция может развиваться еще годы и десятилетия. Не в том смысле, чтобы подготовка к решительной битве в Германии продолжалась десятилетия, нет,—но там может произойти то же самое, что было у нас в России. В силу исторических условий победа досталась нам очень легко, но затем в течение трех лет мы были вынуждены непрерывно вести гражданскую войну, и теперь мы еще вовсе не уверены, что нам не грозит война на Дальнем Востоке с Японией или на Западе,—не потому, что мы хотим войны, а потому, что империалистическая буржуазия меняет свои методы. Сначала она боролась с нами военными методами, потом вступила с нами в торговые сношения, а теперь может опять прибегнуть к военному оружию. Как будут развиваться события в Германии и Франции, сказать довольно трудно, но что буржуазия не сдастся сразу, это вне всякого сомнения, и что революция когда-нибудь победит во всей Европе и во всем мире, это также не подлежит сомнению.

Перспективы революции необозримы, и конечный фазис борьбы может растянуться на десятилетия. Что это означает? То, что именно молодое поколение, именно вы, присутствующие здесь, призваны историей довести до конца нашу борьбу. Может быть, и для ваших детей останется еще работа: не забудем, что великая французская революция, со всеми своими последствиями, продолжалась несколько десятилетий.

Таким образом, вопрос о тактическом воспитании коммунистической молодежи получает первостепенную важность. В наше время молодое поколение должно созревать очень рано, потому что изнашивание человеческого материала происходит чрезвычайно быстро. Это мы наблюдаем у нас в России, это наблюдается и в Германии; и чем дальше, тем это явление будет становиться очевиднее. Поэтому крайне важно, чтобы Интернационал Молодежи относился с величайшей серьезностью к тактическим вопросам (как это и происходит), чтобы он исследовал и критиковал нашу тактику, даже, если угодно, находил ее недостаточно левой, но чтобы он видел в ней не проявление случайных настроений одной партии или группы, а рассматривал бы ее в связи со всей совокупностью задач революционного движения. По поводу нашей резолюции об организационных вопросах кто-нибудь мог бы сказать: „посмотрите, здесь сказано, что необходимо увеличивать число абонентов коммунистических газет и вербовать в рабочих кварталах корреспондентов и сотрудников для коммунистической печати. Здесь сказано, что необходимо работать над расширением организаций, над укреплением коммунистических ячеек в профсоюзах. Разве это не мелочная работа, страшно напоминающая работу социал-демократических партий до войны“. Да, это так, если вырвать этот вопрос из его исторической связи, если не понимать, что мы живем в такую эпоху, которая революционна по своему об‘ективному содержанию, что мы представляем рабочий класс, который с каждым днем все больше убеждается, что только путем революции он может обеспечить себе элементарнейшие условия существования. Но если забыть все это, а также то, что мы находимся в смертельной борьбе с социал-демократами и центристскими партиями и группами за влияние на рабочий класс, тогда, конечно, получится совершенно искаженное представление о тенденциях, тактике и организационных принципах Третьего Конгресса.

Мы сейчас достаточно зрелы, чтобы не определяться во всех наших действиях нашей формальной противоположностью реформистам и центристам. Революционная задача стоит сейчас перед нами, как задача практическая. Мы спрашиваем себя: как мы должны вооружиться, какую линию занять, на какой линии задержаться для обороны, в какой момент перейти в наступление. Мы расширяем наши организации. Происходит ли это в области газетного дела или даже парламентаризма, это сейчас имеет значение лишь постольку, поскольку создает условия для победы революционного восстания. В самом деле, как могли бы мы в бурную эпоху массовых пролетарских восстаний обеспечить единство идеи и лозунгов, не имея широко разветвленных организаций корреспондентов, сотрудников и читателей революционных газет? И если для социал-демократической партии абоненты и корреспонденты ее газет важны, как условие ее парламентских успехов, то для нас, коммунистов, та же самая организация имеет значение практической предпосылки для победы революции.

С этой высшей точки зрения, товарищи, Третий Конгресс является громадным шагом вперед по сравнению с Первым и Вторым Конгрессами. Тогда, особенно в эпоху Первого Конгресса, можно было надеяться, что государственный аппарат буржуазии настолько расстроен войной, что мы сможем сокрушить буржуазное господство одним стихийным революционным натиском. Если бы это случилось, мы бы, разумеется, могли бы только поздравить себя с этим. Но этого не случилось. Буржуазия с'умела выдержать натиск стихийного революционного движения масс. Она удержала свои позиции, восстановила свой государственный аппарат, прибрала к рукам армию и полицию. Таков неоспоримый факт, и он ставит нас перед задачей опрокинуть этот восстановленный государственный аппарат путем продуманного и организационного революционного наступления—наступления в историческом смысле этого слова, который включает в себя и временные отступления и остановку для дальнейшей подготовки.

В применении всех возможных методов борьбы и заключается задача коммунистической партии. Если бы в этом не было необходимости, если бы пролетариат мог свергнуть буржуазию одним только бурным натиском, то коммунистическая партия вообще была бы не нужна. И то, что эта задача по-

ставлена теперь, как практическая задача в мировом масштабе, и что Третий Конгресс после продолжительных и довольно страстных дебатов пришел к единодушному определению этой задачи,—это, товарищи, величайший факт нашей эпохи, факт существования интернациональной коммунистической рабочей партии, которая практически разрабатывает и единогласно принимает стратегический план для уничтожения буржуазного общества. И если вы кое-чем недовольны—на мой взгляд, неосновательно—то вы, во всяком случае, должны включить ваше недовольство в рамки этого великого факта, этой великой победы. Тогда критика со стороны Интернационала Молодежи будет не тормозящим, а прогрессивным фактором.

Возможно, что уже в будущем году произойдут величайшие решающие битвы. Возможно, что период подготовки в главнейших странах будет продолжаться до следующего конгресса. Предсказать заранее сроки политических событий невозможно. Третий Конгресс был высшей школой стратегической подготовки—может быть, Четвертый Конгресс подаст сигнал к мировой революции. Этого мы пока не знаем, но что мы сделали большой шаг вперед, что мы все вернемся с этого конгресса более зрелыми, чем явились на него, это совершенно ясно, и не для меня одного, надеюсь, а для всех. И когда дело дойдет до великих битв, в этих битвах очень большую роль будет играть молодежь. Вспомним Красную Армию, в которой не только политически, но и в чисто военном смысле молодежь играла решающую роль. В самом деле, что такое Красная армия, товарищи? Красная Армия не что иное, как вооруженная и организованная молодежь России. Что же мы делали, когда должны были итти в наступление? Мы апеллировали к организациям молодежи, и эти организации выполняли мобилизацию. Сотни и тысячи молодых рабочих и крестьян приходили к нам, и мы включали их, как ячейки, в наши полки. Так был создан дух Красной Армии. И если мы будем иметь такую же молодежь в Коммунистическом Интернационале—а мы будем ее иметь,—если в дни решительных боев она вольется в наши ряды организованными полками, тогда то, что сейчас разделяет вас с „большим“ Интернационалом—не столько по духу, сколько по настроению—вы сможете использовать на благо рабочего движения.

Товарищи, в самые страшные дни русской революции, когда Юденич стоял под Петроградом, и в тяжелые дни Кронштадта, когда эта крепость едва не сделалась крепостью французского империализма против Петрограда, русская рабоче-крестьянская молодежь спасла революцию. В буржуазных газетах вы можете прочесть о том, что против Юденича и Кронштадта мы пустили в ход китайские, калмыцкие и т. д. полки. Это, разумеется, ложь. Мы пускали в ход нашу молодежь. Наступление на Кронштадт было, в самом деле, символично. Кронштадт, как сказано, уже был готов перейти в руки французского и английского империализма. Еще два-три дня—и Балтийское море освободилось бы ото льда, и в Кронштадтский и Петроградский порты вошли бы иностранные империалистические военные суда. Если бы мы были вынуждены затем отдать Петроград, то это открыло бы дорогу на Москву: между Петроградом и Москвой почти нет опорных пунктов для обороны. Таково было положение. К кому же мы обратились? Кронштадт со всех сторон окружен морем, а море было покрыто льдом и снегом. Приходилось по льду и по снегу наступать с открытой грудью против крепости, которая была в достаточной мере снабжена пушками и пулеметами. Мы обратились к нашей молодежи, к тем рабочим и крестьянам, которые получают военное образование в наших военных школах. И они ответили на наш призыв бодрым „мы здесь“ и пошли против пушек и пулеметов Кронштадта с открытой, не защищенной грудью. И как прежде, перед Петроградом, так теперь на льду Балтийского моря можно было видеть много, много трупов молодых русских рабочих и крестьян. Они сражались за революцию, за то, чтобы мог быть созван настоящий Конгресс. И я уверен, что революционная молодежь Европы и Америки, гораздо более образованная и развитая, чем наша, в нужную минуту проявит не меньше, а гораздо больше революционной энергии, и от имени русской Красной Армии я говорю: да здравствует Интернациональная роволюционная молодежь—Красная Армия мировой революции!

(Перевод с немецкого И. Р.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА II КОНГРЕССЕ КОМИНТЕРНА МОЛОДЕЖИ

(14 июля 1921 г.)

Товарищи, наиболее тяжкие упреки были сделаны Третьему Конгрессу делегатами итальянского комсомола и партии. Упреки эти направлялись, главным образом, против резолюции Конгресса относительно итальянской социалистической партии. Тт. полагают, что эта резолюция запутывает положение в Италии, затуманивая сознание итальянских рабочих и не давая никаких практических результатов для будущего. По мнению т. Транквилли, от итальянской социалистической партии нечего ждать, потому что не только ее вожди—пацифисты и реформисты, но и идущие за ними массы не революционны. Я думаю, что такой взгляд на итальянскую социалистическую партию в корне ложен Эта партия, бывшая прежде единой, раскололась, как известно, на три крыла: на реформистов — около 14 тысяч, об'единенных—около 100 тыс. и коммунистов—около 50 тысяч. Т. Транквилли говорит, что социалистическую партию покинуло около 40 тысяч членов, так что сейчас она насчитывает в своих рядах не более 60 тысяч человек, из которых половину составляют члены муниципальных советов. Я не знаю, насколько эти цифры точны; последнее число мне кажется сомнительным.

Я спрашиваю себя: почему эта партия послала свою делегацию в Москву? Ее вожди—оппортунисты, идущие за ней массы—также. Правда, партия принадлежала к Коммунистическому Интернационалу. Но в сентябре прошлого года она заняла реформистскую позицию. Исполнительный Комитет Коминтерна заявил, что в Италии только коммунистическая партия является секцией III Интернационала. Таким образом, социалистическая партия сама исключила себя из его рядов. Серрати и его друзья не сомневались, что третий конгресс подтвердит решение Исполнительного Комитета, и все-таки они посылают на этот конгресс делегатов. К этому следует прибавить, что в правлении социалистической партии реформисты играют сейчас еще более значительную роль, чем до раскола. Реформистские вожди, Туратти и Тревес, приобретают сильное влияние в социалистических партиях. Они вступают в переговоры с Джиолитти. Социалистическая партия проделывает в этот период определенную эволюцию вправо. Ее парламентская фракция становится еще более реформистской, чем она была до последних выборов. Турати, истинный вождь и вдохновитель партии, начинает преследовать издевательством и клеветами Коммунистический Интернационал.

Как же об'яснить тот факт, что представители этой партии являются в Москву? Об'яснение, данное нашими молодыми итальянскими товарищами, нас не удовлетворяет. Если внепартийная масса относится с таким энтузиаз-

мом к Коммунистическому Интернационалу, что даже толкает социалистов в Москву, то почему она не вступит в Коммунистический Интернационал? Я не понимаю эту слишком зигзагообразную политику итальянских рабочих. Я думаю, что вы ошибаетесь. Итальянский рабочий класс революционен, но его беспартийные массы не обладают достаточной отчетливостью мысли и именно поэтому они не вступают в коммунистическую партию. По этой же причине они не оказывают и достаточно сильного давления на социалистическую партию. Расстояние от Рима до Москвы очень велико. И если вожди партии хотят доказать, что они за Москву, если они считают нужным расточать похвалы Москве, где их, впрочем, не очень горячо принимают, если все это они делают для того, как вы говорите, чтобы обмануть массы, то это доказывает лишь, что сами массы заставляют их итти на это лицемерие—не те массы, которые стоят за коммунистической партией, и не внепартийные массы, а масса рядовых членов самой социалистической партии. Вы приводите статистические данные, вы говорите, что из 100 тыс. членов этой партии только 60 тысяч—трудящиеся, да из них 30 тысяч приходятся на членов муниципальных советов, служащих и т. д. Если эта последняя цифра не преувеличена, то следует признать, что эти служащие, толкающие Лазари и Маффи к Москве, не из худших, и что стоит попытаться привлечь их к нам.

Здесь часто повторялась фраза о том, что перед итальянской социалистической партией дверь осталась открытой. Очевидно, представляют себе, что дверь раскрыта настежь, и всякий может войти в нее. В действительности положение гораздо сложнее. Мы поставили условие: в течение двух—трех месяцев дверь остается закрытой, а затем итальянская социалистическая партия должна созвать партийный с'езд и публично обсудить ряд вопросов. Прежде всего, она должна исключить из своих рядов реформистов. Вы спросите: каких? Это ясно само собой—тех, которые не признают себя коммунистами, которые устроили конференцию в Реджио-Эмилия. Это условие совершенно определенное. Вы знаете лучше, чем я, как велико влияние Турати и Тревеса в итальянской социалистической партии. Если нашим постановлением мы заставим центристские и пацифистские элементы партии отделиться от Турати и Тревеса, то это будет обозначать полную капитуляцию всей партии. Центристские элементы доказали, что у них нет никакой политики, что они могут итти только на поводу—либо у коммунистов, либо у реформистов. Их самой характерной чертой является отсутствие характера. И это особенно характерно для Италии, где революционное движение носит очень стихийный характер.

Когда партии, исключенные из Третьего Интернационала, приходят к нам и говорят: мы хотим вернуться к вам,—мы им отвечаем: если вы готовы признать нашу платформу и изгнать из своей среды политических саботажников, то мы не отказываемся принять вас. Неужели это вас пугает, товарищи? Укажите в таком случае, как другим способом могли бы мы привлечь к себе рабочих, стоящих за этими вождями. Вы говорите: нужно ждать следующего выступления, когда социалистическая партия разоблачит себя очередным предательством, — тогда массы будут за нами. Вы предполагаете, следовательно что итальянская партия не умеет извлекать уроков из опыта; нет необходимости дожидаться очередного предательства, чтобы освободиться от этих суб'ектов. Для того то мы и создали Интернационал, чтобы уберечь итальянский пролетариат от нового сентябрьского испытания, от новых разочарований и

от новых жертв. Именно таков, товарищи, смысл резолюции Третьего Конгресса Коминтерна: мы должны расширить базу наших выступлений, нашей активности.

Тов. Шиллер сказал: нам нужны только активные выступления, только ими мы завоюем массы. Он сказал, что масса создала аппарат революции. Это верно, но в Италии было достаточно выступлений, все последние годы были заполнены в Италии политическими стачками и восстаниями в городах и в деревнях, в армии и т. д. Вся страна была об'ята пламенем мятежа. Но недостаточно беспрестанно повторять слово „активное выступление", необходимо использовать эти выступления для создания почвы под революционными организациями, для отбора наиболее решительных элементов, необходимо все силы направить на подготовку. Но именно это и не было сделано: действия были, но не было подготовки к действиям. Вот чего не хотят понять товарищи.

Тов. Поляно сказал, что нужно было совершенно порвать с реформистскими партиями. Но вот вы сказали, тов. Поляно, что из 100 тыс. социалистической партии осталось только 60. Представьте же себе, что выбывшие 40 тысяч, уйдя из своей партии, не примкнули к вашей. Происшедший в партии раскол настроил их скептически, они выжидают. А те, что остались, делегируют Лазари, Маффи и Рибольди в Москву. Если мы им теперь скажем: мы не хотим вас знать—то, как вы думаете, какое впечатление произведет это на бывших членов партии, на те 40 тысяч, которые стали скептиками? Они заявляют нам о своем желании войти в Интернационал, а мы им отвечаем нет, мы не хотим вас знать. Облегчит ли это вам задачу завоевания рабочих масс для Коммунистического Интернационала? Ни в коем случае. Это только укрепило бы консерватизм рабочей массы, и те же самые члены муниципальных советов образовали бы блок против вас, против Москвы, потому что не принять в Интернационал рабочих, которые хотят войти в него, значит нанести им жесточайшую обиду. Для рабочего вообще, а для итальянской социалистической партии в особенности, характерно то, что рабочий всегда питает доверие к той организации, которая его пробудила и воспитала. Этот организационный консерватизм имеет как свои положительные, так и свои отрицательные стороны. Если мы оттолкнем от себя рабочих, то усилим этим как раз его отрицательные стороны. Нет, такой политикой вы никогда не получите большинство среди итальянского пролетариата. Никогда! Тут в вас говорит сектантский дух, а не революционный.

Тот же итальянский товарищ, тов. Шиллер, говорил еще: перед нами тезисы о тактике, которые мы принимаем как дисциплинированные солдаты пролетарской армии, но которые были также приняты Лазари и Серати и которые доставят большое удовольствие даже Леви. Но, товарищи, что же это доказывает? Мы не можем отвергать те или другие тезисы потому только, что они нравятся тому или другому лицу. Если они хороши, то остается только поздравить себя с тем, что их принимает и Лазари. А если они плохи, то нужно прежде всего это доказать. Тов. Шиллер сказал, что нам нужны действия, но если вы прочтете тезисы, то убедитесь, что эта же мысль выражена в них ясностью, нисколько не уступающей ясности мысли т. Шиллера, хотя он и выразился превосходно. Но т. Шиллер ошибается в одном: нам не хватало не действий, а подготовки к ним.

Я повторяю: почему вас так пугает, что Лазари и Шмераль находят эти тезисы превосходными? Возможно одно из двух: либо Шмераль действительно приблизился к нам, либо он лицемерит. Во второе предположение я не верю, я думаю, что он поступает искренно. Но допустим на секунду, что он одобрил наши тезисы из лицемерия—почему, в таком случае, он это сделал? Потому что он полагает, что стоящие за ним массы тянутся к Москве. В самом деле, предположим, что Шмераль такой же Макиавелли, как и Серрати—о Лазари я этого не могу сказать, но Серрати-то уж настоящий Маккиавелли, — и так, предположим, что эти Маккиавелли говорят: до сих пор мы повторяли, что III Интернационал делает крупные ошибки, но теперь мы должны признать, что он поступает правильно. Что это значит? Это значит, что стоящие за ними массы теперь за нас. Это значит, что у них больше нет аргументов против нас, что они не могут помешать своим массам влиться в наши ряды. Вы говорите, что ведь мы вырвали из их рук их оружие. Пожалуй, но они-то сами остаются. Серрати остается. Шмераль идет к нам. А мы сами разве не остаемся в Интернационале? Если Шмераль покажет, что он не придерживается тактики III Интернационала, разве мы побоимся разорвать с ним после того, как мы разорвали с центристскими и реформистскими партиями. Я совершенно не понимаю, чего вы боитесь.

Лапорт. Раз Шмераль согласен с тезисами, значит, эти тезисы не годятся.

Троцкий. Дорогой товарищ Лапорт, это-то вы и должны доказать. Вы должны доказать, что предложенная нами тактика неправильна.

Лапорт. Я бы это доказал, если бы у меня было время.

Троцкий. Я охотно бы выслушал вас по этому вопросу. Но если положение таково, что мы, т. е. вся коммунистическая партия, выставили тезисы, проникнутые духом оппортунизма, духом Шмераля, то в таком случае нельзя говорить, что мы оставляем дверь открытой для Шмераля и Серрати. Ведь Шмераль и Серрати будут не одни, они будут вместе со всеми нами. И если мы плохие коммунисты, то, значит, такова вся наша коммунистическая семья, и нечего бояться их двоих.

Голос с места. Тезисы недостаточно ясны.

Троцкий. Было бы, конечно, гораздо проще выбросить за окно все колеблющиеся элементы и сказать: мы останемся маленькой сектой, но зато мы будем совершенно чисты. Вы, с одной стороны, все время настаиваете на революционных действиях, а с другой стороны, хотите, чтобы партия состояла только из совершенно чистых элементов. Эти требования противоречивы потому, что революционные действия невозможны без масс, а масса не состоит из одних совершенно чистых элементов, это несомненно. Она стремится к революционному действию, но не потеряла еще доверия к Шмералю; права ли она, или нет, вопрос другой, но она все еще верит Шмералю. Перед нами следовательно, такая альтернатива: либо отвергнуть Шмераля вместе с массой, либо принять его вместе с ней. А так как он принимает тезисы III Конгресса, то я полагаю, т. Лапорт, что в этом споре ошибается не Шмераль, а вы. Вы не стремитесь к расширению своей базы. Тактика не должна быть прямолинейна, она должна маневрировать, чтобы увлечь за собой массы. Это очень сложная задача. А вы говорите: нет, я останусь в своей семье, масса для меня недостаточно чиста; буду ждать, пока она вольется в нашу партию маленькими аптекарскими дозами.

Насколько я понимаю вашу тенденцию, вы стремитесь к более активной политике. Если бы мы жили в органическую эпоху медленного постепенного развития, то я, пожалуй, согласился бы, что ваша тактика соответствует характеру эпохи. Но в наше время, когда совершаются величайшие события, масса воспитывается этими событиями. И мы должны приспособляться к обстановке, потому что, может быть, завтра в Италии наступит такой момент, когда коммунистическая партия должна будет действовать как партия массовая. Серрати и Лазари, разорвавшие с реформистами, не будут иметь никакого ни личного, ни партийного влияния и войдут в коммунистическую партию вместе с массой, которая заставила их пойти к нам. И если тогда они будут проявлять анти-коммунистические тенденции, вы сумеете выбросить их из партии.

Мне кажется, что этим исчерпываются все возражения, сделанные некоторыми товарищами. Нет, они приняли наши тезисы не только как дисциплинированные солдаты пролетарской армии, они приняли их и по внутреннему убеждению. К итальянским товарищам это относится в особенности. Последние события в Риме доказывают, что итальянский пролетариат не окончательно разочарован, что в нем жив революционный порыв. На такой основе можно позволить себе более смелую тактику, тактику, которая не боится охватить более широкие массы рабочих. К тому же вы не должны забывать, товарищи, что итальянская партия не изолирована, что существует Исполнительный Комитет Коминтерна, который учитывает опыт всех партий. Если какая-нибудь социалистическая группа, вошедшая в вашу партию, станет для вас опасной, вы, даже оказавшись в меньшинстве,—что, впрочем, совершенно невозможно,—всегда можете апеллировать к Исполнительному Комитету.

Что касается развития Италии в ближайшем будущем, то я думаю, что наша тактика по отношению к социалистической партии не приведет ее окончательно в наши ряды, но и не останется безрезультатной, а вызовет раскол. Одно несомненно: в итальянской социалистической партии неизбежно образуется левое крыло, которое потребует исключения реформистов. Правая фракция партии будет против этого возражать, и в результате партия расколется. Вы скажете, что элементы, отколовшиеся от социалистической партии, будут недостаточно чисты для нас. Но тогда мы сможем еще раз в Исполнительном Комитете обсудить вопрос об их допущении в III Интернационал. Вы настаиваете на том, что между вами и ими нет ничего общего. Но мы не были бы коммунистической партией, если бы расчитывали только на тех рабочих, которые индивидуально хотят итти с нами. Нет, такими способами вы никогда не привлечете на свою сторону большинство рабочего класса Италии. Исполнительный Комитет поможет вам завоевать большую фракцию итальянской социалистической партии. В ваших рядах скажутся, пожалуй, таким образом и некоторые члены муниципальных советов; но они вам будут только полезны, потому что, завоевав власть, вы будете нуждаться в них при организации продовольственного дела и т. д. Я надеюсь, что через несколько месяцев смогу итальянских коммунистов и комсомольцев поздравить с приобретением нескольких десятков тысяч рабочих и нескольких сотен хороших муниципальных советников.

(Перевод с французского И. Р.).

РЕЧЬ НА IV ВСЕРОССИЙСКОМ С'ЕЗДЕ Р. К. С. М.

(21 сентября 1921 г.)

Передавая вам приветствие от имени Центрального Комитета Российской Коммунистической Партии, я, товарищи, при виде вашего многолюдного с'езда и того настроения, которое здесь царит, убеждаюсь, что источник пополнения коммунистических рядов неиссякаем. Тут один из членов ЦК напомнил мне, что два года тому назад мне пришлось выступать перед вторым с'ездом вашего союза. Это было в период ожесточенной борьбы на южном фронте, когда Деникин взял Орел и приближался к Туле. Ваш союз провел тогда широкую мобилизацию; сотни членов союза ушли на фронты; многие из них погибли; но счастье нашей партии в том, что у нее есть неистощимый источник свежей энергии, революционной силы, глубокого энтузиазма—трудовая молодежь. Эту трудовую молодежь, неисчерпаемый источник творчества, я приветствую от имени ЦК нашей партии. Позвольте вместе с тем в двух словах приветствовать вас и от Красной Армии, в рядах которой боролись и будут бороться десятки тысяч рабочих и крестьян, прошедших школу вашего союза.

Теперь разрешите обратиться непосредственно к основным задачам доклада, который мне поручен,—доклада о нашем внутреннем и международном положении.

Внутреннее наше положение мы характеризовали, как переходное от военной эпохи к эпохе мирного строительства. Когда мы так говорили и писали, то мы не представляли себе при этом, что наши военные задачи закончены; это, к сожалению, не так. Как раз сейчас, в момент вашего с'езда (я об этом во второй части доклада буду говорить подробно), мы

переживаем снова тревогу относительно нашего международного положения, относительно наших западных границ. Но несомненно, что борьба за существование Советской Республики раньше составляла все содержание нашей жизни. Только теперь мы вошли в эпоху мирного хозяйственного строительства. Вместе с тем мы начали применять методы свободной торговли, кооперации, товарообмена, арендных отношений,—словом, несколько ослаблять узлы капиталистическим формам хозяйства.

На вопрос огромного теоретического значения, вопрос о том, как и почему мы сперва произвели всеобщую экспроприацию—сосредоточение в руках государства всех средств производства, кроме крестьянских,—а потом начали „освобождать" значительную их часть, на этот вопрос отвечать, как делают часто, ссылкой на потребности переходной к мирному строительству эпохи,—значит говорить слишком обще. Мы обратимся к нашей марксистской теории и спросим, чему она учила на счет того, как мы приступим к социалистическому строительству, когда рабочий класс возьмет власть в свои руки. Об этом марксизм говорил следующее. Переход к социализму—дело огромной важности и трудности. Рабочий класс, взявши власть в свои руки, будет итти по этому пути постепенно; он сперва экспроприирует крупных капиталистов, возьмет в свои руки крупнейшие средства производства, затем будут постепенно переходить к средней промышленности. По мере того, как рабочий класс организуется, он перейдет к экспроприации средних средств производства; затем—к мелким. На деле, на опыте он докажет мелким производителям-собственникам преимущества крупного государственного хозяйства. Стало быть, по отношению к крупнейшей буржуазии способом захвата средств производства должно являться непосредственное насилие, экспроприация вооруженной рукой; по отношению к средней буржуазии—отчасти такого же рода методы, поскольку она осмеливалась бы сопротивляться; по отношению к мелкой буржуазии—скорее средства идейного, чем экономического давления, и прежде всего педагогическое воздействие в хозяйственном отношении, воздействие примером: „вот гляди, как у нас, в социалистическом хозяйстве, при меньшей затрате труда получается большее количество продуктов, чем у тебя, мелкого хозяйчика".

По этому пути мы шли? Нет, мы шли в области экспроприации собственников напролом. Мы экспроприировали огульно

буржуазию—и крупную, и среднюю, и мелкую. Значит, мы в этом отношении разошлись с марксизмом? Значит, мы нарушили наши теоретические основы?

Так можно было бы сказать, если бы марксизм был евангелием, священным писанием для всех времен и народов. На самом деле, марксизм—определенный метод ориентировки в окружающих условиях, духовное орудие, при помощи которого мы решаем задачи данного времени для данной страны.

С точки зрения социалистической организации производства нам было бы безусловно выгодней действовать систематически, шаг за шагом проводя экспроприацию буржуазии: от крупнейшей к средней, а потом к мелкой указанным мною путем. Если бы в Германии у власти был рабочий класс и мы имели бы с Запада надежную гарантию того, что нас не тронут, мы могли бы терпеливо и педагогически относиться к мелкой буржуазии, и, пожалуй, до известной степени к средней. Взяв в свои руки крупную промышленность, создав фундамент, мы могли бы присоединять средние предприятия, а затем и мелкие. Мы могли бы действовать шаг за шагом.

Но то, что было бы для нас целесообразным с точки зрения экономической, оказалось бы для нас смертельным с точки зрения нашего политического самосохранения. Наша буржуазия,—не только крупнейшая, но и средняя, а в значительной степени и мелкая, подчиненная средней и крупной,—она была ничем иным, в экономическом и финансовом смысле, как агентурой европейской и мировой буржуазии. Тем легче она стала бы политической агентурой мировой контрреволюции. В Германии не пролетариат, к сожалению, стоял и стоит у власти, а буржуазия. И вот, если бы мы из соображений экономической целесообразности, постепенности, систематичности хозяйственного строительства, оставили среднюю и мелкую буржуазию на ее экономическом фундаменте с нетронутыми корнями собственности, то эта агентура враждебного нам мирового капитала задержала бы нас. Нам прежде всего нужно было обеспечить неприкосновенность, устойчивость пролетарского государства.

Стало быть, в данном случае, политическая потребность пролетарской власти в самосохранении столкнулась с потребностями экономического строительства хозяйства. Здесь противоречие было несомненно. Как мы его разрешили? Мы сказали: прежде

всего и во что бы то ни стало укрепить государственную власть рабочего класса! Каким путем? У нас был враг—капитал. Нужно было врага задушить внутри, в тылу рабочего класса. Как? Лишив буржуазию ее экономических корней, лишив ее собственности—путем экспроприации. Мы не говорили, что нужно экспроприировать среднюю буржуазию, потому что мы в состоянии организовать из ее предприятий крупные хозяйства. Мы говорили, что нужно экспроприировать среднюю и мелкую буржуазию, чтобы убить политического классового врага. А что мы сделаем с предприятиями? Мы говорили: попробуем в меру сил и возможности их организовать на социалистический лад. Разумеется, мы в этом отношении успели очень мало. Нам пришлось по тем же законам революционной борьбы за самосохранение рабочего государства не только душить буржуазию внутри страны, но и вооруженной рукой бороться против нее на боевых фронтах. Вот в этом смысле можно сказать, что наша хозяйственная политика была продиктована в первую эпоху не столько соображениями экономической целесообразности, сколько потребностью революционного класса в самосохранении. И только после того, как мы отстояли рабочее государство, после того, как мы его укрепили, как факт, с которым приходится считаться, который приходится терпеть,—ненавидя, терпеть,—мы могли поставить перед собою вопросы экономического строительства в более систематическом виде.

После этого началось размежевание производительных сил и средств на две большие группы. Государство сказало: „вот это я охватываю сейчас—крупнейшие средства транспорта и производства; это я, государство, могу, опираясь на авангард рабочего класса, организовать на социалистических началах,—а остальное при данном положении будет обременять меня. Здесь нужно привлечь инициативу частных собственников, здесь нужно привлечь частного предпринимателя, его заинтересованность в барыше“.

Само собой разумеется, такое решение есть в известном смысле шаг назад. Если бы в прошлом году рабочий класс Германии овладел властью, нам бы не пришлось делать этот шаг назад. Мы получили бы в лице немецкого рабочего государства огромнейшую техническую, производственную и административную помощь, и, опираясь на германскую технику и науку, ко-

торые стали бы собственностью рабочего класса, мы легче совладали бы с нашей отсталостью, с мелкобуржуазными хозяйственными формами и навыками. Нам не пришлось бы делать мелкой буржуазии и вообще капиталистическим формам хозяйства уступок, которые мы вынуждены делать сейчас.

Стало быть, наша хозяйственная политика не есть произвольное измышление Совнаркома или Центрального Комитета нашей партии. Наша хозяйственная политика есть жестокий неизбежный вывод из обстановки внутри и во-вне. Наши уступки капиталистическим формам хозяйства являются продуктом нашей внутренней отсталости, с одной стороны, и запоздалости революции рабочего класса в Европе—с другой. Те из вас, которые работают в Союзе Молодежи года два—три, которые вообще пробудились к политической жизни года два—три назад, а тем более—четыре, помнят, что два—три года тому назад мы с нетерпением ждали пролетарской революции в Германии и во Франции. Советская республика в Венгрии—нам казалась началом социальной революции во всей Европе. В этом отношении мы пережили известное разочарование в отношении темпа, быстроты развития пролетарской революции. В Венгрии советская республика была раздавлена, в Баварии она имела мимолетный характер. Буржуазия устояла после войны.

Это—один из основных фактов международной обстановки. Капиталистическое хозяйство войной расшатано до самых сокровенных глубин. Фундамент его истощен. Европа и Америка переживают небывалый кризис, все это—последствия войны, которая сама явилась результатом капиталистического полнокровия. Но в настоящее время, несмотря на то, что у буржуазии почва под ногами подкопана, что буржуазия неспособна руководить экономическим развитием Европы и всего мира,—это выразилось в войне и в небывалом разрушительном кризисе, который буржуазия переживает,—несмотря на все это, она оправилась после войны. И это революционному классу и его организациям надо ясно и отчетливо понять. Когда мы говорим, что буржуазия себя изжила, что она пережила себя, то-есть что она уже не может выполнять той роли, которую выполняла раньше (она двигала вперед науку, весь государственный механизм, культуру), когда мы говорим, что буржуазия кончила в этом смысле свою историческую карьеру,—это не значит, что

она отпадает, как падает осенью с дерева засохший, пожелтевший лист. Буржуазия стала теперь реакционной силой, которая мешает движению человечества вперед. Но в то же время она—живой класс, который не хочет умирать, который борется за свое существование, в котором живет инстинкт самосохранения, особенно в тот момент, когда фундамент под ногами ее стал колебаться. Она, европейская буржуазия, гораздо более опытная и умудренная жизнью, наученная своим прошлым больше, чем наша буржуазия, она в момент опасности сосредоточила весь свой опыт, познания, навыки, уменье обманывать, давить, угнетать, и—сумела удержаться. И это означает, что несмотря на то, что история подготовила ее падение, она упадет только тогда, когда рабочий класс, организованный, сознательный, сумеет взять ее за глотку, опрокинуть и задушить.

Вот задача, стоящая перед западно-европейским рабочим классом. Там пролетарская революция созрела в экономическом отношении несравненно больше, чем у нас во время Октябрьской революции 1917 года. Так, история как бы требует от рабочего класса: „бери власть, пора, иначе буржуазия приведет тебя к распаду путем новых и новых войн и жесточайших кризисов!“ Но там буржуазия, благодаря большему экономическому богатству, большему политическому опыту и большим культурным навыкам представляет собою грозную военно-политическую силу. Рабочему классу, чтобы ее опрокинуть, надо гораздо больше стратегического уменья и опыта, который приобретается, как известно, в борьбе. Пока этого опыта еще мало. Его надо гораздо больше, чем понадобилось российскому рабочему классу, стоявшему лицом к лицу с буржуазией самой отсталой и нежизнеспособной.

Все это вынудило нас сделать в области экономической несколько шагов назад. Но этого требует и наше международное положение. Укрепилось ли за это время наше международное положение или нет? Бесспорно — укрепилось. Разумеется, мы были бы крепче, если бы в Европе произошла революция. Но даже считаясь с тем, что европейская буржуазия устояла после войны, мы должны дать себе отчет в том, что мы наше международное положение укрепили. Это выразилось в том, что наиболее мощная часть европейской буржуазии — английский капитал—от военных интервенций перешел к торговому договору и к коммерческим отношениям с нами. Но

в то же время в Европе до настоящего дня не исчезают военно-интервенционные группы, которые продолжают считать, что единственным способом ликвидации смертельной опасности для буржуазии является военный разгром Советской России. Центром этой интервенции является Франция, биржа которой имеет большое количество русских долговых обязательств, которые мы об'явили неподлежащими оплате.

И наше международное, как и наше внутреннее положение, уточнилось и определилось на том трагическом факте, который сейчас стоит в центре внимания страны—на голоде в Поволжьи. Как только размеры этого величайшего бедствия, которое, конечно, определялось различными стихийными явлениями, но в конечном итоге являлось выражением нашей экономической отсталости и беспомощности, как только размеры этого жесточайшего бедствия определились, вопрос о России был поставлен для пересмотра в мировом масштабе.

Каковы должны были быть первые ближайшие и неизбежные результаты голода? Что означает собой голод? Разумеется, голод мог повести за собой упадок и гибель советской республики. Но мы толкуем это явление, как острое болезненное явление, которое сплошь и рядом вспыхивает тогда, когда после целого ряда болезней истощенный организм, впавший в худосочие, уже оправляющийся, дает картину нарывов, язв и других острых, но более поверхностных недомоганий. Когда мы будем через несколько лет рассматривать наш поволжский голод в исторической перспективе, мы скажем, что, когда страна наша начала оправляться, прошлое сказалось в виде страшного стихийного голода в Поволжье.

Европейская буржуазия стала немедленно прикидывать и так, и этак для того, чтобы определить свою ориентацию. Англия спросила себя, не сделала ли она ошибку, вступив с нами в экономические сношения в то время, как голод, может быть, обнаруживает нашу несостоятельность и близкую гибель. Французская буржуазия, в рядах которой имеются элементы, которым надоело ждать столь давно обещанного падения советской власти, дала этим элементам перевес—они стали упорнее настаивать на неизбежности нашего падения и на необходимость этому падению помочь при помощи военного вмешательства. В конце концов, выявилось, что общественное мнение европейской буржуазии разделилось на две основные группировки. Я не хочу

говорить о чувствах западного пролетариата, о его стремлении нам помочь (по мере своих сил пролетариат Европы и Америки проявил свое сочувствие путем сбора, агитации и т. д., и т. д.), ибо, с точки зрения международного положения, непосредственное значение имеет пока политика правящей буржуазии. Итак, ориентация буржуазии пошла по двум линиям. С одной стороны буржуазия, скажем, английская, которую представлял Ллойд-Джордж, разобравшись в том, что происходило, сказала себе: „нет, этот режим сильнее, чем мы думали, если он выдержал такое ужасающее бедствие, как голод, который охватил десятки миллионов человеческих существ в этой ослабленной и истощенной стране; если государственный аппарат не раскололся по всем швам; если Советская власть не растерялась, а сосредоточила свое внимание на наиболее жизненных задачах обсеменения поволжских пашен; если ей удалось в первые же дни собрать миллионы пудов семенного материала, чтобы спасти поволжское крестьянское хозяйство на следующие года,—стало быть, этот режим имеет крепкие корни". Английская буржуазия, нам глубоко, разумеется, враждебная, но более проницательная, английская буржуазия сказала себе, что в Советской России, помимо коммунистической партии, помимо рабочего класса, организованного в государство, нет другой силы, которая способна была бы обеспечить государственный порядок и приступить к государственной работе.

С другой стороны, во Франции элементы буржуазии, которые как бы начали капитулировать, сдаваться перед необходимостью вступить с Россией в хозяйственные сношения, воспрянули духом в тот момент, когда бедствие обнаружилось в полном об'еме. В то время, как одни еще более укрепляются в том, что нас повалить нельзя, и хотя бы со скрежетом зубовным, но необходимо вступить в хозяйственные отношения, другие говорят: „если мы не свалим советскую власть в России теперь, когда она изнутри подтачивается страшным ударом голода, мы не повалим ее никогда".

„Теперь или никогда"—таков лозунг самых крайних интервентов во Франции и других странах. В этом отношении они питаются российской эмигрантщиной. Ведь мы не должны забывать, что за границей прозябают сотни тысяч русских помещиков, капиталистов, банкиров, которые потеряли все, которые желают вернуть, если не все, то хотя бы часть, все мысли ко-

торых направлены на военный разгром Советской России. Одна часть мировой буржуазии сказала себе, что эта эмигрантщина уже обнаружила до дна свою несостоятельность, фантастичность, лживость, ненадежность, глупость. А другая часть европейской буржуазии сказала, что настал последний момент для того, чтобы этой эмигрантщине получить свою власть в России. Мы наблюдаем, как колеблются эти две чаши весов. Никогда вопрос не стоял так остро, как сейчас. Какая из группировок победит, будет ли нам обеспечено мирное хозяйственное существование или же завтрашний день нам несет военную интервенцию—этот вопрос качается на чашах весов.

Когда я говорю о военной интервенции, я в своем рассуждении устраняю весь рабочий класс. Но этот факт существует, к счастью для нас. Этот факт стоял перед нами на последнем III Конгрессе Коммунистического Интернационала, который происходил в Москве. На этом III Конгрессе Коммунистического Интернационала, мы все, как подобает марксистам, т. е. революционерам-реалистам, которые призваны смотреть в глаза действительности, признали, что буржуазия твердо стоит на ногах и что нужно большое усилие и большое умение для того, чтобы ее опрокинуть. Так мы сказали себе на III Конгрессе. Но на этом же Конгрессе мы засвидетельствовали, что революционное развитие германского рабочего класса шло гигантскими шагами и что если рабочий класс Германии, Франции и Англии сегодня еще не может протянуть руки, чтобы взять государственную власть, если он к этому только готовится, то в то же время европейский рабочий класс уже сегодня не дает возможности европейской буржуазии протянуть руки, чтобы взять нас за горло и задушить. Если внутри самой буржуазии колеблются две чаши весов—экономическая связь или интервенция (филантропическая помощь, о которой говорит часто буржуазия, является, разумеется, не чистой филантропией, а только небольшим авансом, вкладываемым в русскую почву для того, чтобы потом получить из нее больше барыша)—если, я говорю, внутри самой буржуазии идут колебания, то эти колебания отражают борьбу между буржуазией и мировым пролетариатом, которая является основной гарантией нашей неприкосновенности.

Вот мировая обстановка, как она стоит перед нами сейчас. Буржуазия хочет военного вмешательства, а пролетариат не допускает. Достаточно ли он силен, чтобы не допустить его? Тот

факт, что французская буржуазия до сих пор не бросила против нас своих дивизий и не решается их бросить—показывает, что она боится пролетариата, что она боится померяться с ним силами на этой почве. Но это не значит, что французская буржуазия отказывается от других путей военного вмешательства. Она ищет путей наименьшего сопротивления. Она не имеет поддержки Англиии по причинам, о которых я говорил. Англия выбрала другой путь. Франция стремится опереться на страны так называемой Малой Антанты, и прежде всего на соседние с нами Польшу и Румынию. И вот здесь самые острые вопросы сегодняшнего дня,—вопросы о наших взаимоотношениях с Румынией и Польшей.

С Румынией у нас мирного договора нет. Румыния, как вы знаете, была союзницей царского правительства. В мировой войне у царского правительства с Румынией был общий фронт. Этот общий фронт против немцев и австро-венгерцев сохранился и при Керенском. После свержения Керенского, при Советской власти, этот общий фронт исчез, провалился,—и Румыния использовала преимущества того, что у нее был общий фронт для того, чтобы захватить у нас Бессарабию.

Захват румынской буржуазией Бессарабии в свое время об'яснялся самой румынской буржуазией, как временная мера, продиктованная необходимостью прокормить румынские и русские войска в Бессарабии. Французская и итальянская дипломатия тогда, в 1918 году, заявила, что о захвате Румынией Бессарабии не может быть речи, что это временная мера военной оккупации. Это было подписано румынским министром Авереску, нынешним министром-президентом. Тем не менее, вы знаете, что Румыния захватила Бессарабию целиком и об'явила ее своей собственностью. Мы из-за этого войны не об'являем; не об'явили войны потому, что мы вообще, как вы знаете, нелегко об'являем войну, потому что мы воюем тогда, когда у нас нет другого выхода. Разумеется, захват Бессарабии против воли ее населения (в этом мы не сомневаемся, — население спрошено не было) является чудовищной несправедливостью. Но мы знаем, что несправедливостей много не только в Бессарабии, что она есть в самой Румынии, что гнет есть и во всем капиталистическом мире, и, поскольку мы твердо расчитываем на то, что мировая революция совершит свою освободительную работу, постольку мы помирились с тем, что под капиталистическим гнетом останется

еще один клин земли—Бессарабия. Но Румыния, которая чувствовала себя неспокойной за свою бессарабскую территорию, боялась приступить даже к разговорам с нами. А для того, чтобы укрепить за собой бессарабские границы, Румыния прибегала к поддержке петлюровских банд, как к вспомогательной военной силе, и вот, на ряду с вопросом о Бессарабии, возник вопрос об обеспечении неприкосновенности нашей юго-западной украинской границы.

С Польшей у нас есть, как вы знаете, мирный договор, который дался нам недаром, который тяжко обошелся также и Польше. Те из вас, которые следят за политической жизнью уже года три—четыре, знают, что мы изо дня в день, почти что с первых недель существования Советской власти, прилагали все усилия, чтобы установить нормальные сношения с Польшей, хотя бы и с помещичье-буржуазной Польшей. Вы помните, как наша дипломатия десятки раз предлагала польскому правительству приступить к мирным переговорам для того, чтобы обеспечить мирное существование двух стран. Вы помните, как польская буржуазия систематически уклонялась от мирных переговоров, как Пилсудский и его сторонники довели дело до большой войны, до войны, которая принесла большие жертвы обеим сторонам, жертвы людьми и жертвы достоянием. И, в результате этой войны, мы заключили с Польшей в Риге мирный договор, очень благоприятный для Польши, хотя и не такой благоприятный, как мы ей предлагали до войны. Мы считали, что этот тяжкий урок, тяжкий для обеих сторон, совершенно достаточен для того, чтобы обезопасить нас от повторения этого опыта в дальнейшем. Мы считали и хотим считать сейчас, что это так и есть, что это так будет.

Однако, ваш с'езд совпадает с очень тревожным моментом в русско-польских отношениях. Вчера я говорил об этом на заседании Московского Совета. Третьего дня наш Комиссариат Иностранных Дел получил из Варшавы ноту, которая звучит так, как звучит ультиматум. А ультиматум есть такое требование, которое ограничено определенным сроком, требование одностороннее, т. е. „я от тебя требую", „я тебе приказываю выполнить до такого-то числа". Это предполагает, что невыполнение влечет какие-то новые, более серьезные меры воз действия.

Откуда родился этот ультиматум польского правительства? Он формально возник из тех трений, которые имеются у на-

шей дипломатии с польской дипломатией уже в течение очень значительного времени. Договор, заключенный нами с Польшей, предполагал прекращение открытых враждебных действий с обеих сторон. Польское правительство — правительство помещиков и капиталистов. Оно нас ненавидит и, разумеется, никто не может требовать, чтобы мы относились к этому правительству с любовью. Но договор налагает формальные обязательства на обе стороны. Я уже вчера говорил на Московском Совете о том, что и мы организовывали и посылали отряды на польскую территорию, чтобы они там разрушали железные дороги и взрывали склады, но делали это, когда находились с Польшей в состоянии открытых враждебных действий. С того момента, когда мы добились заключения мирного договора, мы это прекратили. У нас был аппарат для формирования такого рода партизанских отрядов. Мы его расформировали.

Были нетерпеливые, ненависть которых к польской буржуазии толкала на продолжение этой борьбы. Но мы сказали: „товарищи, дисциплина и терпение! Мирный договор заключен, таково решение рабочего класса, этого требуют его интересы. Мы обязаны подчиниться, мы не имеем права проявлять нетерпение, не имеем права этот договор срывать". Так мы сказали. Это наше решение было продиктовано, само собой разумеется, не симпатиями к Польше,—тут элементы сентиментальности нужно отбросить, о симпатиях или антипатиях речи нет, — эта политика диктовалась холодным государственным расчетом.

Но у польской буржуазии, разодранной на отдельные группы, нет единства. У нее есть сторонники вмешательства во что бы то ни стало. Есть сторонники экономических отношений с нами. Есть авантюристы, занимающие ответственные посты. И ни для кого не секрет, что „глава и начальник польского государства", маршал Пилсудский, все время попирал мирный договор, все время считал его ошибкой и преступлением. Разорвать Советскую Россию на отдельные, враждебные друг другу части, создать отдельную буржуазную Белоруссию, подчиненную Польше, создать петлюровскую Украину (в противовес Советской России) под протекторатом Польши, — вот мысль этого мелко-буржуазного шовиниста, который боролся с царизмом и который перенес ненависть к нему на Советскую Россию. Создать федерацию, направленную против русских „варваров"— вот идея, которая владеет им и днем и ночью.

С этим совпадает политика Франции. Я говорил о том, что во Франции шовинизм стал проявляться сильнее, и что французские ростовщики считают момент благоприятным для вмешательства. „Если мы не можем бросить наши собственные войска, — рассуждают они, — наступил момент, когда мы можем бросить польские и румынские". 3 сентября французское правительство пред'явило требование, почти-что ультиматум, польскому правительству, т.-е. своему вассалу, подчиненному ему государству, требование о том, чтобы польское правительство пред'явило нам ультиматум. Это требование Франции, обращенное к польским помещикам и буржуазии о наступлении на Советскую Россию,—этот документ удалось нашей дипломатии получить. Этот документ мы видели. И прежде еще, чем польская буржуазия в лице Пилсудского решила обратиться к нам с ультиматумом, мы уже опубликовали предостережение. Народный комиссариат по иностранным делам заявил на весь мир: „Готовится новое неслыханное злодеяние; французские биржевики требуют, чтобы польское и румынское правительства пред'явили одновременно ультиматум Советской России и тем самым создали новую войну, новое нападение на Россию". Когда разразившаяся, как бомба, нота тов. Чичерина, разоблачившая эту дьявольскую махинацию, была опубликована, французская пресса заявила, что это ложь, клевета, а английская, что она не верит своим глазам, что это невероятно, что это надо проверить. Нота эта была послана из Парижа 3 сентября. А 18 сентября мы получили польскую ноту, подписанную здешним польским представителем, который от имени польского правительства пред'являет нам ультиматум, срок которого истекает 1 октября, т.-е. через 10 дней.

Какие требования пред'являет нам польское правительство? Перечислять их детально нет надобности, ибо сущность не в них. Сущность в том, что польское правительство не выполняет основного условия мирного договора, т.-е. поддержание мирных отношений. Оно направляет к нам банды, оно руководит Савинковым и другими авантюристами, вроде Булак-Балаховича. Польский генеральный штаб этим бандам фактически помогает, их вооружает, питает их всеми необходимыми средствами. В то время, как весь официальный буржуазный мир говорит о помощи голодающей России, польский генеральный штаб, а стало быть и польское правительство, как и румын-

ское, вооружает на французские деньги банды, перебрасывает их к нам, уничтожает продовольственные поезда, убивает продовольственных работников. И сейчас уже можно сказать, что вся мировая буржуазия со всей ее филантропической помощью не сделала половины того, что разрушили в продовольственном смысле банды, посылаемые французской буржуазией через Польшу и Румынию. Естественно, что наша дипломатия пред'явила польскому правительству требование держаться рижского договора и прекратить посылку банд. В Варшаве заявили, а в этих случаях дипломатия за словом в карман не лезет, особенно за словом лжи,—что они ничего не знают об этих бандах. У нас есть документы,—у банд захвачены десятки документов и писем офицеров генерального штаба Польши и савинковской белогвардейской организации, ответы на эти письма, денежные счета, требования и мандаты, удостоверения отдельным бандам, даваемые как савинковской белогвардейской организацией, так и поляками. Эти документы неоспоримы, неопровержимы, их можно любому грамотному человеку показать, и он признает, что здесь грубейшее нарушение основ рижского мирного договора. Когда мы установили этот факт, мы заявили: „Мы должны вам вернуть такое-то имущество по договору, мы должны произвести такую-то денежную оплату,—совершенно правильно. Мы готовы это сделать в любой день, в любой час. Вот это имущество, вот эти деньги, которые мы должны уплатить,—но мы должны уплатить их в силу договора, а не как премию за набеги бандитов. Вы нам не дали никаких гарантий, что набегов не будет. Пусть смешанная комиссия все эти документы рассмотрит, пусть нам дадут гарантии, что больше к нам не будет никаких бандитских перелетов". Вот в этой плоскости велись переговоры. Мы заявили, что договор есть документ двусторонний, который обязывает и одну, и другую сторону. А польское правительство, отмахиваясь от вопроса о бандитах, требовало внесения нами денежных сумм и соответствующего имущества.

И вот в этот момент падает на голову польского правительства французский ультиматум,—ибо это по существу ультиматум, ибо французское правительство заявило польской буржуазии: „Ваша страна разорена, вам грозит полная гибель, ваши финансы дошли до границ полного банкротства,—вас спасти может только финансовая помощь Франции, а Франция

вам этой финансовой помощи не окажет, если вы не поможете задушить Советскую Россию". Одновременно подобная же нота была направлена в Бухарест—Румынии.

Вот картина нашей международной обстановки. Вся мировая печать пишет: „Перед лицом такого страшного стихийного бедствия, какое мы имеем на Волге, ни одно сердце не может остаться без сочувствия. Большевистская власть—власть преступная, коммунистическая партия—партия преступная, но любовь к голодающим требует активной помощи". Во Франции создается международный комитет помощи голодающим под председательством Нуланса, главного банкира Савинкова, который был его банкиром, когда Савинков организовал ярославское восстание, который давал Савинкову сребреники и который сейчас является посредником между биржей и всеми контр-революционными громилами. Этот самый Нуланс ставится во главе международного комитета помощи голодающим России.

С чего он начинает? С того, что он требует, чтобы ему разрешили послать в Россию ряд анкетных комиссий. Он должен послать несколько десятков и сотен человек, которые должны будут обследовать, нужна или не нужна помощь и в каком виде. Нуланс, или его партнер, министр иностранных дел, посылает одновременно, конечно архисекретным порядком, ноту-ультиматум польскому и румынскому правительству: „Сейчас, когда там пропадают с голоду, когда там корчатся в муках, сейчас благоприятный момент для наступления на Советскую Россию, на Советскую Украину". Товарищи, тут—вся природа буржуазии, буржуазной дипломатии, вся ее мораль целиком! В истории вряд ли был когда-нибудь случай, где подлость, жадность, коварство буржуазии выразились бы в такой концентрированной отвратительной форме.

В Варшаве получают ноту, колеблются, знают, что означает такой ультиматум, знают, что за ультиматумами нередко шли военные действия. В Варшаве колеблются, а в сейме начинается борьба партий.

Министерство Витоса, министерство мелко буржуазной земледельческой партии, не согласно подчиниться французскому ультиматуму, боится начинать новую войну, предвидя, что ее результатом будет крушение буржуазного режима в Польше. Витос и его правительство выходит в отставку. Но ни одна

партия в польском сейме не способна создать новое правительство. Не получается блока. Происходит парламентская борьба, склока, интриги. Этим пользуется Пилсудский, президент, маршал, „начальник польского государства", и он создает свое министерство из бюрократов-чиновников.

Я не помню даже фамилии нового министра-президента. Он—покорное орудие в руках Пилсудского. Это новое правительство чиновников, выполняющих волю Пилсудского, который сам выполняет волю французской биржи, направило нашему правительству ультиматум: „До 1 октября обязательно вы должны выполнить то, чего мы требуем. Если до 1 октября это выполнено не будет, то дальше ждет угроза прекращения дипломатических сношений. Польское представительство, которое сейчас находится в Москве, покинет Москву, а следовательно и ваше советское представительство должно будет покинуть Варшаву".

Разрыв дипломатических сношений не означает еще войны, но этот разрыв нередко в истории предшествовал войне. Когда две страны не воюют, но прервали всякий контакт друг с другом, то очевидно, что это предрешает возможность военной опасности. Сейчас, когда у нас есть представительство польского правительства, когда в Варшаве есть представительство советской власти, есть возможность с нашей стороны действовать, раз'яснять, толковать. С того момента, когда представительства возвращаются каждое в свою страну, связи нет,—тогда те элементы, которые хотят войны, работают вовсю. Самый факт отозвания дипломатических представительств является по существу своему шагом в сторону открытия военных действий. Перед таким положением мы в настоящий момент стоим.

А Румыния? Румыния как раз теперь приступила к мирным переговорам или, по крайней мере, к подготовке мирных переговоров с нами. Румынский уполномоченный сегодня или вчера должен быть в Варшаве и встретиться с нашим представительством, чтобы с ним условиться о характере содержания мирных переговоров. Положение в высшей степени критическое. И было бы малодушием или близорукостью закрывать на это глаза. Если бы мы с вами стали обсуждать вопрос о том, как ответить на ноту польского правительства, то мы должны были бы сказать себе следующее. Мы хотим мира во что бы ни стало. Это наше основное желание. Возможно, что мы пошли бы на

уступки Румынии для сохранения мира; в отношении Польши мы готовы, как были готовы и раньше, итти на большие уступки для обеспечения уже однажды завоеванного мира. Но можно делать только такие уступки, которые действительно способны обеспечить мир, а не разнуздать, наоборот, наступательной энергии другой стороны. Я знаю, что польское правительство действует сейчас под давлением ультиматума Франции. И мы знаем, что французскому правительству безразлично, получит ли Польша те или другие паровозы и денежные суммы сегодня или через четыре месяца, или через два, вопрос об этих паровозах или вопрос о музейном имуществе, или о репатриации, т.-е. возвращении в Польшу определенных групп поляков— вопрос абсолютно неинтересный для французской биржи.

Чего же ей надо? Ей надо стравить Польшу с нами. Достигла она этого? Отчасти достигла. Она создала правительство, которое пред'явило нам нужный ей ультиматум. Предположим, что мы совершили бы ошибку и побоялись бы ультиматума. Если мы ультиматум удовлетворим, разве Польша оставит нас в покое? Если мы можем откупиться от буржуазии не кровью русских рабочих и крестьян, а ценою реальных и серьезных уступок, то мы готовы. Но разве в данном случае вопрос стоит так? Разве польская буржуазия пред'являет нам какие-нибудь жизненные требования? Польское правительство является лишь почтальоном французской биржи и передает нам провокационное требование - ультиматум, чтобы найти предлог для военного наступления на нас. Если бы мы тут сделали ошибку и сказали, что мы подчиняемся этому ультиматуму—что бы это означало? Что французская буржуазия немедленно сказала бы Польше: „видите, в нашей ноте мы вам предсказывали, что Советская республика падет и что она примет всякий ультиматум, подчинится всякому категорическому и твердому требованию".

Это неверно, товарищи! Мы, несмотря на тягчайшие удары судьбы и в том числе, и прежде всего, несмотря на ужаснейший удар—голод в Поволжьи,—мы вовсе не слабее сейчас, чем были в тот момент, когда вынуждены были начать с Польшей большую войну. Мы сейчас не слабее, а сильнее. Мы сильнее, во-первых потому, что мы опытнее, во-вторых потому, что, несмотря на наши тяжелые условия, мы лучше умеем расчитывать то, что у нас есть. Мы сильнее потому, что наша армия

приобрела большие навыки и выдвинула командный состав с самых низов, из рабочих и крестьян. Как только на горизонте западного фронта стали появляться подозрительные тучки,—мы поставили перед собой вопрос: „А что, если бы осуществились дьявольские замыслы Франции? А если бы мы подверглись новому хищному нападению?“ И мы решили посмотреть наши войска, и мы их посмотрели.

Вы знаете, что мы демобилизуем армию, что мы ее сократили уже до сих пор втрое против того числа, какого она достигла в момент наивысшего напряжения наших военных сил. Но, демобилизовав миллионы,—а мы демобилизовали миллионы, чем показали, что мы серьезно готовимся поддерживать мирные отношения, — мы сохранили кадры всех наших дивизий — это уже закаленные, прошедшие очень серьезную школу кадры. Если бы нас заставили, мы могли бы вновь мобилизовать миллионы, и они вернулись бы в дивизии, под знаменами которых они сражались и боролись. Мы сейчас благодаря работе наших командных курсов, и прежде всего, благодаря суровому опыту трехлетней борьбы,—мы сейчас в военном смысле сильнее, чем когда бы то ни было. Наконец, у нас есть, товарищи, самый сильный рычаг борьбы — это наша партия, это — вы, духовное чадо нашей партии.

Если бы действительно над нами собралась гроза, разумеется, Центральный Комитет призвал бы партию к тем усилиям и жертвам, к тому героизму, к которому призывал не раз и в которых никогда не знал отказа.

Я беру худшую перспективу, перспективу возможности новой войны. Но в то же время, товарищи, я говорю, что я в эту перспективу не верю.

Румыния не посмеет поставить на карту свое существование, — Румыния, которая удвоила свои владения во время войны, удвоила и не сумела еще спаять их в единое целое. Поставь она снова вопрос на острие меча, несомненно вспыхнуло бы немедленное восстание в Бессарабии и в Трансильвании. Она знает это. Все говорит за то, что она должна уклониться от выполнения французского ультиматума.

Правда, в Польше Пилсудский сейчас господин положения, и инструмент министерства — в его руках. Пилсудский служит Франции. Но Пилсудский на польской арене не один. Я гово-

рил о разных группах внутри буржуазии, которые борются против него. Но есть кроме них польский рабочий класс и польское крестьянство. Пилсудскому, если бы он решился, если бы он осмелился довести дело до новой войны, пришлось бы обратиться к польскому рабочему и к польскому крестьянину. Польская марка пала до ничтожной суммы. Польша сотрясается стачками рабочих за улучшение их положения. Польская политика поглощает половину польского бюджета в виде расхода на армию. Все это—факторы могущественной силы, которые говорят в пользу мира. Мы не теряем спокойствия и хладнокровия ни на один час. Мы обратимся еще и еще раз и к польским правящим сферам, и к польскому трудовому народу с объяснением всей обстановки, как она есть: „Вы хотите выполнения нами мирных условий. И мы этого хотим. Соберемся и дадим гарантии друг другу. Пусть поход белогвардейцев прекратится, — и мы выплачиваем возмещение и выполняем все остальные требования. Мы отказываемся подчиниться ультиматуму, продиктованному Францией, потому что это не есть реальное требование, вытекающее из договора, а злостная провокация". Если бы мы на эту провокацию пошли, если бы мы сказали, что в этом случае сделаем уступку, это значит, что мы усыпили бы только внимание польского народа, что мы невольно скрыли бы от него то обстоятельство, что вопрос стоит в высшей степени остро. Это не в интересах польского народа. Мы должны открыто сказать, что этот ультиматум есть продиктованная Францией провокация и что поэтому мы не можем на этот ультиматум ответить иначе, как энергичным словом—„нет!" И это слово—„нет" есть, вместе с тем, призыв к польским трудящимся массам. Это голос братского предостережения трудовому польскому народу. Мы говорим, что здесь, под этой личиной дипломатических переговоров, нот и ультиматумов, решается вопрос, будет или не будет снова литься польская и русская рабочая кровь по Березине и другим рекам. Ставя так этот вопрос, мы выясним его в полном объеме перед трудящимися массами России, Польши и всего мира. И мы это сделаем.

В эти 10 дней, которые нам остаются, мы обязаны этот вопрос в полном объеме поставить и осветить перед сознанием русского рабочего и крестьянина и рабочих во всем мире. Мы сделаем это. В то же время мы говорим себе, что $^{9}/_{10}$, а мо-

жет быть, $^{99}/_{100}$ говорят за то, что мы таким путем избегнем не только войны, но и разрыва дипломатических сношений. Давлением общественного мнения, силой воли трудового польского народа мы заставим польскую буржуазию взять назад ультиматум и договориться с нами деловым порядком о взаимоотношениях. Договориться—ибо таких вопросов, по которым нельзя договориться, сейчас нет.

$^{9}/_{10}$ или $^{99}/_{100}$ говорит за то, что мы избегнем новых испытаний. Но, товарищи, одна десятая и одна сотая все же остается, как опасность нового вооруженного конфликта. Мы говорим себе, что, работая за то, чтобы $^{100}/_{100}$ было за мир, мы будем готовиться вместе с тем и к тому положению, когда $^{1}/_{100}$ может стать грозной реальностью. Бывало не раз в истории, что $^{1}/_{100}$ шанса наступала вопреки $^{99}/_{100}$, которые говорили в другом направлении. Опасность войны не исключена,—мало вероятна, но не исключена. Мы с вами этого не забудем.

Если бы оказалось, что буржуазии французской, при поддержке самых контр-революционных и хищнических элементов буржуазии мировой, удалось бы в последний раз двинуть против нас буржуазию ближайших к нам государств, и она сделала бы новую азартную попытку бросить на нас свои собственные рабочие массы, то мы с вами выполнили бы свой долг до конца. Рабочий класс всего мира с тревогой и напряжением следит за развитием русско-польского конфликта. Мы говорим:

— Бдительность, зоркость и хладнокровие! Ни одного движения, ни одного жеста, ни одного слова вы не увидите и не услышите с нашей стороны, которые могли бы обострить отношения, которые могли бы уменьшить шансы мирного исхода, которые могли бы облегчить дело контр-революционным провокаторам—дело кровавой развязки. Все силы, все внимание на установление мира, на восстановление нормальных сношений. И в то же время, наши братья в Польше, Румынии, Франции—знайте, что при всем нашем хладнокровии мы сохраняем полную готовность отстаивать неприкосновенность Советской Республики, которая все еще остается единственной крепостью пролетариата. Мы готовимся отстаивать ее всеми силами и кровью наших сердец!

Французская буржуазия считала, что голод—тяжкий удар основе нашего хозяйства, что он нас окончательно ослабил,

лишил воли и энергии. Французской буржуазии казалось, что достаточно будет небольшого толчка, и мы свалимся. Она пыталась бросить на нас банды Петлюры на украинском и румынском фронтах, она делала то же самое с савинковскими бандами на польском фронте. Она пыталась запустить к нам свои щупальцы под видом комитета филантропической помощи. Она пыталась этот жалкий золотушный комитет общественных деятелей превратить в некоторое подобие буржуазного правительства, окружив его поддержкой, протянув от него нить связи, которая вела к международной буржуазии, к европейской бирже. Наконец, она в наиболее враждебной части буржуазии распространяла слухи о том, что Москва осаждается сейчас сотнями тысяч голодных поволжских крестьян, что мы в Москве защищаем себя с помощью удушливых газов, что мы назначили генерала командующим войсками против голодающих, которые наступают на Москву. Чудовищное, дикое измышление, чтобы одурачить массы, чтобы показать им легкость похода на Москву, и в то же время—нажим на Румынию и Польшу: „Там, в Москве, полная прострация, достаточно одного толчка—и они падут". Это неправда. Мы с вами не собираемся, товарищи, падать!

Тут есть представители голодного Поволжья. Вы лучше меня знаете, как нам тяжко. В подлинном смысле слова умирают, будут еще умирать зимой тысячи и десятки тысяч человеческих существ. Но что это значит? Это—бедствие, ужасающее бедствие, страшный удар. Откуда он? Он из нашей слабости экономической, из нашей недостаточной культурности, из неопытности. Настоящий трудовой народ, который строит хозяйство, не умеет бороться с природой. Природа его бьет. Черепа падают тысячами. Но разве это может сломить советский режим? Советский режим есть выражение организации всех усилий всего народа. Это сказалось на Волге. Что такое советский режим? Советский режим—организация самопомощи голодающим. Советский режим—организация промышленности, организация сельского хозяйства при помощи роста сознания и организованности крестьян. Советский режим — организованная, вооруженная самооборона рабочих и крестьян, когда на них нападают.

В буржуазных странах есть опасность для правительства. Почему? Там есть антагонизм, там есть смертельная война

между неимущими и буржуазией. У нас этой борьбы нет. У нас есть усилие самопомощи, у нас есть усилие самообороны. Мы можем делать ошибки, спотыкаться. Мы поднимаемся. На ошибках мы учимся. В испытаниях и бедствиях мы закаляемся. Мы говорим:

— Вы, которые надеетесь на то, что вы нас свалите на почве голода, вы видите уже сегодня и увидите завтра, что через страшные бедствия голода мы прошли, став тверже, увереннее и беспощаднее. Если на эту голодающую страну, которая хочет мира, которая шаг за шагом строит здание хозяйственного благополучия, если вы на эту страну обрушите новые бедствия войны, то те самые голодные, которые, по лживым сообщениям, наступают на Москву, вместе с полусытыми (ибо у нас, к несчастью, страна голодных и полусытых), они все сплотятся вместе и скажут: „Да, у нас голодные и полусытые, но на нашей земле мы хотим создать общество труда, и мы никому не позволим вмешиваться вооруженной рукой в наши судьбы“.

И если бы Советской власти пришлось сказать рабочим и крестьянам, даже тем из них, которые недовольны, которые ворчат:

— Товарищи-рабочие, товарищи-крестьяне, нам угрожают!— они все, как один, скажут:

— Мы готовы!

Коммунистический Союз Молодежи! Если б нам пришлось— да пройдет мимо чаша сия—если бы пришлось снова обратиться к вам и сказать:

— Советская Республика снова в опасности!— вы скажете, как один:

— Мы здесь!

ДОКЛАД НА V ВСЕРОССИЙСКОМ С'ЕЗДЕ РКСМ
(11 октября 1922 г.)

Товарищи! Скоро исполнится пять лет с того дня, как волею трудящихся масс России в нашей стране установился советский порядок, и волею тех же масс руководство судьбами нашей страны оказалось врученным Российской Коммунистической Партии. От имени Центрального Комитета этой партии я приношу привет вашему С'езду.

История этих пяти лет, которую, как я подозреваю, большинство из вас не имело возможности проделать активно, ибо в октябре 1917 года многие из моих многоуважаемых слушателей еще, вероятно, ходили пешком под стол,—это не в укор и не в похвалу, это факт,—история этих пяти лет представляет кладезь величайших поучений.

Революционные эпохи, эпохи социальных обвалов выворачивают все нутро общества наружу. Когда проезжаешь мимо горного кряжа, видны пласты, которые накоплялись в течение тысячелетий. Один налегал на другой. Снаружи их не было видно. Но вулканической силой подняло эти пласты, создались обвалы, образовались горы и ущелья,—и вы видите разрез горы и пласты разных пород. Вот так бывает и с обществом.

Корней и причин внутренней структуры общества не видно невооруженным глазом. Революция все это взрывает, ставит ребром, обнажает. И так как наша революционная почва еще не остыла, то молодому поколению нужно учиться на опыте этих пяти несравненных лет.

Я, разумеется, не могу ставить себе и в отдаленной степени задачи исчерпать поучения нашей величайшей в истории революции. Я имею более скромную задачу: дать характеристику

нашего международного и внутреннего положения, сложившегося в результате нашей борьбы.

Первые два года прошли в непрерывной борьбе, в блокаде. Третий год прошел в борьбе и в первых попытках переговоров с нами со стороны буржуазных правительств. Последние два года были временем, когда борьба постепенно замирала под ударами наших побед (я имею в виду борьбу на военных фронтах). Переговоры получали все более развернутый, все более многословный характер. Есть одна общая черта и в той войне, какую вели против нас империалисты, и в тех мирных переговорах, какие они ведут с нами. Это общая черта—нерешительность, непоследовательность, колебания и шатания. Не может быть никакого сомнения в том, что, если бы германский империализм в конце 1917 года и в начале 1918 года поставил себе задачу нас сокрушить, он бы нас сокрушил,—Советской республики не было бы. Нет никакого сомнения в том, что, если бы Клемансо—французский министр-президент и фактический диктатор конца 1918 года—поставил себе задачу нас сокрушить и раздавить военной силой,—мы на время исчезли бы с лица земли. В военном смысле мы были бесконечно слабее не только об'единенного империализма, но каждой из больших империалистских держав, в отдельности взятых. Они по двум причинам не двинули против нас всех своих сил: во-первых, потому, что уже тогда они боялись развития революционного движения внутри, как последствия войны, и, во-вторых, потому что считали нас настолько скоропреходящей величиной, что не находили нужным вести с нами большую войну. В этом было наше спасение. Они ограничивались наемными царскими генералами и не менее наемными социалистами-революционерами и меньшевиками. Они через посредство буржуазии наших окраин или через посредство российской эмигрировавшей буржуазии, белогвардейщины и так называемой „демократии", организовывали фронты, кольцом окружавшие сердце России.

После этих двух лет начинаются переговоры. Они начинаются уже в феврале—апреле 1919 года. Для того, чтобы вы отдали себе отчет в нашем нынешнем положении, я напомню, на какие условия мы готовы были итти в феврале, марте и апреле 1919 года. Об этом сейчас слишком часто забывают, как мы видим, и наши друзья и наши враги. 4 февраля 1919 г.

по радио (других сношений у нас тогда не было с внешним миром) Совнарком обратился с предложением мира ко всем империалистским державам, предлагая: 1) признать обязательства по займам прежних правительств России, 2) отдать в залог наше сырье, как обеспечение платежа процентов по займам, 3) предоставить концессии и 4) дать территориальные уступки. Вот что мы предлагали 4 февраля 1919 года. Месяца через полтора к нам прибыл американский радикал Бурит от известных кругов американского правительства, и 10 апреля 1919 года мы заявили империализму Европы и Америки, что готовы прекратить вооруженную борьбу с „фактическими правительствами, существовавшими в России", т.-е. с белыми.

У меня нет с собой карты России начала 1919 года, но я ее помню хорошо. У Советской власти не было тогда Урала, Сибири, Белого моря, Украины и Кавказа. Мы представляли тогда старое московское княжество. И вот Советская власть заявляла американскому неофициальному посланнику, что мы готовы признать эти границы, прекратить гражданскую войну, при условии, разумеется, прекращения ее со стороны наших врагов. Мы готовы, во-вторых, немедленно демобилизовать армию, в-третьих, принять на себя соответственную долю государственного долга, т.-е. ту часть долга, которая падает на нашу территорию, ибо основная территория большей частью должна была остаться у белых. Мы отказываемся от возврата нам золотого запаса, который был захвачен союзниками, с зачислением его в счет платежа по государственному долгу. Вот на какие условия мы шли. Союзные империалисты эти условия не приняли. И очень хорошо сделали, что не приняли!

С того времени наше положение все-таки, как бы строго мы ни относились к своим ошибкам и недостаткам, улучшилось. Отрицать этого не придется, если мы вспомним ход переговоров в Генуе. Конечно, то, что нам предлагали в Генуе—очень тяжко. Нам предлагали вернуть старым собственникам фабрики и заводы. Насчет земли требования были менее определенны, ибо земля раздроблена и из рук крестьян ее невозможно вырвать. Это понимали и международные биржевые акулы. Но вопрос касался восстановления капиталистических отношений в нашей стране. Мы ответили отказом. Мы, правда, говорили

о нашей готовности условно признать старые долги, но условно, т.-е. если нам немедленно дадут большой заем. Англия, после разрыва переговоров, происшедшего по ее вине, запрашивала вторично об этих условиях и получила ответ, что они с нашей стороны были предложениями до известного дня. Переговоры прерваны, и все наши условия, заявления и готовность платить долги мы берем обратно.

Мы не связаны в отношении к Европе и Америке ни одним обязательством, и войны нет. Но чем об'ясняется, что войны нет? Об'ясняется, несомненно, прогрессивным параличем классовой воли империализма под влиянием роста противоречий и медленного наростания революционного движения рабочего класса. Тем же об'ясняется, с другой стороны, и этот затяжной и бесплодный характер мирных переговоров, эта дипломатическая канитель до Генуи и Гааги.

Мы не раз говорили, что ужасающий экономический кризис заставляет европейскую буржуазию искать соглашения с Советской Россией, как с возможным поставщиком сырья, как и с возможным покупателем продуктов европейской промышленности. Это безусловно верно. Кризис в Европе, правда, не прогрессирует, как он прогрессировал полтора года тому назад; он задержан, заметно даже улучшение экономического положения западно-европейских стран, но это улучшение поверхностно, а основной кризис продолжает подрывать устои хозяйства.

Можно ли сказать, что соглашение с Советской Россией внесло бы сразу значительное улучшение в положение Европы? Нет. Мы слишком обеднели и как возможные поставщики сырья, и как возможные покупатели фабрикатов, чтобы в течение ближайших двух-трех лет мы могли бы явиться решающим или просто крупнейшим фактором хозяйственной жизни Европы. И это буржуазия знает. Разумеется, можно сказать, что включение России в хозяйственную жизнь Европы будет получать с каждым годом все большее значение, и в восемь—десять лет Россия, возрожденная, вставшая на ноги, окажется одним из самых могущественных факторов мирового хозяйства. Это бесспорно. Но это через восемь-десять лет. А чтобы строить комбинации, расчитанные на десятилетия, нужно иметь перспективу, нужно чувствовать почву у себя под ногами.

Вот этого-то у европейской буржуазии сейчас и нет—нет уверенности в том, как сложатся события завтра и послезавтра. Она живет сегодняшним днем. Хозяйственная почва истощена, кризис переходит от судорог к временному улучшению, которое сменяется новыми судорогами. Международные отношения неустойчивы. Вчерашние союзники, и главные из них, Англия и Франция, все более и более противостоят друг другу во всех плоскостях империалистических требований.

Вот почему ни одно европейское правительство неспособно сейчас вести хотя бы в такой мере, как это было до последней империалистической войны, политику, расчитанную на десять и даже пять лет вперед. Все буржуазные правительства живут внушениями данной минуты, стараются заклеить, заделать наиболее вопиющие противоречия—и только. И так—от противоречия к противоречию, от конфликта к конфликту, переезжая с одного дипломатического курорта на другой,—Канны, Генуя, Гаага,—они в каждый данный момент стараются отодвигать наиболее острые вопросы. Вот откуда их дипломатическое бессилие, родственное их прежнему военному бессилию. Имеют мощные армии—и не могли нас разбить. Имеют вооруженную вековым опытом дипломатию и не способны довести ни одного дела до конца.

Мы говорим о наших отступлениях. Конечно, мы много отступали. Но сравните нашу дипломатическую платформу в феврале и апреле 1921 года,—я вам ее только что прочел; мы отдавали без малого чуть ли не три четверти территории нынешней РСФСР, обязывались безусловно платить долги, отдавали в залог сырье—сравните эту платформу с той платформой, с какой мы прибыли в Геную и с какой мы оттуда ушли. В Генуе мы сказали: „Россия не отдается и не распродается, Россия не капитулирует перед ультиматумом мирового империализма“. И что же? Через короткое время после этого обращается к нам представитель биржевых вершин Великобритании Лесли Уркварт, представитель миллиардных предприятий в разных частях света (он владел многими предприятиями и на Урале, и в Сибири), и подписывает договор, предварительный, условный, с т. Красиным на 99 лет. Большой срок! Я думаю, что не многие из самых молодых товарищей, здесь находящихся, увидели бы конец этого срока... Вы можете сказать: „Как же так? Если буржуазия сейчас не способна

загадывать даже на пять, на десять лет вперед, как же Уркварт загадывает на 99 лет вперед?“ В том-то и дело, что буржуазия, правящая, как класс, как государство, должна иметь план— с кем заключить союз, кто больший, кто меньший враг, должна предвидеть, как сложатся отношения через десять-пятнадцать лет. Уркварт выступает, как собственник, и только; его рассуждения очень просты и в простоте своей очень правильны. Он говорит: „Если мы, Уркварты, удержимся, т.-е. удержится капитал в Англии, во Франции и во всем мире, то мы раньше или позже задушим Советскую Россию“. И он прав. Если бы во всем мире революция была подавлена на десятилетие или навсегда, как они надеются,—ведь они на это надеются,—то, разумеется, Советская Россия не устояла бы. „Если же—рассуждает Уркварт—нас, капиталистов, опрокинут в Англии, во Франции,—конечно, мы потеряем нашу собственность и на Урале, и в Сибири“. Но кто теряет голову, по волосам не плачет; если капитал будет во всем мире экспроприирован, то конечно, концессия господина Уркварта истечет в несколько более короткий срок, чем 99 лет. Вот почему его расчет вполне правилен. Я не знаю, говорил ли ему это тов. Красин; вероятно, он говорил ему в частной беседе: „До тех пор, пока вы сила во всем мире, мы отдельно вас экспроприировать не будем. Если же английский рабочий вас экспроприирует и возьмет ваше имущество в свои руки, то мы с английским рабочим как-нибудь уж об этой концессии договоримся“ (смех).

Но вы заметьте, что Советское правительство отвергло и этот договор! Безусловно отвергло. Политика Англии не дает минимальной гарантии для заключения такого рода ответственного и крупного договора, предполагающего возможность нормальных сношений между странами. Англия препятствует Турции восстановить возможность своего национального существования в естественных границах турецкого народа. Англия вела фактически с Францией войну: Англия выступала под псевдонимом Греции, а Франция оказывала фактически поддержку Турции. Война привела к победе Турции, чему мы вполне сочувствуем, ибо Турция воевала за свою независимость в то время, как Греция выполняла империалистические и хищнические планы Великобритании.

Встал вопрос о Черном море и о проливах. У Черного моря живут государства, входящие в нашу федерацию, у Чер-

ного моря, кроме того, живут Турция, Болгария и Румыния. И вот вопрос о Черном море Англия хочет решать совместно с Францией и Италией, но без участия тех стран, для которых Черное море является внутренним морем, а берега его—порогом в их дом. В этих условиях попирания Англией элементарных прав и интересов народов нашей федерации, Советское правительство не сочло возможным подписать договор с английским гражданином: выполнение договора, повторяю, предполагает минимум лойяльных отношений между странами и правительствами.

Можем ли мы, однако, обойтись без иностранного капитала? Этот вопрос буржуазная пресса Европы и Америки ставит перед собой, ожидая, что по мере нашего хозяйственного ослабления мы будем все более и более уступчивы. Я уже показал, на документах напомнил дипломатические акты, которые свидетельствуют, что в общем и целом,—уступчивыми приходится становиться не нам, а нашим врагам. Но с хозяйственной точки зрения—можем ли мы обойтись без иностранного капитала?

Товарищи, если представить себе, что на нашей планете нет другой страны, кроме России, то очевидно, что 150-миллионный народ не погиб бы без капиталов Уркварта, а постепенно бы выбрался из нищеты и разорения, которое получил в наследство. В чем же вопрос?

Когда мы говорим о концессиях, займах, то подразумеваем ускорение темпа нашего хозяйственного под'ема и возрождения. Приток иностранного капитала, иностранной техники, означает более быстрое преодоление кризиса и нищеты. Отсутствие их означает большее количество страданий, бедствий и более медленный темп хозяйственного развития,—только! И в этих пределах мы ведем переговоры. Вот почему кабальной зависимости от мирового капитала после того, как он обнаружил свою неспособность раздавить нас вооруженной рукой, кабальной зависимости мы не принимали и не примем.

Капитал в Гааге пытался купить нас: „Все куплю“—сказало злато. Так раньше: „все возьму“, — сказал булат. Обе эти атаки отбиты. Сейчас мы видим действия отдельных предпринимателей. Конечно, если бы английское правительство изменило свою политику и прежде всего признало бы Советскую Республику, а затем попыталось бы договориться относительно важнейших политических вопросов, то договор с Урквартом,

с теми или другими изменениями или без них, мог бы быть утвержден. Этот договор представляет собой деловое соглашение с отдельной группой капиталистов, которая получает бешеный, хищный барыш, но ввозит к нам новую технику и помогает нам, помимо своей воли, поднимать промышленность нашей страны. В этой плоскости и дальше пойдет торг. Здесь будет то же самое, что и в области дипломатической. С каждым годом число иностранных претендентов будет больше, а условия, какие мы будем ставить, будут приближаться все более и более к нормальным.

Товарищи! Основная особенность нашего хозяйственного положения состоит в том, что мы строим или пытаемся строить социализм на разрозненно-хозяйственной основе. Это есть главная черта, которая должна и в ваше сознание врезаться крепчайшим образом. По старым марксистским книжкам мы учились и учили, что миссия (призвание) капитализма состоит в том, чтобы развить до большой высоты производительные силы страны и всего мира. Затем явится пролетариат, который овладеет этими развитыми производительными силами и перестроит их на социалистический лад в интересах всего человечества. В основном это—безусловно верно. Капитализм довел производительные силы до большой высоты. Но прежде, чем пролетариат оказался способен этими производительными силами овладеть, капитализм в бешеной спазме мировой войны разрушил значительную часть этих сил и, чем дальше на восток, тем большую.

Австро-Венгрия разорена. Германия разорена. Россия разорена до последней степени.

Техника, развитая капитализмом, сохранилась. Она сохранилась в Америке—в чрезвычайном развитии, в Англии—на большой высоте, во Франции—с большим ущербом, на востоке—все хуже и хуже. У нас сохранилась техника в книгах, в знаниях, в навыках, в приемах, в квалификации рабочих, а материальные ценности, созданные прежним трудом, разрушены или расшатаны до последней степени. И вот рабочий класс, волей судеб взявший в руки власть в наиболее разоренной в хозяйственном смысле стране, приступает к строительству социализма. Он строит социализм, но в то же время он вынужден восстановить все материальные ценности, которые раньше создавала буржуазия, начиная со времени первоначального накопления.

Кто из вас ознакомился с политической экономией, хотя бы с первыми ее главами, тот знает, что буржуазия, как класс, проходит через эту стадию первоначального накопления, которая отличается чрезвычайным варварством, эксплоатацией и самоэксплоатацией, ибо мелкий буржуа, зародышевый буржуа, эксплоатирует сам себя. Он работает двужильным трудом: эксплоатирует свою жену и своих детей, пока не добывает минимальный капитал, позволяющий ему эксплоатировать наемный труд; тогда мелкая буржуазия превращается в среднюю.

Мы получили разоренную страну, и пролетариат, владеющий государством, вынужден пройти стадию, которую можно назвать стадией первоначального социалистического накопления. Мы не имеем возможности пользоваться той техникой, которая была до 1914 года. Она разрушена, ее приходится воссоздать шаг за шагом, в условиях рабочего государства, но путем колоссального напряжения живой рабочей силы. И в этом задача, в этом и трудность, и прежде всего трудность воспитательная.

Когда молодой рабочий, скажем, в 1912—1913 году попадал на завод, в мастерскую, то он там находил определенный режим. Его эксплоатация, его быт толкали его к отпору. Он вовлекался в стачку. Эта стачка, хотя бы темная, стихийная, слепая, толкала его на путь классовой борьбы. Там, в мастерской, он получал уже первое общественное воспитание, которое вело его к социализму, к революции.

Нынешний молодой рабочий в мастерской встречает материальные условия, которые хуже тех, какие он испытывал при капитализме. Почему? Потому, что пролетариат у нас проходит стадию первоначального социалистического накопления. Мы можем—условно, разумеется,—сравнить рабочий класс с семьей кустаря-ремесленника, который сегодня еще только-только продвигается вверх, а завтра станет мелким, средним, а может быть и крупным буржуа. Когда кустарь эксплоатирует свой труд, т.-е. работает до седьмого пота, с ним работают его жена, сын, дочь,—здесь нет классовой эксплоатации. Это только хищническое напряжение сил своих и своей семьи в целях поднятия своего благосостояния. Проходя у нас сейчас стадию первоначального социалистического накопления, — а мы только-только отходим от разорения гражданской войной, когда чуть только намечаются просветы в сторону накопления,—рабочий

класс вынужден напрягать свои силы. Здесь, конечно, нет классовой эксплоатации, поскольку речь идет о предприятиях, принадлежащих рабочему классу, т.-е. о главнейших наших предприятиях. Здесь есть напряжение сил рабочего класса, его молодежи, ужасающее варварское напряжение сил,—чтобы поднять себя на ступень выше.

Вот, товарищи, где тревожный момент в воспитании нашей молодежи! Когда молодой рабочий до войны при буржуазии ходил в мастерскую, то более передовой говорил ему: „вот твой хозяин, твой враг, твой эксплоататор". „Средства давления какие?"—„Стачка". И молодой рабочий, еще не отдавая себе отчета в том, что такое буржуазное общество, что такое Франция, Англия, биржа, империализм, милитаризм, в этой маленькой ячейке, в мастерской получал уже все внушения, все толчки, для того, чтобы сложиться в борьбе в революционера, в сознательного пролетария.

А теперь? А теперь условия периода первоначального социалистического накопления в переходную эпоху приводят к тому, что какой-нибудь меньшевик или эсер повторяет то, что мы говорили перед лицом буржуазии, и толкает рабочего к тому, чтобы противопоставить себя рабочему классу в целом. Если мы скажем молодому рабочему в мастерской, на заводе: „твое положение тяжко, добивайся лучшего". „Требования—кому?" „Хозяину!" „Хозяин кто?" „Государство". Это уже обобщение. Это уже понять не легко.

Следовательно, условия эпохи нашего первоначального накопления приводят к тому, что те методы и лозунги, которые в буржуазной России толкали молодого пролетария на путь классовой борьбы, теперь толкают его на путь борьбы с рабочим классом и его государством. Это, товарищи,—сердцевина вопроса. Она очень проста, если в нее вдуматься и если немножко знать о том, что такое государство, что такое класс и эксплоатация. Но ведь этого-то молодой рабочий, только что пришедший на завод, не знает, а между тем на заводе буржуазно-капиталистическом первое его движение было правильно. Теперь? Теперь он должен понять природу Советского государства, чтобы правильно разобраться на заводе и в мастерской. Вот как повернулось дело.

Тогда было достаточно ощупью разобраться в мастерской, и он уже по существу правильно разо-

брался в обществе. Теперь, наоборот, ему нужно дать себе отчет в строении всего советского общества, чтобы не заблудиться в своей мастерской. Другими словами, раньше он шел эмпирическим, индуктивным путем от частного к общему, а теперь одного этого пути недостаточно ему даже на первых шагах, ибо на этом эмпирическом пути его могут поймать социалистические звукоподражатели—меньшевики, те, которые повторяют старую формулу, но повторяют в новой обстановке и направляют по прямо противоположному пути. Это значит, что задачи воспитания рабочей молодежи становятся гораздо более сложными, и это вместе с тем об'ясняет нам, почему меньшевики направляют свои усилия в сторону рабочей молодежи.

Нужно, однако, сказать, что меньшевики сделали большой шаг (который можно назвать шагом вперед, поскольку это—шаг к ясности) в своей последней платформе. Не только делегат с'езда, но и каждый член союза молодежи должен быть ознакомлен с этой платформой. Меньшевики прямо заявляют: „спасение России только в капитализме, развить производительные силы можно только на капиталистических началах". Поэтому они требуют передачи если не всех, то большинства фабрик и заводов в руки капиталистов. Они, конечно, при этом обещают, что против будущих капиталистов, ходатаями за коих они являются, они будут защищать 8-часовой рабочий день пролетариев.

Но для этого, чтобы дать возможность им выполнять их „социалистическую" роль, нужно только разрешить малость: нужно вернуть заводы, фабрики, шахты в руки капиталистов! Они выступают, как душеприказчики Генуэзской и Гаагской конференций с той только разницей, что Ллойд-Джордж и Барту требовали возвращения заводов и фабрик только иностранцам, наша же „демократия" требует возвращения заводов и фабрик капиталистам вообще. Такая постановка вопроса чрезвычайно облегчает нам воспитание рабочей молодежи по отношению к этому врагу, ибо в этом-то узле и пересекаются основные линии нашего развития и нашей борьбы.

Меньшевики призывают к стачке. Во имя чего? Во имя улучшения положения рабочих! Ваш союз обязан проявлять чрезвычайное внимание к действительным интересам молодежи, отстаивать их и перед хозяйственными органами, и перед профсою-

зами. Но ваш союз, как и профсоюзы, как и наша партия, исходят из того, что улучшение положения рабочего класса совершается на основе нашего первоначального социалистического накопления, т.-е., мы должны производить такое количество материальных благ, чтобы покрывать расходы производства, не давать ему разрушаться, и в то же время, хоть и понемножку, медленно улучшать это производство. Только при этом условии может улучшаться материальный уровень рабочего класса. Меньшевики же исходят из того, что рабочий класс неспособен к социалистическому строительству, что заводы и фабрики нужно передать либо старым, либо новым владельцам. Отсюда, конечно, стачечная борьба, которая является ничем иным, как организованным саботажем: через отдельные группы и менее зрелые части рабочего ккасса, меньшевики, против рабочего класса в целом, хотят организовать подрыв нашего первоначального социалистического накопления.

Если мы возьмем книжку светила международного меньшевизма, австрийско-немецкого теоретика Отто Бауэра, книжку, посвященную „новому курсу" Советской Республики, то мы встретим там те же самые утверждения, что и в платформе наших русских меньшевиков, и ту же самую перспективу. Нужно отметить, с каким наглым невежеством международный меньшевизм говорит о Советской России. Я всем показал, что в 1919 году мы без колебаний, в резкой, ясной всему миру форме не говорили, а кричали: „если вы, международные душегубы, оставите нас в покое, мы вам заплатим все царские долги".

Это — в начале 1919 года. Но для того, чтобы обмануть германских и австрийских рабочих, чтобы доказать, что мы, всегда отступая, неизбежно катимся по наклонной плоскости, этот самый „теоретик" докладывает, что мы теперь, после больших колебаний, решились признать долги. Но ведь мы тогда это прямо предлагали, а теперь вовсе не обязуемся этого выполнять! Мы ведь заявили, что только при условии такого займа, который позволит нам сделать большой хозяйственный скачок, мы согласимся разговаривать о старых долгах.

Но это — из области наглой фальсификации. А вот наш „теоретик" говорит на другой странице своей книги:

„Восстановление капиталистического хозяйства не может быть произведено при диктатуре коммунистической партии. Поэтому, новый курс в хозяйстве требует и нового курса в политике“.

Любезный бауэровскому сердцу „новый курс политики“ вы знаете: это демократия, парламентаризм. Так вот—не угоден ли такой ход мыслей: восстановление капиталистического хозяйства, как цель, не может быть достигнуто при диктатуре коммунистической партии. А поэтому нужен не только новый курс в экономике, но и в политике.

Но кто же ему сказал, что задачей советского „нового курса“ является восстановление капиталистического хозяйства? Он считает эту задачу безусловной: это об'ясняется отчасти непониманием часто употреблявшегося нами выражения, что у нас теперь государственный капитализм. Я не буду входить в оценку этого термина; во всяком случае, надо точно условиться, что мы под ним понимаем. Под государственным капитализмом мы все понимали собственность, принадлежащую государству, находящемуся в руках буржуазии, которая эксплоатирует рабочий класс. Наши государственные предприятия работают на началах коммерческих, на основе рынка. Но кто у нас стоит у власти? Рабочий класс. В этом принципиальное отличие нашего „капитализма“ в кавычках от капитализма без кавычек, государственного.

Что это означает в перспективе? А вот что. Чем больше развивается государственный капитализм, скажем в гогенцоллернской Германии, как это было, тем могущественнее класс юнкеров и капиталистов Германии может давить рабочий класс. Чем больше будет развиваться наш „государственный капитализм“, тем богаче будет становиться рабочий класс, т.-е. тем солиднее будет фундамент социализма. И задачей нашей является, разумеется, не восстановление капитализма и, разумеется, при коммунистической партии восстановление капитализма невозможно. За эту аттестацию мы господину Отто Бауэру можем быть вполне признательны, т.-е. можем заверить его самого и его единомышленников и хозяев, что до тех пор, пока власть останется в руках коммунистической партии, восстановление капитализма в России невозможно.

Так пишут о нас рыцари международного меньшевизма. Но те же самые меньшевики, заявляют, что, дескать, мы, коммунисты, придаем слишком большое значение государственной

власти. При помощи государственной власти нельзя создать насильно нового строя и прочее, и прочее. Но почему же буржуазия придает такое крупное значение государственной власти, если государственная власть не играет огромной роли в вопросах хозяйства?

Есть, товарищи, журнал „Русская Мысль", который издается за границей, один из солиднейших журналов эмигрантствующей русской буржуазии. В этом журнале, в международном обзоре, Россия делится на две части. Во-первых, свободная Россия: это на Дальнем Востоке, где господствовал блаженной памяти, Меркулов, и, во-вторых, Россия, оккупированная третьим Интернационалом. Россия, которая находится под японским штыком, свободна. Почему? Потому что там власть в руках у буржуазных элементов. А вся остальная Россия— область иностранной оккупации. Почему? Потому что государственная власть вырвана из рук буржуазии. Так расценивает буржуазия значение государственной власти.

Буржуазия делает уступки рабочему классу: всеобщее избирательное право, социальное и фабричное законодательство, страхование, сокращение рабочего дня и т. д. Буржуазия шаг за шагом отступает; где необходимо, она дает реформу; когда возможно, она опять нажимает, а потом отступает. Почему? Она маневрирует; живой класс борется за свое господство, за эксплоатацию другого класса. Конечно, реформисты предполагают, что по частям они переделают буржуазный строй в социализм. А мы на это отвечаем—вздор: пока власть в руках у буржуазии, она будет отмеривать каждую реформу, но она знает до какой линии можно реформу дать. Для этого она и власть имеет в своих руках.

То же взаимоотношение между государственной властью и реформой имеется и у нас, но с той только маленькой разницей, что у нас у власти рабочий класс, который тоже дает уступки буржуазии: концессии, свободная торговля, право на прибыль и право безнаказанно носить по московским улицам свою буржуазную душу и свое буржуазное тело. Эта немалая уступка дана, но дал ее господствующий рабочий класс, который имеет приходо-расходную книгу своего государства и который говорит: „вот до этой черты уступку дам, а дальше— не дам". Тогда появляется Отто Бауэр и говорит, что при таком положении капитализм не может создаваться. Вот для

этого-то и создана граница, чтобы он не мог создаваться! (Рукоплескания).

Товарищи, это вопрос очень простой, но вместе с тем он крайне сложен. Еще не мало придется обломать молодых зубов об этот самый вопрос. Борьба будет длительная, затяжная. Первоначальное социалистическое накопление оставит много рубцов на спине рабочего класса и его молодежи. Вот почему воспитание этой молодежи, воспитание ее наиболее сознательных элементов, теоретическое воспитание авангарда, а под влиянием авангарда—воспитание масс молодежи, является для нас вопросом жизни и смерти.

История пяти лет революции должна дать основной материал для этого воспитания. Нужно разбираться в пространстве и во времени. Что такое образование, обучение, воспитание? Это навыки, способность ориентироваться в условиях времени и пространства. Нужно знать страну, в которой мы живем, страны, которые нас окружают. Нужно знать историю нашей страны, хотя бы за последние 10—15 лет. Нужно знать вчерашний день, период накануне Октября, период коалиции, керенщины, основные моменты в истории наших буржуазных партий. Это должно быть достоянием каждого сознательного молодого рабочего, потому что боев будет много, потому что развитие революции на Западе идет планомерно, но медленнее, чем мы ожидали.

Смотрите: сколько колебаний, изменений в рядах самого рабочего класса! В Италии после под'ема—упадок, измена, раздел социалистических партий. В Германии—раздел на три части: социал-демократы, независимцы, коммунисты; позднее—об'единение независимых с социал-демократами, — как будто укрепление вражеского лагеря.

Что это такое? Это—отдельные ступеньки в процессе революционного развития рабочего класса, и ступеньки эти идут сплошь и рядом вкривь да вкось. История берет рабочий класс за шиворот, встряхивает, поворачивает, и так и этак, дает осмотреть социалистические партии с разных сторон: она то заставляет немецких меньшевиков играть всеми цветами революционной радуги, то швыряет их в лоно буржуазной коалиции. Так, постепенно рабочий класс Запада подвигается вперед, укрепляя свои подлинно-революционные партии.

Наша партия на III Конгрессе Коминтерна указала наиболее молодым нетерпеливым коммунистическим партиям: вы не думайте, дорогие товарищи, что в тот день, когда вы заявили, что вы душой и телом стоите за Россию и за коммунизм, вы уже обнаружили вашу способность овладеть государственной властью. Надо овладеть прежде всего подавляющим большинством рабочего класса: без подавляющего большинства трудящихся пролетарской революции сделать нельзя. И мы в России ее совершили, имея за собой подавляющее большинство трудящихся масс. Отсюда вытекает и программа и тактика единого фрона. Лозунг единого фронта—постоянная апелляция к организованным и неорганизованным массам, хотя бы идущим под чужим знаменем, призыв к общей совместной борьбе против классового врага. Этот урок третий конгресс дал коммунистическим партиям, которые зарывались неосторожно вперед. Это—урок революционной стратегии, и этот урок не прошел бесплодно.

За последний год, сделавши—нельзя сказать, чтобы ослепительные, но твердые—успехи, мы видим, как во всем мире, наученная русским опытом и пользуясь медленностью развития пролетарской революции, буржуазия подготовляет свои боевые кадры. В Италии один из ренегатов-меньшевиков Муссолини набрал банды фашистов из развращенных подонков городских улиц и при помощи этих вооруженных фашистских банд держит под своим террором всю Италию, и буржуазия с ее парламентом, с ее прессой, с ее университетами, академиями и церковью почтительно уступает дорогу этим бандитам:—„Иди и владей". Ныне Муссолини—монархист и готов поддерживать все учреждения, которые служат делу продолжения гнета и эксплоатации трудящихся. Во Франции роялистские банды, которые были созданы для восстановления монархии, становятся излюбленным чадом господствующей буржуазии, боевыми отрядами против нарастающего коммунизма. Вот—неприкрытое буржуазное легальное государство с его парламентской демократической формой. Там происходит полуподпольно на виду у всех организация контр-революционных шаек в предвидении того дня и часа, когда дело дойдет до роковой схватки пролетариата с буржуазией.

Это значит, что революция подготовляется в Европе, как и в Америке, систематически, шаг за шагом, упорно, с зубов-

ным скрежетом. Она будет длительной, затяжной, жестокой и кровавой.

Мы взяли власть в Октябре почти что с налета. Мы застигли нашего врага врасплох. Только после Октября наша буржуазия и наши помещики стали мобилизовывать контр-революционные элементы и создавать фронты. Главные удары у нас были не до Октября, не до завоевания власти, а после завоевания власти. В Европе, насколько можно предвидеть, дело пойдет другим порядком. Уже до последней решающей схватки контр-революционные элементы проявляют больше опытности, чем наши; у них несравненно более высокая культура и техника; они используют все резервы; поднимают на ноги все элементы; натягивают нити боевой организации; подчиняют себе всю прессу; создают свои фонды; имеют свой разбойничий фашистский авангард. После того, как пролетариат в Европе овладеет властью, у контр-революции уже не останется резервов для борьбы. Поэтому можно надеяться, что после завоевания власти европейский пролетариат гораздо прямее и скорее перейдет к социалистическому строительству. Но до захвата власти—перед ним еще путь большой, напряженной и жестокой борьбы, а это, вместе с тем, значит, что вся мировая обстановка остается чреватой всякими неожиданностями.

Дипломатические переговоры,—которые я уже охарактеризовал в начале доклада, как затяжную канитель,—могут прерваться вследствие новых конфликтов. На Ближнем Востоке завязался кровавый узел, который еще не развязан. На Дальнем Востоке мы выставили в качестве щита Дальне-Восточную Республику, где рабочие и крестьяне, стремясь установить у себя советский режим и войти целиком в нашу федерацию, оказались вынужденными поддерживать режим демократии. Почему? Потому что американцы говорили, что Советская Россия должна быть разгромлена, так как она антидемократична. На Дальнем Востоке мы имели в течение последних лет всемирный пример небольшой мирной демократии, где народное собрание и министерства создавались на основе „самого лучшего“ избирательного права. И что же? Эта страна была все время ареной оккупаций, ареной японского насилия, не только с ведома, но и при поддержке или при попустительстве одних, и при

прямом активном содействии других империалистических государств, прежде всего Франции.

Но и в Японии нагрелась под ногами имущих классов почва. Все говорит за то, что Япония переживает сейчас свой 1903 или 1904 год, накануне своего 1905 года, с той резницей, что расстояние между 1905 и 1917 годами в Японии будет покороче, чем у нас, ибо сейчас история работает гораздо более быстрым темпом, чем в те десятилетия, которые предшествовали мировой войне.

Вот откуда явная неуверенность в себе японских господствующих классов. Они оттягивают войска, потому что в этих войсках велась и, разумеется, на нашей территории будет вестись революционная пропаганда, которая падает на благоприятную почву. И они, оттягивая войска, пригласили нас на мирные переговоры, на которых они предложили не более и не менее, как оставить за ними половину Сахалина. Почему? Потому что там есть ценные ископаемые. Но естественные богатства пригодятся также и русскому народу... Наш представитель тов. Иоффе заявил там то же, что и наши представители в Генуе: „Россия не раздается и Россия не распродается". А на иных началах не разговариваем. Переговоры прерваны. Что это означает для завтрашнего дня, мы не знаем. Вот японский дипломат, который там вел переговоры, пригрозил нам пальчиком: „вы знаете, что разрыв переговоров может вызвать последствия"? Последствия? Мы их видали. Оккупация?—Мы видали уже оккупацию дальневосточной территории.

Мы предлагали разоружение в Генуе. Нам было отказано в постановке вопроса в порядок дня. Мы предложили разоружение нашим ближайшим соседям. Румыния, как вы знаете, ответила: „я согласна с вами разговаривать о разоружении, но предварительно подарите мне Бессарабию". 150-миллионный народ предлагает соседям сесть за общий стол, для того, чтобы договориться о сокращении и облегчении военной ноши, и в ответ Япония на Дальнем Востоке прячет в карман половину Сахалина, а Румыния требует оффициального признания с нашей стороны принадлежности ей украденной ею Бессарабии.

Вот, товарищи, наше международное положение. Оно лучше чем в феврале 1919 года. Не так давно еще Клемансо посылал свои военные суда к черноморским портам, к Одессе, а не то вчера, не то сегодня наши пределы покинул бывший министр,

кажется, министерства Клемансо, Эррио, бывший и завтрашний министр. Он приезжал к нам, осматривался внимательно „на предмет восстановления сношений“ и сказал мне в разговоре, примерно, так: „в сущности, ваша революция, конечно, с некоторыми изменениями, есть дочь нашей старой революции, но только мать еще не признала своей дочери“ (смех). Я с своей стороны сказал, что эта формула очень счастливая, особенно, если она убедит Пуанкаре (я не знаю, кем приходится он этой матери-революции: если это и сын, то особенный сын, о котором в русском языке есть определенное выражение). Во всяком случае положение немного изменилось. Но опасности остаются еще в полной мере.

Вот почему, товарищ, мы не можем разоружиться сегодня и не сможем, вероятно, и завтра. И вот почему, наряду с хозяйственной и культурной работой, для нас имеет огромное значение вопрос и о нашей армии и флоте, от лица которого вас здесь уже приветствовали.

Как мне пришлось говорить на собрании молодежи, сейчас наша армия и флот являются ничем иным, как вооруженным союзом молодежи. У нас допризван 1901 год, и мы добираемся до 1902 года. Связь армии с рабоче-крестьянской молодежью прямая, непосредственная и кровная. Через посредство армии мы в течение последних дней прощупали рабоче-крестьянскую молодежь на Украине и в Крыму. Мы произвели допризыв 1901 года. Здесь опять огромная разница с тем, что было в 1918 и 1919 г.г., когда не было государственного аппарата, когда крестьянин переминался с ноги на ногу и не знал, нужна ли армия. Теперь везде, даже в Крыму, который недавно освобожден, рабоче-крестьянская молодежь сплошь, без принуждения, добровольно, охотно и радостно вступает в ряды Красной армии. Это настроение нужно закрепить и отлить в определенную форму политического признания. Это есть величайшая задача всех наших органов и учреждений и, может быть, в первую голову коммунистического союза молодежи.

Я уже сказал, что мы не можем надеяться на эмпирическое воспитание рабочих в мастерских. Мы должны подходить к ним с известными обобщениями, характеризуя положение рабочего в обществе. Эта необходимость вытекает из характера переходного периода, нашего общественного развития. Молодой рабочий должен знать не только свое место в обществе, ма-

стерской и на пашне, но должен знать свое место во вселенной. Вопрос о миросозерцании получает решающее значение.

Теперь нам необходимо подходить к молодежи рабочей, а во вторую голову и крестьянской, с более законченным и более широким захватом. Теперь жизнь целого класса, целого народа поставлена ребром, и к социализму можно притти только путем величайших жертв и напряжения всех сил, крови и нервов рабочего класса—только в том случае, если у рабочего класса будет твердое убеждение, что вот здесь, на этой земле, на этой почве мы должны создать новое, что здесь увенчание всех целей и что вне этого ничего не будет.

Религия—горчичник, оттяжка. Религия—отрава именно в революционную эпоху и в эпоху чрезмерных трудностей, которые наступают после завоевания власти. Это понимал такой контр-революционер по политическим симпатиям, но такой глубокий психолог, как Достоевский. Он говорил: „Атеизм немыслим без социализма и социализм—без атеизма. Религия отрицает не только атеизм, но и социализм". Он понял, что рай небесный и рай земной отрицают друг друга. Если обещан человеку потусторонний мир, царство без конца, то стоит ли проливать кровь свою и своих ближних и детей своих почему-то за устроение царства на этой земле? Так стоит вопрос. Мы должны углублять революционное миросозерцание и подходить к молодежи—даже имеющей религиозные предрассудки—с величайшим педагогическим вниманием более просвещенных к менее просвещенным. Мы должны итти к ним с пропагандой атеизма ибо только эта пропаганда определяет место человека во вселенной и очерчивает ему круг сознательной деятельности здесь, на земле.

Я уже сказал, что революция обнажает горные породы общественности, классовую государственную структуру, разоблачает ложь и лицемерие буржуазной идеологии. Это относится не только к земным, но и к небесным делам.

Лучший пример этого—американский епископ Браун. Вот его книжка о коммунизме и христианстве. Американский епископ, портрет которого приложен к книжке еще в епископском облачении. Полагаю, что он успел его с того времени снять. На книжке серп, молот и восходящее солнце. И епископ этот говорит в письме к другому духовному лицу следующее: „Бог, игравший хоть малейшую роль в англо-германской войне, Вер-

сальском мире или в блокаде России, для меня является не богом, а дьяволом. Если вы скажете, что христианский бог не принимал в войне никакого участия, я отвечу, что эти явления представляют собою величайшие страдания, через которые прошло человечество за последние годы, и если он, бог, не мог или не хотел приостановить их, то зачем же в таком случае обращаться к нему, где бы то ни было?".

Это—трагические слова епископа, который верил в своего бога и перед которым война и революция обнаружили ужасающие язвы бедствий. И он спрашивает: „Где мой бог?—Он не знал или не хотел, или не умел? Если не знал, то он не бог. Если не хотел, то он не бог. Если не умел, то он не бог". И он становится материалистом и атеистом, и говорит, что религия вытекает из классовой природы общества.

И это естественно. Именно вулканические эпохи общественных взрывов ставят вопрос о религиозном миросозерцании ребром, и мы должны этот вопрос, имея опыт нашей революции, наших страданий и бедствий, поставить перед сознанием, перед теоретической совестью молодого поколения рабочего класса. Тот же епископ говорит дальше: „Если бы во главе вселенной поставить просто порядочного, честного, гуманного и умного человека, то порядок был бы гораздо лучше, было бы меньше жестокостей и кровопролитий, чем теперь". Этот вопрос—вопрос воспитания нашей рабочей молодежи. Материал для него всюду,—от мастерской—ячейки, где происходит в очень еще жестоких формах и долго еще будет в тяжких формах происходить процесс нашего первоначального социалистического накопления,—до всего мироздания, до места человека во вселенной.

Нужно, товарищи, чтобы молодой рабочий помнил свой вчерашний день, вчерашний день своего класса. В связи с этим я вспомнил книжку известнейшего лидера меньшевиков Дана, который представляет наиболее отчетливо мещанскую, филистерскую, мелко-буржуазную, заскорузлую породу меньшевизма. Книжка представляет собой (если бы мы были богаче, ее следовало бы переиздать в большом числе экземпляров и всюду раздавать) блестящее выражение мещанского тупоумного высокомерия.

Этот лидер меньшевиков докладывает русской эмиграции и европейской буржуазии (ибо книжка переведена на немецкий язык и, вероятно, на другие) о том, какие у нас в тюрьмах безграмотные надписи. Безграмотность... Конечно, мы знаем

прекрасно нашу российскую безграмотность, будь она проклята! Но это безграмотность нашего господствующего рабочего класса, с которой мы будем бороться внутри всячески, беспощадно. А бежать от рабочего класса к европейской буржуазии и указывать: „погляди на него, какой неумытый, безграмотный!“—нет, это занятие не для нас, а для господ „социалистов“.

Вся книжка наполнена этой дрянной жалкой жалобой, клеветой, ложью, перемешанной с полуправдой. Но я не из-за этого о ней говорю. Дан среди прочей мещанской дребедени приводит два очень ярких факта. Он говорит о классовой гордости и о чувстве справедливости, которую он замечал у наших красноармейцев и у рабочих. Один красноармеец рассказал ему в тюрьме, как он жил в Крыму, где был мобилизован Врангелем. „Жилось гораздо лучше и сытнее, чем в Советской России. Но барское отношение офицеров к рабочим и солдатам—вот чего он не мог перенести и вот ради чего он готов все простить большевикам“. Врангелевский беглый солдат, который будто бы лучше кормился у Врангеля, прибежал к нам—и вот он в тюрьме в качестве стража сталкивается с меньшевиком Даном, и последний начинает его испытывать и искушать. Речей своих Дан не приводит, но мы их знаем и без того—Дан указывает на хлеб с овсом, недопеченную ковригу и пр. и пр., и приводит ответ солдата: „Да, я был у Врангеля, там лучше кормили, но там есть бары, а тут их нет“.

Второй пример. В тюрьме был красноармеец, который прекрасно относился к меньшевикам и эсэрам. Но как-то один из эсэров, войдя в камеру, крикнул своим товарищам-эс-эрам: „господа, идемте на прогулку!“ Валявшийся на нарах красноармеец, как ужаленный, вскочил и крикнул: „не сметь!“. Товарищи, лучше сказать нельзя было. Добродушный красноармеец, где-то валялся, не обращая ни на что внимания. Вбегает эс-эр, произносит слово „господа“, и красноармеец, как ужаленный, вскакивает и говорит: „я-те покажу—господа!“ Вот то основное сознание, при наличии которого коммунистическая партия только и может воспрепятствовать восстановлению капитализма.

Но когда наш Мартов и Дан в своей новой платформе говорят, что нужно передать фабрики и заводы господам, это уже не эс-эровское „господа, пожалуйте на прогулку“, а „господа, пожалуйте владеть заводами и фабриками“. Вот что тут наш красноармеец скажет?

Поддержать, укрепить и развить в рабочей молодежи сознание вчера угнетенного, сегодня еще страдающего, но господствующего рабочего класса—эта ваша первая и основная задача. Уступка, да, тягчайшая уступка—НЭП, но это вопрос тактический, это вопрос тактики господствующего класса. „Тут нет бар“,—сказал красноармеец Дану,—нет бар, и не будет их в роли господствующего класса. Рабочий класс в целом и его молодой отряд в виде Российского Коммунистического Союза Молодежи и им, союзом, руководимые отряды перенесут это сознание на те годы, которые еще остаются для уступок.

Нам, товарищи, пуще всего надо учиться, пуще всего учиться. И так как борьба будет затяжной, до победы мирового рабочего класса, то учиться нам надо не наспех, а всерьез и надолго. Наука не простая вещь, и общественная наука в том числе,—это гранит, и его надо грызть молодыми зубами, ибо если обстановка сейчас внутри страны тяжка и если переходный период затрудняет понимание классовой природы государства, то на помощь должна придти обобщающая наука.

Ближайшие годы будут годами учения. Они должны стать годами напряженной работы рабочей молодежи, как авангарда рабочего класса, по воспитанию и самовоспитанию. Та борьба, которая предстоит, чрезвычайно тяжела. Она пожирает силы старшего поколения без конца. Мы люди первого призыва стареем. Ряды второго призыва поднялись в годы бурной гражданской войны, они учились кое-как и научились малому. Люди третьего призыва рабочего класса, т. е. ваше поколение, входят в сознательную жизнь не в такой лихорадочной атмосфере. Учиться нужно, чтобы придти на смену старшего поколения, часть которого постепенно выйдет в тираж.

Вот почему, товарищи, вопрос о союзе молодежи есть вопрос жизни и смерти нашей страны, есть вопрос жизни и смерти нашей революции, есть вопрос судьбы мирового революционного движения. Я обращаюсь к вам и через вас ко всем наиболее чутким, наиболее честным, наиболее сознательным слоям молодежи пролетариата и передового крестьянства:—Учитесь, грызите молодыми зубами гранит науки, закаляйтесь и готовьтесь на смену!

РЕЧЬ В ДЕНЬ ПРИНЯТИЯ Р. К. С. М. ШЕФСТВА НАД КРАСНЫМ ФЛОТОМ

(16 октября 1922 г.)

Товарищи! День 16 октября 1922 г.—празник усыновления рабоче-крестьянского Красного флота рабоче-крестьянским Союзом Молодежи. Это событие, по существу своему как бы формального значения, на самом деле имеет глубокий политический и общественный смысл и войдет значительной датой в книгу нашей революции. Здесь, на этой сцене, которая давно перестала быть только театральной сценой, которая стала ареной крупнейших исторических событий [1]), сегодня разыгрывается крупное событие—приобщение вашего союза к нашему общему строительству, при том в самой его острой и ответственной форме, — к военному строительству. Этот большой праздник явится—в этом сомневаться нельзя, и я с этого начну—явится, вероятно, исходным моментом новой кампании бешеной клеветы против Советской России в буржуазной печати всего мира.

Мы с вами давно „империалисты", „милитаристы", которые организуют вооруженную силу для порабощения наших соседей, для закабаления Европы и всего мира. И вот сегодня Коммунистический Союз Молодежи, перед которым стоят прежде всего культурно-воспитательные задачи, собирается в этом Большом театре—для чего?—для того, чтобы вручить свое знамя усыновленному им рабоче-крестьянскому Красному флоту. Не есть ли это самое яркое и неопровержимое свидетельство и подтверждение всему тому, что говорилось о наших милитаристских замыслах и об империалистском духе нашей революции? И я

---

[1]) Речь была произнесена в московском Большом театре.

повторяю, что завтра или послезавтра в подлинно империалистских, в подлинно хищнических изданиях всего мира будет этот праздник истолкован, как праздник военных замыслов и империалистского честолюбия.

Есть французская пословица о том, что „чорт, чем становится старше, тем более благочестив". Ее надо применить к капитализму, который становится тем более лицемерен, тем более подл в своей лжи, изощренной, распоряжающейся необ'ятными рессурсами печати и устного слова, чем становится старше, чем больше приближается к своей исторической могиле. Каждая газета, отражающая душу мировой буржуазии,—а у мировой буржуазии есть богатая пресса,—представляет собой, в каждом номере своем, целую академию лицемерия и лжи. На каждую кровавую руку, которая на службе у буржуазии готовится занести остро отточенный нож в грудь или спину рабочего класса, есть сто рук, вооруженных пером, и сто языков для того, чтобы ругать, обманывать, травить и клеветать,—и вот мы — милитаристы, мы—империалисты, мы, которые в октябре 1917 года пришли к победе под знаменем мира и братства всех народов.

Первое обращение победоносного октябрьского правительства к правительствам всего мира гласило: прекращение войны и выработка мира, который означал бы сосуществование и братское сотрудничество всех народов. И если мы терпеливо станем перелистывать страницу за страницей книгу наших пятилетних судеб, то мы на каждой странице увидим след наших напряженных усилий добиться, хотя бы ценой величайших уступок, мира и трудового соглашения со всеми остальными странами. И не только перед воротами больших империалистских держав, как Англия, как Франция, а раньше (после Октября), как Германия, и позже, как Соединенные Штаты,—не только перед их бронированными воротами стояли наши дипломаты и настойчиво стучались и предлагали мир и требовали мира; но даже перед воротами маленькой Эстонии и Латвии, или позже — Польши и Румынии, наша дипломатия в течение недель и месяцев и лет стояла и повторяла настойчиво: мы предлагаем мир. Мы выдавали премию за мир, и премию в звонком чистом золоте, которого у нас не так-то много было и которого еще меньше осталось. Я выделяю Эстонию, которая заключила с нами мир, мир, который нужен был Эстонии не меньше, чем нам. История наших отношений с Польшей,

все наши ноты, обращения, заявления с начала до конца были проникнуты нашим глубоким и искренним стремлением без кровопролития достигнуть мира, приняться залечивать раны нашего истощенного обескровленного общественного организма. Мы— империалисты и милитаристы не потому ли, что в первый день пришествия октябрьской власти мы заявили, что мы отвергаем и отметаем все старые договоры царизма, построенные на хищничестве и насилии, и предлагаем всем народам мир? Мы— империалисты и милитаристы, очевидно, потому, что народам Востока, угнетенного и подавленного, мы предложили братскую руку помощи; потому, что мы расторгли по доброй воле старые договоры с Персией, которые налагали на нее тяжелые вериги. Мы братскую руку протянули угнетенному и разделенному на части Китаю. Мы поддерживали угнетенную и подавленную Турцию в тот период, когда, казалось, что не осталось уже и маленького огонька в ее очаге. Мы—империалисты и милитаристы потому, что поддерживали слабых и предлагали мир всем народам земного шара.

И в этой долгой цепи наших усилий и нашей борьбы мы закалялись сами. Если у нас накануне Октября не было уже никаких иллюзий относительно характера буржуазии, ее методов, ее духа, то, может быть, все-таки, у кое-кого из нас была мысль, что есть предел, перед которым останавливается даже и буржуазный цинизм. Но таких пределов нет. Это — предел силы, предел насилия. Натиск буржуазии останавливается там, где израсходованы ее силы, и тогда на помощь нехватающим силам приходит ее изощренное лицемерие.

Под тяжкими ударами мы строили нашу рабоче-крестьянскую армию. Нам трудно было перейти к строительству флота, потому что для флота нужны более высокая техника и более высокий уровень государственной организации. Нужно, чтобы ткань советского общества и советского государства стала плотнее, правильнее, тоньше — для того, чтобы мы могли приступить к восстановлению рабоче-крестьянского флота, представляющего сложный и тонкий организм. Мы пришли к этой необходимости под ударами судьбы, под ударами наших врагов.

Я мог бы назвать много и много эпизодов, когда мы обращались к мысли о том, что наш флот, который сослужил большую службу во внутренней гражданской войне, службу неизме-

римого значения, что он нам понадобится и для охраны наших границ от внешних покушений.

Но из целой цепи фактов я приведу воспоминание об июльских и августовских днях 1920 года. К одесским водам подошли тогда французские военные суда, сопровождавшие транспортные суда, и французское командование, потребовав лоцмана, испросило разрешения войти в воды Одессы. Разрешение они получили. На транспортных судах находились русские солдаты, которые посланы были царем на помощь французскому капиталу против капитала германского и которые затем, после победы Октябрьской революции, были превращены Францией и французской буржуазией в военнопленных. Прежде, чем успели приступить к разгрузке военнопленных, захваченных бывшими союзниками царизма, и проверки их рядов, оказалось, что на кораблях имеется 19 военных самолетов. Эти военные самолеты были привезены — для кого? Разумеется, не для нас с вами. Они предназначались для Врангеля в Крыму. Но так мало церемонились с нами военно-морские власти Франции, что сочли возможным, с целью экономии горючего, выполнить два поручения сразу: завезти в Одессу бывших царских солдат, от которых они торопились в это время избавиться, и затем попутно Врангелю доставить 19 самолетов, с которых врангелевцы должны были убивать русских рабочих и крестьян! По законам войны—а мы находились в состоянии войны—самолеты являются первостепенной военной контрабандой, и, разумеется, одесские военные власти немедленно эту контрабанду арестовали. Начались сложные и тяжкие переговоры. Мы, члены Реввоенсовета с главнокомандующим и командующим морскими силами, сидели у одного конца прямого провода здесь, в Москве, а у другого конца провода, в Одессе, сидели тамошние военно-морские власти и нам передавали каждое предложение и каждое требование французских властей. Первое заявление было: „Эти самолеты предназначаются для французских войск“. — „Почему же они попали в Одессу?“—„Потому что они предназначаются для французских войск, которые находятся в Константинополе“.— „Почему же вы их не разгрузили в Константинополе, мимо которого вы проходили?“—„Потому что мы и французские военные власти торопились доставить как можно скорее ваших несчастных братьев военнопленных, бывших французских солдат, к вам в Одессу“. Если буржуазия и буржуазная военщина про-

едена лицемерием везде, то во Франции—десятикратно и стократно. Более высокой отделки лицемерия, чем во Франции, в истории не было и нет. Оказалось, что эти самолеты попали в Одессу по избытку гуманности французского милитаризма, который помогал Врангелю терзать и истощать нашу и без того окровавленную страну.

Но и пятимесячные одесские младенцы не поверили бы об'яснениям французского адмирала, да и он сам не надеялся на это и не просил о доверии. Самолеты оставались конфискованными. Тогда французское командование предлагает для того, чтобы самолеты никому не доставались для военных целей, вывезти их и уничтожить в присутствии французских офицеров и нашего командного состава. У нас происходит совещание в Реввоенсовете Республики. Мы имеем полное право на конфискацию, на овладение этой военной контрабандой, но мы идем на попытку соглашения. По прямому проводу мы передаем в Одессу: „Мы согласны". Но там эта оттяжка нужна была только для того, чтобы подтянуть из Константинополя три более крупных французских военных корабля... Когда эти корабли подошли к водам беззащитной Одессы, адмирал заявил: „Вы освободите до такого-то часу самолеты, или мы подвергнем Одессу безостановочной бомбардировке".

Вот, товарищи, положение, в котором мы находились в начале августа 1920 года. Я очень твердо помню эти часы. Мы колебались. Не скрою от вас,—мы колебались, итти ли до конца, подвергнуть ли Одессу опасностям, бомбардировке, ибо была все же мысль: „Они не посмеют". Но в конце-концов мы сказали себе: „Они посмеют все, они сделают все, на что их уполномочат их дальнобойные морские орудия". И мы уступили. Со скрежетом зубовным, со сжатыми кулаками мы уступили и отступили и по прямому проводу дали приказ выдать самолеты, и, разумеется, сейчас же из Одессы они пошли в Крым к Врангелю, и с них убивали наших красноармейцев. Мы тогда сказали себе: „Если бы у нас в водах Одессы был маленький флот, одна или две подводные лодки, и на них кучка молодых моряков, готовых бороться и умереть, — французское правительство, французские военные власти не решились бы на этот эксперимент".

Нам, товарищи, флот нужен, разумеется, не для больших международных планов. Мы никого не станем обманывать и

прежде всего мы не станем обманывать себя. Мы слабы, мы истощены, мы хотим мира и хозяйственной работы, но мы хотим в то же самое время, чтобы дверь наша была на затворе. Мы хотим, чтобы наши прибрежные города не подвергались опасности быть в любой момент стертыми с лица земли по произволу того или другого бешеного буржуазного адмирала. Нам нужно небольшое ядро морских вооруженных сил, которое входило бы в общую систему обороны Советской Республики. И вот это небольшое ядро мы теперь воссоздаем почти из развалин, почти из праха.

Здесь нам на помощь приходит Российский Коммунистический Союз Молодежи. Он выдвигает из своей среды первые кадры новых молодых моряков, которые должны будут на своих плечах вынести судьбы нашего революционного флота. И если бы нам нужно было еще кому-нибудь доказывать, что во всем мире существует только одна демократия, и эта демократия—наша Россия, то я сказал бы: „Посмотрите на этот наш праздник. Он является праздником сотворения вооруженной силы государства при активном, сознательном, ответственном участии подлинной демократии—рабочих и крестьян, работниц и крестьянок, молодежи, почти подростков. Они сразу из фабрик, из мастерских, из чернозема молодой головой врастают в подлинную советскую демократию". Если бы я хотел проводить сравнение, то я бы сказал: „Взгляните на Германию. Теперь это — республика: парламент, всеобщее избирательное право, позиция доверия или недоверия министерствам, пресса лжет на всех оттенках буржуазной радуги—короче говоря, полная демократия. А когда понадобилось решать жизненный вопрос, вопрос в подлинном смысле слова жизни и смерти для германского народа, вопрос о так называемых репарациях, вопрос об уплате бешеной контрибуции французской буржуазии,—кто решил этот вопрос, кто обсуждал: парламент, демократия или, может быть, германский союз рабоче-крестьянской молодежи? Нет,—Стиннес! Стиннес, некоронованный банковский король Германии, у которого $^{9}/_{10}$ Германии в прямой или косвенной зависимости, который свою диктатуру установил над германской бумажной маркой, — Стиннес отправился на свидание с представителем французских буржуазных кругов Люберзаком. И там, в одной из курортных пещер, разумеется, первоклассной пещере, втихомолку, при закрытых дверях

и опущенных шторах, Стиннес решил судьбу германского народа. „Так я хочу, и так будет“—сказал этот подлинный повелитель, подлинный диктатор, диктатор милостью биржи, попирая ногами, покрывая плевками то, что лицемеры, тупицы и подлецы называют буржуазной демократией (Аплодисменты).

И пусть они говорят и пишут о нашем „империализме“ и о нашем „милитаризме“. Милитаризм, который строится добровольным сознательным участием рабоче-крестьянской молодежи, не есть милитаризм, а есть орудие освобождения трудящихся масс.

И это орудие мы с вами здесь создаем. То, что вы, Союз рабоче-крестьянской Молодежи, являетесь с сегодняшнего дня шефом нашего Красного флота, это, разумеется, не является признаком того, что из ваших рук, как из рога изобилия, посыплются на наш Красный флот всякие материальные блага. Нет, у вас нет рога изобилия, но зато у вас есть трубный рог пролетарской революции, которым вы возвещаете сегодня вашу волю: отдать свои силы одновременно и делу хозяйственно-культурного возрождения страны и делу ее вооруженной обороны.

Тот факт, что вы являетесь шефом Красного флота, ставит сегодня черту под целой полосой прошлого и открывает новую главу. Мы получили наш флот, как наследство от старого режима. В нем произошла глубочайшая революция; рядовые моряки заняли одно из самых ответственных мест в нашей революции,—но тем не менее во флоте старой эпохи осталась известная замкнутость и обособленность. Во всем мире флот в лице своих правящих слоев, своего офицерства, является наиболее замкнутой военной кастой, наиболее привилегированной, высокомерной, исполненной предрассудков корпоративного духа. Это было у нас, и дух замкнутости, известный дух сперва воинского, а потом своеобразного военно-революционного высокомерия отличал известные элементы нашего флота и в октябрьскую эпоху. Если мы вспомним черную дату Кронштадта, восстание в Кронштадте, то нет сомнения, что одной из причин того, что недовольство выразилось в такой острой форме именно там, являлся дух корпоративной, цеховой замкнутости старого „сословия военморов“. Тот факт, что вы, Союз рабоче-крестьянской Молодежи, становитесь шефом на-

шего флота, знаменует собою прежде всего полный конец духу касты, духу изолированности, замкнутости, группового высокомерия, поскольку этот дух еще оставался в кое-каких уголках и закоулках нашего флота, как наследие прошлого.

Вы—связь, вы—живой мост между флотом и между трудящимися массами города и деревни. Вы напоминаете самым фактом вашего шефства флоту каждый день и каждый час: „Ты только исполнительный орган, ты только вооруженный орган трудящихся масс города и деревни". Вы перед флотом стоите, как постоянное напоминание пролетариата, революции и коммунизма.

Но и флот кое о чем напоминает вам. Флот—сложный в техническом и организационном смысле организм. Флот возможен только на основе постоянно повышающейся техники, высокого уровня знаний и высокой общественной и государственной организации. Флот своими потребностями и нуждами напоминает вам два завета: „знание и техника". Вот почему я искренно надеюсь, что ваша отныне неразрывная связь с рабоче-крестьянским Красным флотом будет одинаково плодотворна для обеих сторон: и для усыновляемого, и для усыновляющего.

„Рабочий класс, революция и коммунизм"—напоминаете вы флоту. „Наука и техника"—откликается флот вам. И под этим знаменем мы победим, под знаменем: „Рабочий класс, коммунизм, наука и техника!"

РЕЧЬ НА ПРАЗДНИКЕ ПЯТИЛЕТИЯ Р. К. С. М.

(29 октября 1923 г.)

Товарищи! Позвольте принести вам к пятилетию вашего славного союза братский привет от Красной Армии и Красного Флота (Аплодисменты). Вас, товарищи, приветами теперь не удивишь (Смех). Как я читал в вечерней газете, вы получили к сегодняшнему дню приветы из Торонто (Канада), из Чикаго (Соединенные Штаты), из Буэнос-Айреса (Аргентина). Но я надеюсь все же, что вы не откажетесь принять привет и со Знаменки[1]) (Аплодисменты, смех).

Товарищи, как поглядишь на Комсомол, который обновляется из родников рабоче-крестьянской молодежи из года в год, невольно сравниваешь его с тем, что было не так уж давно — этак 20-25 лет тому назад. Об этом времени вы можете составить себе представление по Глебу Успенскому, изобразившему „нравы Растеряевой улицы", жизнь и быт рабочих и рабочей молодежи средины и конца прошлого столетия в Туле; по Горькому, изображающему уездный „Город Окуров", по картине его детства, которую он развернул перед нами в своих последних произведениях; если посмотреть на вас, говорю, да сравнить с тем, что было, то видно—какой большой кусок исторического пути прошли мы с вами, дорогие друзья, за последние годы. Там, в Окурове вчерашнего дня—жизнь мещанства, жизнь рабочих (немногим отличавшаяся от жизни того же мещанства), старый уклад, ветхозаветные верования, весь жизненный обиход—были похожи на закупоренную бутылку без выхода на вольный свет. А сейчас вы, рабоче-крестьянская молодежь, — вы не только вырвались

---

[1]) Знаменка — улица в Москве, где находится здание Реввоенсовета С. С. С. Р.

идейно из трясины Растеряевой улицы. Помните, у Успенского—кварталы, где жили рабочие и рабочая молодежь, выделывавшие гармонии, были на ножах с той рабочей молодежью, которая выделывала самовары — два лагеря, два враждебных мира. Вот эту кружковую замкнутость, эту изолированность, эту тупость старого быта вы одолели, вы связаны теперь и с Чикаго, и с Буэнос-Айресом, и не случайно вам шлют оттуда братья и сестры по духовному оружию свой привет к пятилетию вашего союза.

Вот мерило для того участка исторического пути, который мы прошли за эти пять лет, долгих, как пять столетий. Ваш союз был—и это надо сказать не для торжественного только дня—*ваш союз был и остается историческим фактором, силой, которая участвует в создании новых форм общественности.* Ваш союз нес за это время великие жертвы и, неся жертвы, он не слабел, а выростал—каждый раз на целую голову. Шла борьба на разных фронтах, но каждый раз, когда у нас были поражения, каждый раз, когда наступали тяжелые часы, когда партия и Советская власть собирали силы для обороны или для удара, мы обращались к вашему, тогда еще совсем юному союзу. И каждый раз из ваших рядов выливалась новая волна самоотверженных борцов, которые чувствовали себя частью рабочего класса и умирали в его рядах и под его знаменем. Еще в те дни, когда под Казанью, под Свияжском закладывались основы вооруженных сил Советской Республики, туда была подброшена из Москвы храбрая горсточка молодежи. Большая часть ее легла в боях под Свияжском. И постоянно, когда фронты наши расширялись, а иногда, и это повторялось несколько раз, когда кольцо фронтов сжималось все более вокруг Московского центра, ваш союз извергал все новые и новые отряды,—он кровью связал судьбу свою с судьбой Красной Армии, а затем и Красного Флота.

Два с лишним года тому назад мы получили возможность армию сжать. Комсомол перешел с военного положения если и не на вовсе гражданское, то почти что на такое. Началось время учебы, время борьбы с еще могущественными пластами окуровщины, с залежами азиатчины, некультурности, варварства. Комсомолец, начиная с азбуки, стал подниматься к вершинам материалистической философской мысли, холодая и голодая, разделяя здесь, как и во всем, участь всего рабочего

класса. Два с лишним года большая часть комсомольцев прилагала свои силы к тому, чтобы продвинуть вперед нашу отсталую культуру и технику. Это вы, комсомольцы, создали школу фабзавуча. На каждом с'езде, на каждом ответственном собрании профсоюзов выступают теперь комсомольцы, и старшие поколения слышат мужественный металлический голос новой пролетарской смены. История двинула большой и тяжелый молот, чтобы ковать характер вашего поколения. Едва покинув поле битвы, едва припав молодыми устами к источникам знания и техники, вы уже слышите новый набатный колокол, который предвещает наступление новой грозной борьбы. Я говорю о событиях в Германии, которые приковывают к себе нашу мысль и нашу волю.

Каждый день приносит по радио или по проводу весть о том, как борьба классов в нынешней полурасчлененной и в конец истощенной Германии, обостряясь, ведет к неизбежному концу. Мы уже наблюдаем, как французский империализм перешел к открытому расчленению Германии. Уже Бавария, имея в тылу своем французские штыки, действует, как „независимое" государство. Уже в Кобленце заседает сепаратистское предательское правительство новой рейнской „республики". 125 или 130 лет тому назад в этом самом Кобленце французские эмигранты - роялисты спасались от громов и молний тогдашней великой французской революции, а теперь германские монархисты под защитой французских штыков спасаются от громов и молний надвигающейся новой волны революции пролетарской. Застрельщиком новой полосы классовых битв выступит голодающий германский рабочий (Аплодисменты).

Да, мы от души аплодируем революционному пылу германского пролетариата, коммунистам, подлинным его вождям. Мы недоверчиво глядим на поведение так называемых „левых" социал-демократов. Мы зорко следим за развитием гражданской войны, которая пройдет еще через ряд тяжких ступеней. Еще, товарищи, германский пролетариат железной рукой не сжал колесо победы. Еще будут тяжкие часы, тяжкие дни, тяжкие недели и, может быть, месяцы. Мы отделены от германских рабочих пространством. Но отсюда, с этого красного комсомольского праздника, мы кричим пролетариям и пролетаркам Берлина, Дрездена, Хемница и других городов и округов: „Братья и сестры, духом—мы с вами!"

Борьба, раздирающая Германию, потрясает равновесие всей Европы. Мы не знаем, какие задачи и испытания готовит нам завтрашний день. Мы не знаем их, но мы предвидели их и в сравнительно спокойные дни затишья. Не даром же в самый разгар своей учебы ваш союз взял на себя шефство над всем Красным военно-морским Флотом! Что вы этим сказали? Вы этим сказали, что отдаете себе ясно отчет в том, что впереди еще предстоит суровая борьба, что борясь против варварства и отсталости, с карандашом, с пером, с циркулем, с молотом, с клещами в руках, вы не хотите, вы не смеете разучиться владеть винтовкой и пулеметом. Вы дали за этот период *тысячи комсомольцев нашему Красному флоту*, и если он теперь поднимается и растет, то крупная доля заслуги принадлежит вам. Вы приняли активное участие в *воспитании допризывников*. Мы теперь переходим постепенно, шаг за шагом, на милиционную систему, которая по организации и по духу своему отвечает лучше всего природе рабоче-крестьянского государства. А милиционная территориальная армия только в том случае достигнет необходимой высоты и только тогда обеспечит оборону Советского Союза, если мы поставим на должную высоту военную подготовку молодежи. К этой работе вы приступили. Нам нужен воздушный флот, и наш Комсомол, который в огне не горит и в воде не тонет, наш Комсомол поднимется и в воздушные сферы, чтобы расширить свой горизонт, чтобы преградить с воздуха доступ к твердыням нашей рабоче-крестьянской республики. Нам нужен могучий воздушный флот, и в его строительстве Комсомол будет занимать все больше и больше места.

Так, шаг за шагом, Красная Армия и Красный Флот сплетались и сплетаются с судьбами вашего союза. Армия—молодая, флот после увольнения ряда возрастов—стал молодым, а что вы—молоды, об этом не нужно и говорить, достаточно посмотреть на этот зал,—и вот эта кровная близость поколений, уже вооруженных и еще только готовящихся к вооружению, это братство — нерасторжимо. Если Комсомол—плоть от плоти рабочего класса, то армия и флот становятся только продолжением и развитием Комсомола. Когда Европа содрогается в корчах, когда опасности становятся все более непосредственными, мы вас призываем, товарищи, не отрывая своих сил от учебы, от работы, от производства, уделять все большую долю внимания Красной Армии и Красному Флоту.

К вашей пятой годовщине Революционный Военный Совет С. С. С. Р. постановил вручить вашему Центральному Комитету знамя, внешнее выражение связи, которая соединила армию и вас в прошлых боях, которая будет чем дальше, тем больше крепнуть, ибо мы идем к борьбе, навстречу новым испытаниям (передает знамя представителю Ц. К. Р. К. С. М. при бурных аплодисментах и звуках „Интернационала“). Какая судьба ждет нас впереди—этого точно не скажет никто. Но мы знаем, что нас ждет борьба! В этой борьбе ваш союз под знаменем Коминтерна будет бороться на тех рубежах, на которые поставит нас история. Пусть это знамя будет среди ваших боевых знамен. Красная Армия и Красный Флот не сомневаются, что это знамя не будет посрамлено, что оно станет для вас знаком чести, борьбы и победы (бурные, долго не смолкающие аплодисменты).

СХЕМА №1.

Положение линии фронта Красной Армии к середине Октября 1918 г.

СХЕМА №2.
Положение линии фронта Красн. Армии к середине Октября 1919 г.
Балтийское море
Белое море
Мурман
Архангельск
Березов
Петроград
Рига
Псков
Вологда
Двинск
Тверь
Вятка
Пермь
Тобольск
Минск
Смоленск
Могилев
Москва
Вильнюс
Казань
Челябинск
Омск
Житомир
Киев
Курск
Воронеж
Уфа
Самара
Петропавл
Харьков
Саратов
Уральск
Оренбург
Акмолинск
Одесса
Херсон
Царицын
Новочеркасск
Азовское море
Черное море
Ставрополь
Астрахань
Каспийское море
Гурьев
Пермь
- Линия фронта к середине Октября 19 г.
Масштаб 300 в/д.

СХЕМА №3.

Положение линии фронта Красной Армии к середине Октября 1921 г.

Масштаб 800 в/д.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА 3

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

I. ПАРТИЯ И СМЕНА.

ПАРТИЯ И СМЕНА 13
ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ 16
ПЕРЕДАЧА ОПЫТА РЕЗЕРВАМ 18
МЫСЛИ О ПАРТИИ:
1. Молодежь и полоса „малых дел“ 20
2. Национальный вопрос и воспитание партийной молодежи . . . 28
3. Еще раз: воспитание молодежи и национальный вопрос 37
ПАРТИЯ И МОЛОДЕЖЬ ОТСТАЛЫХ НАРОДОВ 48
К ПЯТИЛЕТИЮ СВЕРДЛОВИИ:
1. „Новый человек“ и революция 50
2. Нэп, империалистическое окружение, Интернационал 52
3. Революционер и мистицизм 54
4. Дарвинизм и марксизм 55
5. Теория революционного действия 57
6. Памяти Свердлова 59
7. Партия на Востоке 60
8. Свердловия и Ленин 63
НАДО УЧИТЬСЯ ПИСАТЬ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ 64
ПОКОЛЕНИЮ ОКТЯБРЯ 67

II. УЧЕБА.

РАБОТАЯ—УЧИТЬСЯ 73
ОПАСНАЯ БОЛЕЗНЬ 77
ВНИМАНИЕ К ТЕОРИИ 78

Стр.
БЕГЛЫЕ МЫСЛИ О ПЛЕХАНОВЕ 86
НАДО ЗНАТЬ ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ 92
СТАТЬ МАСТЕРАМИ СВОЕГО ДЕЛА 94
МОЛОДЫЕ ДОЛЖНЫ ПИСАТЬ ЛУЧШЕ СТАРИКОВ 95
НЕ РАЗБРАСЫВАТЬСЯ 97

III. ВООРУЖЕННЫЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ.

АРМИЯ — ШКОЛА. 101
КРЕСТЬЯНСКИЙ МОЛОДНЯК ПОД РУЖЬЕМ 107
В ПОХОД ЗА НАУКОЙ ВОЙНЫ 110
ОТРАДНЫЙ СИМПТОМ 112
МОЛОДЫЕ КОММУНИСТЫ — В АРМИЮ 115
ДОПРИЗЫВ 1901 ГОДА 118
ОРУДИЕ БУДУЩЕГО 120

IV. ЗА НОВЫЙ БЫТ.

ПОДАЛЬШЕ ОТ СТАРОГО „СПЛОШНОГО“ БЫТА 125
ВНИМАНИЕ К МЕЛОЧАМ 127
„КУЛЬТУРНИЧЕСТВО“ И ПЕРЕСТРОЙКА БЫТА 131
ВОЙНА, ЦЕРКОВЬ И КИНЕМАТОГРАФ 133
НА ПУТИ К НОВОЙ СЕМЬЕ 138
СЕМЬЯ И ОБРЯДНОСТЬ 142
КОНЧИК БОЛЬШОГО ВОПРОСА 146
БОРЬБА ЗА КУЛЬТУРНОСТЬ РЕЧИ 150

V. КОМСОМОЛЬЦАМ.

ДОКЛАД НА II С'ЕЗДЕ Р. К. С. М. (1919) 157
РЕЧЬ НА ПРАЗДНИКЕ К. И. М. В ЕКАТЕРИНБУРГЕ (1920) 168
ДОКЛАД НА II КОНГРЕССЕ К. И. М. (1921). 174
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО НА II КОНГРЕССЕ К. И. М. (1921) . . 190
РЕЧЬ НА IV ВСЕРОС. С'ЕЗДЕ Р. К. С. М. (1921). 195
ДОКЛАД НА V ВСЕРОС. С'ЕЗДЕ Р. К. С. М. (1922) 217
РЕЧЬ В ДЕНЬ ПРИНЯТИЯ Р. К. С. М. ШЕФСТВА НАД КРАСНЫМ ФЛОТОМ (1922) 240
РЕЧЬ НА ПРАЗДНИКЕ 5-ЛЕТИЯ Р. К. С. М. (1923 г.) 248

ПРИЛОЖЕНИЕ: Три схемы фронтов на отд. таблицах.

Р. С. Ф. С. Р. ИНСТИТУТ К. МАРКСА-Ф. ЭНГЕЛЬСА В. Ц. И. К.

50к
59-51

С ЗАКАЗАМИ ОБРАЩАТЬСЯ
В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
МОСКВА. Старая пл., д. 10/4
Для Петрограда и Северо-Западн. области—в Петроградск. отделен. Издательства
ПЕТРОГРАД, В. О., 5 лин., д. 28.